DK
33
.M6

33 740 1 1104/322

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ.

СОСТАВИЛЪ

М. Мостовскій.

1. Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій и прогимназій.
2. Одобрены Ученымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, какъ полезное пособіе для институтовъ и женскихъ гимназій.

Цѣна 1 рубль.

МОСКВА.
Продается въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова
(Москва, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).
1874.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ РОССІИ.

Mostovskii, Mikhail Stepanovich

СОСТАВИЛЪ

М. МОСТОВСКІЙ.

(УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ).

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

DK33
.M6

Нѣтъ ни одного государства на земномъ шарѣ, которое бы, подобно Россіи, совмѣщало въ себѣ такое множество народовъ, различныхъ по образу жизни, языку и религіи. Многіе изъ этихъ народовъ находятся еще въ той первобытной простотѣ, въ какой они жили и нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. По прежнему, обитаютъ они въ неприглядныхъ чумахъ, шалашахъ или кибиткахъ, по прежнему, ѣдятъ сырое мясо, пьютъ кровь животныхъ и шьютъ жилами себѣ одежду, словомъ, ихъ бытъ нисколько не разнится отъ быта дикарей Америки и Океаніи: такая же одежда, такая же домашняя утварь, та же бѣдность языка, доказывающая ограниченность ихъ понятій. Жители острововъ Океаніи татуируютъ свою кожу, выкалывая на ней различные узоры; то же самое дѣлаютъ и Тунгусы; Чукчи носятъ воткнутые кости въ губахъ; подобное же украшеніе мы встрѣчаемъ и у Папуанцевъ. Многіе обычаи древняго восточнаго міра сохранились у нѣкоторыхъ нашихъ народовъ со всею полнотою: гостепріимство, закланіе животныхъ для гостей, особенный почетъ сидѣть подлѣ старшихъ и должное къ нимъ уваженіе, вкушеніе пищи сидя на землѣ и т. д.

Хотя цивилизація съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе проникаетъ въ невѣжественныя толпы дикарей, сглаживая вра-

ждебные ей предразсудки и суевѣрія; хотя торговля и промышленность стараются тѣснѣе упрочить союзъ между членами огромной семьи, но закоренѣлые и вѣрные обычаямъ своихъ отцовъ дикари еще много столѣтій будутъ возбуждать всеобщій интересъ и своими обрядами и религіозными вѣрованіями. — Мы поставили себѣ задачею представить по возможности вѣрное и подробное описаніе современнаго быта народовъ обитающихъ въ Россіи, собрать въ одно цѣлое все, что разбросано въ частныхъ описаніяхъ и, снабдивъ рисунками, въ которыхъ кромѣ типа и одежды проглядывала бы и бытовая сторона народа, издать въ свѣтъ. Предлагаемые же нами „Этнографическіе очерки Россіи" есть только незначительная частица, извлеченіе изъ нашего труда. Главная цѣль, побудившая насъ составить ихъ вызвана необходимостью имѣть подъ руками пособіе при изученіи отечественной географіи. Множество статей по части Этнографіи, разсѣянныхъ въ различныхъ сочиненіяхъ и періодическихъ изданіяхъ, Этнографическій сборникъ, Энциклопедическіе словари, наконецъ личное знакомство со многими народами послужили намъ матеріаломъ при составленіи этой книги.

Предназначая „очерки" какъ учебное пособіе, весьма естественно, мы не считали нужнымъ вдаваться въ тѣ мельчайшія подробности, которыя были бы присущи сочиненію, имѣющему болѣе спеціальный характеръ. Въ предлагаемой нами книгѣ мы старались обратить вниманіе учащихся лишь на тѣ стороны жизни народа, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ составить интересъ для нихъ.

Изложивъ обстоятельно распространеніе извѣстнаго народа и его численность, мы, не вдаваясь въ подробности его наружнаго вида и одежды, переходимъ къ бытовой сторонѣ, знакомимъ читателя съ нравами, обычаями и промыслами описываемаго народа. Такимъ образомъ не безслѣдно

пройдутъ упоминающіеся въ руководствѣ и Камчадалы и Абхазцы, характеристика которыхъ, по недостатку времени у преподавателя, часто бываетъ невозможна и на долю учащагося остается только заучиванье одной номенклатуры.

М. Мостовскій.

Москва.
24-го ноября.
1873 г.

I. СЛАВЯНСКАЯ СЕМЬЯ.

Великороссіяне.

50 милл. душъ.

Обширная равнина Россійской имперіи простирается отъ Ледовитаго океана до морей Чернаго и Каспійскаго и границъ Китайской имперіи, и отъ Балтійскаго моря до Великаго океана. Чтобы совершить путешествіе по этой равнинѣ въ направленіи отъ востока къ западу нужно проѣхать 14500 верстъ, а отъ сѣвера къ югу—4800 вер.

Уральскимъ хребтомъ горъ раздѣляется она на двѣ части: Европейскую и Азіятскую. На равнинѣ Европейской Россіи путешественникъ не замѣтитъ ни значительныхъ возвышеній, кромѣ холмовъ, разбросанныхъ по срединѣ ея и составляющихъ Алаунскую возвышенность, ни рѣзкихъ переходовъ въ климатѣ, ни богатства и роскоши растительнаго міра странъ тропическихъ, но за то ему кинется въ глаза пестрая рама народовъ, различныхъ по языку, религіи, образу жизни, окаймляющихъ эту равнину и окружающихъ многочисленный, господствующій русскій народъ. Русскіе, извѣстные подъ названіями: Великороссіянъ, Малороссовъ, Русиновъ и Бѣлоруссовъ, принадлежатъ къ Славянской семьѣ. Славяне не помнятъ о своемъ вождѣ, приведшемъ ихъ изъ Азіи. Лѣтописецъ говоритъ, что прибывшіе Славяне поселились на Дунаѣ, гдѣ нынѣшняя Венгрія и Болгарія, и отсюда уже разошлись по разнымъ мѣстамъ, и по имени этихъ мѣстъ получили разныя названія; одни заняли область р. Моравы и прозвались *Моравами*, другіе—

Чехами; когда же напали на нихъ Волхи, то Моравы и Чехи двинулись къ Вислѣ и получили названіе *Ляховъ*.

Первыми Славянскими поселенцами на востокѣ являются *Древляне*—жители лѣсовъ и *Поляне*—жители полей; они двинулись съ запада, изъ нынѣшней Галиціи, на востокъ до Днѣпра. Потомъ Славянскіе народы стали распространяться на сѣверъ и, поселившись около озера Ильменя, прозвались собственнымъ именемъ—*Славянами*. Эти Славяне построили городъ Новгородъ. Особенное значеніе между славянскими племенами пріобрѣли Поляне, потому что городъ Кіевъ, среди ихъ основанный, сталъ главнымъ городомъ русской земли.

„Каждое племя жило съ своимъ родомъ отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ своимъ родомъ", говоритъ лѣтописецъ. Обширность страны, населенной Славянами, давала возможность выселяться при первомъ неудовольствіи или несогласіи племенъ между собою; но однообразіе занятій и обычаевъ способствовало объединенію ихъ и образованію отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, или княжествъ.

Въ началѣ историческаго существованія Россіи, средоточіе жизни русскаго народа утвердилось въ двухъ мѣстахъ: около Новгорода—на сѣверѣ, и на Днѣпрѣ, около Кіева—на югѣ. Между русскими людьми на сѣверѣ и русскими людьми на югѣ скоро обозначилось различіе: на югѣ жилъ тотъ русскій человѣкъ, который не чувствовалъ стремленія къ мирному труду, который шелъ на встрѣчу опасности, защищая мирныхъ людей отъ степныхъ хищниковъ, прорывавшихся всюду и опустошавшихъ русскую землю. Подобныя столкновенія, и притомъ частыя, были причиной того явленія, что люди, желавшіе отдаться мирному труду, оставляли югъ и искали себѣ безопаснаго пріюта въ сѣверо-восточной лѣсной части нашей великой равнины, гдѣ ожидалъ русскаго человѣка тяжелый трудъ воздѣлыванія почвы, расчистки лѣсовъ, осушенія болотъ; но онъ не устрашился этого труда, вступилъ въ продолжительную борьбу съ суровой сѣверной природой, сталъ твердой ногой на почвѣ имъ воздѣланной и, положивъ прочное начало государства, двинулся во всѣ стороны, утвердилъ свое господство, сдѣлался полнымъ хозяиномъ этой равнины — Великой Россіи.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ характеристикѣ Великорусскаго народа, мы постараемся объяснить то значеніе, которое имѣетъ вообще мѣстность на характеръ и привычки того или другаго народа.

Суша, на которой мы живемъ, представляетъ собою двѣ главныя формы: нагорье и равнину, или низменность. На развитіе физическихъ и нравственныхъ качествъ народа вліяетъ окружающая природа; для объясненія этого явленія, мы проведемъ параллель между горцемъ и жителемъ равнины.

Горецъ — это физически развитый человѣкъ съ гибкими членами, съ крѣпкими мускулами, которые онъ развилъ ежедневными гимнастическими упражненіями, восходя на горы, спускаясь въ долины, карабкаясь по скаламъ, прыгая черезъ рвы и пропасти. Отъ частыхъ переходовъ изъ одной температуры въ другую тѣло его потеряло воспріимчивость къ перемѣнамъ погоды, теплу и холоду; не боится горецъ ни сквознаго вѣтра, ни жары, ни сырости. При восхожденіи на горы, онъ долженъ часто и глубоко вдыхать въ себя воздухъ, вслѣдствіе чего грудь его и легкія развились, окрѣпли, расширились. Постоянная необходимость въ тѣлесныхъ упражненіяхъ сдѣлала его способнымъ къ труднымъ и продолжительнымъ работамъ и къ перенесенію разнаго рода лишеній безъ всякаго вреда для здоровья. Его постоянная борьба съ природою, — съ бурею, грозою, провалами сдѣлала его смѣлымъ, храбрымъ и отважнымъ; съ другой стороны частая безуспѣшность этой трудной борьбы, заставляя его сознавать свою слабость и безпомощность, научаетъ его понимать чужую нужду. Такъ какъ все, что имѣетъ горецъ, добыто имъ съ величайшимъ трудомъ, отбито, завоевано у природы, то понятно, почему онъ дорожитъ тѣмъ, что пріобрѣлъ самъ или получилъ въ наслѣдство отъ предковъ; понятно, почему онъ борется гораздо упорнѣе и продолжительнѣе за свою свободу и независимость, нежели житель равнины. Величіе природы, его окружающей, не могло также не отразиться и на его душѣ. Будучи не въ состояніи объяснить различныя явленія, онъ чувствуетъ въ природѣ присутствіе какой то непостижимой для него силы,—отсюда страсть къ таинственному, сверхъестественному, чудесному. Вмѣстѣ съ страстью къ таин-

ственному, въ душѣ его развивается чувство благоговѣйнаго страха предъ величіемъ и всемогуществомъ божіимъ, которое онъ видитъ въ громѣ и молніи, въ каждой скалѣ, въ каждомъ водопадѣ; а въ этомъ чувствѣ заключается источникъ религіозности, характеризующей каждаго горца.

Мы представили сейчасъ очеркъ горца, физически развитаго, крѣпкаго, здороваго, смѣлаго, отважнаго, религіознаго и суевѣрнаго; перейдемъ теперь къ жителю равнины и прослѣдимъ тѣ условія, въ которыя онъ поставленъ, укажемъ вліяніе на него природы, развившей въ немъ извѣстныя физическія и нравственныя качества.

Жители равнинъ не имѣютъ такого крѣпкаго тѣлосложенія, какимъ одарены горцы. Гладкая равнина не требуетъ почти никакихъ физическихъ усилій, т. е. ни сильнаго напряженія мускуловъ тѣла, ни гимнастическихъ упражненій; не нужно глубоко вдыхать воздухъ, потому что онъ всюду одинаковъ, не нужно сильно расширять легкія; оттого у жителей равнинъ грудь плоская, легкія мало развиты, расположены къ чахоткѣ, мускулы вялы и все тѣлосложеніе слабо. Однообразная равнина съ такимъ же однообразнымъ климатомъ и растительнымъ міромъ уныло дѣйствуетъ на душу человѣка: нѣтъ предмета, на которомъ бы онъ сосредоточилъ свое вниманіе, полюбовался; безпредѣльность равнины навѣваетъ скуку и утомленіе, которыя еще болѣе притупляютъ въ душѣ способность къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. По отсутствію предметовъ внѣшней природы, которые бы обратили на себя вниманіе обитателя равнины, онъ сосредоточивается въ самомъ себѣ, старается объяснить тѣ или другія явленія, углубляется въ себя, изощряя свои умственныя способности въ ущербъ развитію чувства и фантазіи, на которыя окружающая природа не въ состояніи производить сильныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній. При такомъ преобладаніи разума, является стремленіе къ сомнѣнію, анализу, наклонность къ остротамъ и насмѣшкамъ,— свойства составляющія одну изъ характеристическихъ особенностей обитателей равнинъ. Очевидное развитіе умственныхъ способностей въ ущербъ физическихъ ставитъ его выше горца. Чего нельзя пріобрѣсть физической силой, то можно съ большимъ успѣхомъ покорить умомъ и хитростію; до-

казательствомъ тому служитъ, что жители равнинъ были поработителями, а вмѣстѣ и просвѣтителями другихъ народовъ.

Эта же доля выпала и Русскому народу. Народъ этотъ съ береговъ Ильменя распространился на всемъ востокѣ Европы, на сѣверѣ Азіи, перешелъ черезъ Великій океанъ и основалъ колоніи въ Америкѣ; но здѣсь онъ встрѣтился съ другимъ народомъ, который остановилъ его дальнѣйшее стремленіе.

Великороссіяне (50 милліоновъ) составляютъ господствующій народъ и сплошное населеніе центральныхъ губерній; они въ большомъ числѣ разселены также и въ другихъ частяхъ имперіи.

Великороссіяне, большею частію, средняго роста, плотнаго тѣлосложенія, лицо ихъ, способное безпрестанно мѣнять свое выраженіе, часто оживляется улыбкой. Въ характерѣ Великоросса много уклончивости, гибкости, способности примѣняться къ какимъ угодно обстоятельствамъ, какъ бы они ни сложились для него неблагопріятно. Историческія событія доказываютъ, что жизнь великорусскаго народа была далеко не радостна. Въ началѣ своего существованія, народъ принималъ дѣятельное участіе въ усобицахъ князей, потомъ столкнулся съ врагомъ сильнымъ, подавившимъ на время его самостоятельность. Такъ онъ жилъ въ постоянномъ страхѣ между своими и чужими; у него не было той безопасности, безъ которой не могутъ имѣть мѣста ни промышленность, ни торговля, а жизнь не украшалась ни наукой, ни искусствомъ. При такой бѣдности жизни были доступны ему только грубыя удовольствія и единственнымъ утѣшеніемъ въ тяжелые часы оставался разгульный пиръ, гдѣ забывалъ онъ свое горе.

Великороссы — уживчивый и подвижной народъ; нѣтъ населеннаго уголка въ Европѣ гдѣ бы Русскій, не пріютился, нѣтъ мѣста гдѣ бы не встрѣтили его. Способный вездѣ ужиться, онъ легко переходитъ съ одного мѣста на другое, нисколько не сожалѣя о прежней своей родинѣ, оставляетъ даже привычное ремесло, легко выучивается новому и часто готовъ на всякій трудъ. Но и въ трудѣ онъ является своеобразнымъ: работаетъ живо, отъ пріема къ пріему переходитъ быстро; какъ бы усердно и скоро онъ ни работалъ, непремѣнно или тянетъ

пѣсню, или разсказываетъ что нибудь своему земляку, или хоть перебранивается съ нимъ. Великоруссъ откровененъ до болтливости: онъ не только отвѣчаетъ на предложенный ему вопросъ, но сообщаетъ и то, о чемъ у него не спрашиваютъ—„душа на распашку", говоритъ пословица, характеризующая довольно вѣрно безъискусственную простоту, откровенность и радушіе Великороссіянина.

Главное занятіе и главный источникъ богатства Великорусскаго народа—земледѣліе; поэтому справедливо назвать Русскихъ земледѣльческимъ народомъ. Но въ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе не обезпечиваетъ его быта, а служитъ только подспорьемъ въ хозяйствѣ, всѣ взрослые мужчины рѣдко живутъ дома: фабрики, заводы и торговля привлекаютъ десятки тысячъ рукъ и въ деревняхъ остаются только старики, женщины и дѣти. Разъ или два въ году, по большимъ праздникамъ, являются мужчины навѣстить семью свою и исправить домашніе недостатки. Такое сочетаніе труда фабричнаго съ владѣніемъ землей имѣетъ огромное преимущество передъ бытомъ фабричныхъ въ западной Европѣ, потому что русскій крестьянинъ, вслѣдствіе закрытія фабрикъ, все таки обезпеченъ землею, тогда какъ, напримѣръ, англійскій фабричный, въ томъ же случаѣ, долженъ ожидать голодной смерти.

Живутъ Великороссы въ избахъ, по большой части расположенныхъ на большихъ дорогахъ и вытянутыхъ въ прямую линію; противъ избы, черезъ улицу, стоятъ обыкновенно амбары съ хлѣбомъ, такъ что хозяинъ изъ оконъ своего дома можетъ видѣть цѣлость своего главнаго имущества. Сзади дворовъ—огородъ, еще далѣе—овины и наконецъ бани—любимое лѣкарство русскаго крестьянина. Семейный бытъ великорусскаго народа напоминаетъ времена патріархальныя: отецъ считается главою семьи и семья повинуется ему, признавая для себя въ этомъ повиновеніи долгъ. Нѣсколько семей составляютъ общину, управляемую старостой, которому подчиняются всѣ остальные члены какъ младшіе старшему.

Часто упрекаютъ Великорусса за безпечность, множество предразсудковъ и страсть къ спиртнымъ напиткамъ, доводящую его нерѣдко до разоренія.

Главная причина указанныхъ недостатковъ кроется, безъ всякаго сомнѣнія, въ томъ состояніи необразованности, въ которомъ находится сельское общество. Необразованность

эта, доходящая иногда до крайняго невѣжества, влечетъ за собою много предразсудковъ, много суевѣрій. Не мало примѣтъ и вѣрованій удерживаются еще до сихъ поръ простымъ народомъ, останавливая успѣхи сельскаго хозяйства и вообще совершенствованіе быта крестьянина. Дни несчастливые и дни, въ которые работать считается грѣхомъ, строго соблюдаются народомъ и бываютъ очень часто причиною, что удобнѣйшее время для полевыхъ работъ проходитъ безплодно. Вѣра въ знахарей и колдуновъ, множество суевѣрныхъ обрядовъ также не мало причиняетъ зла русскому крестьянину. Почти въ каждомъ приходѣ есть колдунъ, къ которому стекаются окрестные поселяне. Колдунамъ приписывается свойство, при содѣйствіи нечистой силы, портить людей и излѣчивать ихъ отъ разныхъ недуговъ. Обыкновенныя болѣзни: истерика и падучая болѣзнь приписываются дѣйствію нечистой силы. Сами одержимые этими недугами (кликуши) убѣждены, что они кѣмъ-то испорчены. Кликуши эти существуютъ къ сожалѣнію и до сихъ поръ. Нерѣдко, среди пѣнія Херувимской, слышится неистовый крикъ и всхлипыванія, и на вопросъ о причинѣ явленія, вамъ отвѣтятъ—это порченая. Въ случаѣ появленія заразительной болѣзни въ окрестностяхъ,—вдовы и дѣвицы, въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ распущенными волосами, собираясь гдѣ нибудь въ концѣ деревни, привозятъ съ собой соху; цѣль этого собранія—опахать деревню кругомъ и тѣмъ оградить ее отъ заразы. Шествіе открывается слѣдующимъ образомъ: одна изъ дѣвушекъ идетъ съ иконою впереди, другая впрягается въ оглобли и тащитъ соху, прочія помогаютъ ей; при этомъ всѣ вполголоса читаютъ молитвы. Случайный свидѣтель этого шествія долженъ быть крайне остороженъ, чтобы не открыли его, иначе онъ рискуетъ быть наказанъ дикими участницами собранія. Русскій народъ вообще религіозенъ, онъ строго исполняетъ церковныя постановленія, наблюдаетъ посты и проч. Каждый приходъ имѣетъ своего святаго—представителя передъ Богомъ, или таинственную икону, ниспосылающую вѣрующимъ чудесныя исцѣленія. Въ тѣ дни, когда празднуется память святаго или явленіе чудотворной иконы, народъ стекается въ церковь изъ всей окрестности. Утро посвящается молитвѣ; остальное время торгу и веселью. Кромѣ церковныхъ праздниковъ, Великороссіяне съ

большою торжественностью празднуютъ Семикъ, Святки и Масляницу. Въ деревняхъ Россіи особенно чествуется четвергъ передъ днемъ Св. Троицы; праздникъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *Семика*. Женщины въ лучшихъ нарядахъ и молодые парни, изукрасивъ лентами и платками срубленную молодую березу, несутъ ее съ пѣснями въ ближайшую рощу и тамъ водружаютъ ее гдѣ нибудь на луговинѣ; потомъ, разсыпавшись по рощѣ, ломаютъ вѣтви и плетутъ вѣнки въ видѣ кольца; въ эти кольца, противъ средины, привѣшиваютъ снятый крестъ, и два лица въ одинъ и тотъ же моментъ цѣлуютъ этотъ крестъ: одно съ одной, другое съ другой стороны. Послѣ чего, размѣнявшись крестами, между ними утверждается дружба на вѣки, такъ что ссориться и браниться считается великимъ грѣхомъ. Послѣ завивки вѣнковъ, садятся кругомъ березы, ѣдятъ яичницу, а потомъ начинаютъ пѣть пѣсни и водить хороводы. Съ закатомъ солнца, березу несутъ въ деревню также съ пѣснями, а учавствующіе въ завиваніи вѣнковъ отправляются къ рѣкѣ, къ озеру, или пруду, гдѣ, снявъ себя вѣнки, опускаютъ ихъ въ воду около берега, и почерпнувъ сквозь вѣнокъ воды, умываются; совершивъ этотъ обрядъ, снова бросаютъ вѣнокъ далеко въ воду и наблюдаютъ: если поплыветъ вѣнокъ, то бросившій долго будетъ жить, если же потонетъ, то скоро умретъ.

Святки начинаются обыкновенно на третій день Рождества и продолжаются вплоть до крещенскаго сочельника; въ это время ходятъ ряженые, устраиваютъ посидѣлки, слушаютъ подъ окнами, водятъ хороводы, гадаютъ. Праздники значительно оживляются пріѣздомъ гостей изъ Петербурга: пѣсни поются веселѣе, сказки смѣняются интересными разсказами о столицѣ изъ сосѣднихъ деревень приходятъ дѣвушки-невѣсты, и на этихъ вечеринкахъ „Питерщикъ“ выбираетъ себѣ суженую, съ кѣмъ вмѣстѣ жить *да поживать*, т.-е. не постоянно жить, а временно, потому что въ концѣ Великаго поста „Питерщикъ“ отправляется въ столицу на заработки.

Масляница у русскихъ, какъ и у всѣхъ народовъ. принадлежитъ къ числу самыхъ разгульныхъ праздниковъ. Широкая масляница начинается съ середы и продолжается до вторника Великаго поста. Народъ въ это время угощается

всевозможными яствами, не забывая при этомъ выпивать значительное количество вина; молодые люди наряжаются, проказничаютъ, катаются съ горъ, водятъ хороводы и въ послѣдній день устраиваютъ сельскій фейерверкъ, т.-е. берутъ нѣсколько сноповъ насмоленой соломы, втыкаютъ каждый на шестъ, стоящій перпендикулярно къ землѣ, и въ дальнемъ разстояніи отъ селенія солому зажигаютъ. Вмѣстѣ съ соломой сожигаютъ смоляныя и дегтярныя бочки. Такъ въ ночь на чистый понедѣльникъ молодежь сожигаетъ масляницу.

Свадебные обряды русскаго народа чрезвычайно разнообразны; почти въ каждой мѣстности существуютъ свои обычаи. Предложеніе жениха невѣстѣ дѣлается всегда черезъ свата или сваху; если послѣдовало согласіе со стороны невѣсты, т.-е. если та отвѣтила отцу или матери на вопросъ ихъ: желаетъ ли она выйти замужъ за такого-то, „на то воля родительская", назначается сговоръ. Наканунѣ дня, назначеннаго для бракосочетанія, всѣ невѣстины подружки собираются къ ней въ домъ, на *дѣвичникъ*, топятъ баню и съ пѣснями провожаютъ ее туда, а въ самый день, назначенный для свадьбы, снаряжаютъ ее къ вѣнцу. По совершеніи обряда, свадебные гости слѣдуютъ за молодыми въ домъ жениха, за свадебный столъ. Во время пиршества, новобрачной свиваютъ двѣ косы и надѣваютъ на голову кокошникъ. На пиршествахъ, какого-бы рода они ни были, всегда играютъ важную роль пѣсни. Въ пѣсняхъ русскаго народа прославляются сила воли, отвага, разгулъ; нерѣдко слышится вопль отчаянія, тоска, одиночество. Великорусская поэзія стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ естественности, историческія событія превращаются въ сказку; участія природы въ горѣ и радости человѣка почти нѣтъ, женщина хотя и воспѣвается, но она привлекаетъ къ себѣ по преимуществу внѣшней красотой, рѣдко нравственными качествами.

Малороссіяне.

$12^1/_3$ милл. душъ.

Малоруссы, или Южноруссы представляютъ собою часть великой семьи Русскаго народа. Они живутъ въ большомъ

количествѣ въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской, Харьковской, Кіевской и отчасти—въ Курской, Воронежской, Екатеринославской и Херсонской. Всѣхъ Малороссіянъ считается $12^1/_2$ милл. душъ. Малороссъ высокъ ростомъ, статенъ и сухощавъ, крѣпко сложенъ, цвѣтъ лица его смуглый; смотритъ онъ изъ подлобья; на вопросы отвѣчаетъ осторожно, коротко и неохотно; работаетъ медленно, весь погруженный въ работу. Малороссъ неподвиженъ, привязанъ къ своей родинѣ и ему нигдѣ не можетъ быть такъ хорошо, какъ въ своей родной землѣ. Судя по молчаливости, медленнымъ движеніямъ, отрывочнымъ вопросамъ и отвѣтамъ, Малороссъ кажется апатичнымъ, простодушнымъ, нерѣдко человѣкомъ недальняго ума, но на самомъ дѣлѣ умъ у него наблюдательный, строгій, способный къ продолжительному и упорному труду, хотя не такъ быстро, но за то отчетливо и основательно понимающій вещи. Чувство въ немъ также сильное и глубокое, оно разгорается медленно, но за то переходитъ въ пламенную страсть часто на всю жизнь.

Селенія малороссійскія расположены, большею частью, на красивой мѣстности, орошаемой какой нибудь рѣчкой. Вся деревня разбросана въ безпорядкѣ, лѣпится иногда по горамъ. Церковь и кладбище всегда возвышаются надъ селеніемъ, потому что для нихъ выбирается холмъ. Чистыя, выбѣленныя, стоящія особнякомъ хаты *), всегда съ садиками, гдѣ красуются гвоздика, барвинокъ, роза и другіе красивые цвѣты, а въ огородѣ, расположенномъ возлѣ хаты, растутъ подсолнечники, разноцвѣтный макъ, кусты сирени и бузины. Внутренность хаты пріятно бросается въ глаза своею чистотою и опрятностью. Общиннаго владѣнія земель въ Малороссіи не существуетъ. Каждый молодой человѣкъ, женившись, отдѣляется отъ отца, строитъ себѣ отдѣльную хату, заводитъ свое собственное хозяйство, считая независимость выше всего. По смерти родителей женатые братья рѣдко живутъ вмѣстѣ. Кровная связь и родство мало располагаютъ въ Малороссіи людей къ согласію и взаимной любви. Ссоры между родными—явленіе самое обыкновенное

*) „Моя хата съ краю“ говоритъ Малороссъ, желая устранить себя отъ какого нибудь непріятнаго для него дѣла.

и въ нисшемъ и въ высшемъ классѣ. Въ административномъ отношеніи, община въ Малороссіи сохраняетъ свое значеніе, но съ особеннымъ оттѣнкомъ. Малороссійская *громада*—это добровольная сходка отдѣльныхъ собственниковъ; кто хочетъ въ ней участвуетъ, кто не хочетъ—выходитъ. Каждый членъ громады есть самъ по себѣ независимая личность, самостоятельный собственникъ, не отвѣчающій за другаго, не подчиняющійся рѣшеніямъ громады. Сельскія занятія Малороссовъ состоятъ въ земледѣліи, скотоводствѣ, рыболовствѣ, садоводствѣ, пчеловодствѣ и чумакованьи. Весна въ Малороссіи начинается очень рано — обыкновенно въ половинѣ марта, такъ что нерѣдко до Благовѣщенія всѣ поля успѣютъ засѣять. Въ земледѣльческихъ работахъ Малоросса существуетъ обычай помогать другъ другу, что благопріятно отражается и на его хозяйствѣ. Покончивъ съ посѣвомъ, Малороссъ начинаетъ хлопотать объ уборкѣ сѣна; въ іюлѣ мѣсяцѣ наступаетъ покосъ *(косовіца.)*. Зажиточные хозяева запасаются косарями, которыхъ нанимаютъ еще зимой. Къ Иванову дню собираются косари и выступаютъ на работу, иногда верстъ за 10. Едва покончили съ лугами, какъ наступаетъ новая, тяжелая работа — жатва; жатва производится также артельнымъ порядкомъ, съ выдачею работающему части сжатаго хлѣба. Пчеловодство во времена гетманства доставляло также немаловажный источникъ дохода и день собиранія меда былъ народнымъ праздникомъ въ Малороссіи. Въ настоящее же время этотъ промыселъ отодвинулся на задній планъ и уступилъ мѣсто чумакованью.

Пріобрѣтя двѣ пары воловъ, запасшись нѣсколькими десятками рублей, идетъ Малороссъ *чумаковать* въ сообществѣ людей бывалыхъ, опытныхъ. Отправляясь въ дальній путь, чумаки *) заѣзжаютъ въ какой либо ярморочный городъ, берутъ кладь и медленно слѣдуютъ съ нею въ Крымъ, Одессу, Бессарабію. Доставивъ товаръ на мѣсто, чумакъ покупаетъ на чистыя деньги соль и рыбу и отправляется въ обратный

*) Названіе это происходитъ отъ слова *чума*. Когда эта болѣзнь часто появлялась на югѣ Россіи, извощики, ѣхавшіе туда, для предохраненія себя, погружали свое бѣлье въ деготь, высушивали его, надѣвали прямо на тѣло и отправлялись такимъ образомъ въ путь.

путь. Чумакъ почти не занимается хлѣбопашествомъ, считая его дѣломъ второстепеннымъ, потому что его промыселъ гораздо прибыльнѣе. Есть деревни, исключительно занимающіяся чумачествомъ. Къ торговлѣ Малороссы мало способны и потому она находится въ рукахъ великоруссовъ и евреевъ.

По окончаніи земледѣльческихъ работъ, начанаются *вечерницы*, устраиваются сватовства и свадьбы. Для вечерницъ нанимается изба, куда являются дѣвушки заниматься работой и парубки разсказывать сказки, пѣть пѣсни и вообще потѣшать дѣвушекъ. На вечерницахъ же парубокъ выбираетъ себѣ будущую подругу жизни. Если дѣвушка принимаетъ предложеніе парубка, то сама же должна повязать ему на правой рукѣ полотенце; этотъ обычай называется *давать рушники*; если женихъ не нравится, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подносятъ ему тыкву, что считается величайшимъ оскорбленіемъ. Послѣ сватовства назначается сговоръ, а тамъ и свадьба. Послѣ свадьбы, парубокъ и дивчина становятся *чоловикомъ* и *жинкою*.

Въ нравственномъ отношеніи, Малоросы оригинально насмѣшливы, цѣломудренны, упрямы и честны. Случаи воровства, такъ часто встрѣчающіеся среди другихъ народовъ, между Малороссами большая рѣдкость. На языкѣ малороссійскомъ даже нѣтъ слова воръ; оно замѣняется словомъ *злодій*. Стало быть, по понятію Малоросса, между воровствомъ и злодѣйствомъ нѣтъ разницы. Вотъ почему прежде въ Малороссіи вора съ украденною вещью зарывали живаго въ землю. Къ хорошимъ качествамъ Малороссовъ должно отнести ихъ религіозность. Привязанность къ своей вѣрѣ Малороссъ доказалъ тѣмъ, что во время уніи, преслѣдуемый поляками, онъ бился до послѣдней капли крови и остался православнымъ. Посты соблюдаются ими со всею строгостію; даже дѣтямъ не даютъ скоромной пищи по середамъ и пятницамъ. Особеннымъ уваженіемъ пользуются у Малороссовъ Рождественскіе святки. Въ кругъ этихъ праздниковъ народъ украинскій включаетъ: *Богату Кутю* (канунъ Рождества). Въ этотъ день особенное предпочтеніе оказывается *кутьѣ*, т.-е. кашѣ, приготовленной изъ пшеничной и ячной крупы и *взвару*, т.-е. компоту изъ сухихъ грушъ, яблоковъ, сливъ, вишенъ, изюму и т. д. Пе-

редъ ужиномъ кто нибудь изъ членовъ семьи ставитъ съ особенною торжественностію *кутю*, *на покуть*, т.-е. въ передній уголъ подъ образа. Затѣмъ начинается ужинъ, состоящій изъ множества блюдъ, между которыми щука занимаетъ видное мѣсто.

Не смотря однако на набожность Малороссовъ, у нихъ существуетъ много суевѣрій, облеченныхъ въ разсказы про домовыхъ, вѣдьмъ и русалокъ. Домовые, по ихъ понятію, живутъ въ домахъ и имѣютъ большое вліяніе на хозяйство. Если домовой полюбитъ хозяина — это величайшее благополучіе: онъ кормитъ и холитъ хозяйскихъ лошадей, любуется хозяйской дочерью, посылаетъ ей жениховъ и хозяину отовсюду сыплются деньги. Но бѣда, если домовой не расположенъ къ хозяину, тогда онъ дѣлаетъ бездну непріятностей: ходитъ и стучитъ по чердакамъ, безпокоитъ дѣтей въ колыбели и каждую ночь душитъ хозяина или хозяйку. Русалки—водяныя красавицы. Онѣ блѣдны, но прелестны собой; станъ стройный, волосы ниже колѣнъ. Ночью—при лунѣ, выходятъ онѣ на берега озеръ и рѣкъ и водятъ хороводы. Нерѣдко случается, что русалка, спрятавшись за деревомъ, ожидаетъ дѣвушку, идущую за водой и начинаетъ ее щекотать, а если та не знаетъ заговора отъ водяной красавицы, то послѣдняя защекочетъ ее до смерти. Не менѣе оригинальныя представленія имѣютъ Малороссы о вѣдьмахъ, которыхъ изображаютъ съ хвостами, съ распущенными волосами. Вѣдьмы, по ихъ понятію, имѣютъ способность превращаться въ различные фантастическіе образы; главнымъ мѣстопребываніемъ вѣдьмъ считается *Лысая гора*, въ Кіевѣ, куда и собираются эти колдуньи одинъ разъ въ годъ для торжественной пляски. Въ полночь съ 23-го на 24-ое іюня разцвѣтаетъ цвѣтокъ папортника. Кто его сорветъ и сбережетъ, тотъ становится знахаремъ и никакой кладъ отъ него не утаится. Малороссы вѣрятъ въ мертвецовъ, посѣщающихъ будто бы родныхъ и знакомыхъ. Медвѣди, по ихъ понятію, прежде были людьми; жили они въ лѣсу угрюмые, негостепріимные. Зашелъ къ нимъ однажды благочестивый монахъ и просилъ пріюта, но никто не отперъ ему дверей. Монахъ проклялъ этихъ людей и стали они медвѣдями.

И много, много языческихъ преданій сохранилось у Малороссовъ до нашихъ временъ. Но эти преданія съ каждымъ

годомъ утрачиваютъ свое значеніе и нѣкоторыя изъ нихъ начинаютъ совершенно исчезать.

Къ характеристическимъ чертамъ народа принадлежитъ также *языкъ*. Главную особенность малороссійскаго языка, въ сравненіи съ русскимъ, составляетъ чрезвычайная мягкость и обиліе польскихъ и татарскихъ словъ. Эти слова были заимствованы Малороссами въ періодъ ихъ самостоятельности, когда они находились въ близкихъ отношеніяхъ то съ тѣмъ, то съ другимъ народомъ. Со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи, языкъ малороссійскій началъ мало по малу терять свою самостоятельность и въ настоящее время сохранился только въ устахъ народа. Всѣ оффиціальныя бумаги, большая часть сочиненій, появляющихся въ Малороссіи, пишутся на великорусскомъ нарѣчіи, и только народная поэзія не измѣнила своему родному языку.

Малороссійскія пѣсни отличаются какъ занимательностью содержанія, такъ и пріятными голосами. Простыя ихъ пѣсни необыкновенно поэтичны и оригинальны, но почти всѣ проникнуты глубокою грустью, за исключеніемъ пѣсенъ плясовыхъ, которыхъ впрочемъ очень немного. Малороссы народъ необыкновенно пѣвучій; вездѣ по деревнямъ, въ поляхъ, въ лѣсахъ вы услышите ихъ заунывные напѣвы, но все это пѣсни болѣе или менѣе новѣйшей эпохи. Прежнія, старинныя, казацкія пѣсни почти перевелись, потому что онѣ знакомы были преимущественно только особому классу пѣвцовъ *бандуристовъ слѣпцовъ*. У этихъ слѣпцовъ существовали небольшія школы, гдѣ извѣстный бандуристъ передавалъ слѣпымъ ученикамъ своимъ искусство пѣнія.

Пляска Малороссовъ не отличается разнообразіемъ: у мужчинъ—казачекъ и присядки въ разныхъ видахъ, у женщинъ—мѣрное притопываніе ногами. Общія же танцы—*горлица* и *мятелица*, для которыхъ существуютъ особенные напѣвы.

Обитая въ странѣ съ благорастворенным климатомъ, Малороссы рѣдко подвергаются болѣзнямъ и доживаютъ до глубокой старости. Въ каждомъ селеніи существуютъ простонародныя лѣкарки, которыя пользуютъ больныхъ преимущественно травами и кореньями, сопровождая лѣченіе какими нибудь таинственными дѣйствіями.

Бѣлоруссы.

3 милл. душъ.

Подъ именемъ Бѣлоруссіи разумѣется страна, расположенная по верхнему теченію рѣкъ Днѣпра и западной Двины. Эта мѣстность заключаетъ въ себѣ губерніи Витебскую, Могилевскую и Минскую. Народъ, населяющій эту часть Россіи, обильную болотами, озерами и лѣсами, надѣленную сырымъ климатомъ и неплодородной почвой, извѣстенъ подъ именемъ Бѣлоруссовъ. Бѣлоруссы (3 милл.) представляютъ собою потомковъ древняго славянскаго народа *Кривичей.* Они до сихъ поръ сохранили одежду, языкъ и нѣкоторые обычаи своихъ предковъ и унаслѣдовали отъ нихъ привычку жить одиноко по лѣсамъ, въ мѣстахъ пустынныхъ и глухихъ; вотъ почему въ Бѣлоруссіи весьма рѣдко можно увидѣть деревню, обильную количествомъ построекъ; большею же частью она состоитъ изъ пяти, восьми, много десяти дворовъ. Строенія разбросаны безъ всякаго порядка, какъ попало; въ размѣщеніи домовъ Бѣлоруссъ не любитъ соблюдать прямой линіи, точно также онъ мало заботится и объ удобствѣ своего помѣщенія. Невзрачная изба его состоитъ изъ двухъ половинъ: *хаты* (теплой) и *клеци* (холодной). Клець и хата соединяются между собою сѣнями. Въ хатѣ мрачно и неопрятно: маленькія окна, гдѣ вмѣсто стеколъ вставлена тонкая, деревянная дощечка, едва пропускающая свѣтъ, земляной полъ, большею частію грязный, стѣны, покрытыя толстымъ слоемъ сажи, въ переднемъ углу—божница, увѣшанная полотенцами; огромная печь занимаетъ почти треть хаты, къ печи примыкаютъ палати, устроенные подъ самымъ потолкомъ. Вотъ все внутреннее убранство крестьянской избы. Клець значительно просторнѣе и нѣсколько опрятнѣе хаты: здѣсь на колышкахъ развѣшаны одежда и збруя, около стѣнъ стоятъ ушаты съ крышками (родъ сундуковъ), гдѣ хранятся женскіе наряды, бѣлье, полотно и деньги.

Такой же невзрачный и обитатель этой хижины маленькій, худощавый Бѣлоруссъ съ волосами, цвѣтомъ напоминающимъ ленъ; у нѣкоторыхъ они даже скатаны какъ войлокъ и висятъ лохмотьями до плечъ. Подобное явленіе происходитъ отъ мѣстной болѣзни, извѣстной подъ именемъ

колтуна. Колтунъ поражаетъ безъ различія пола и возраста все туземное населеніе.

Одѣвается Бѣлоруссъ въ казакинъ съ стоячимъ воротникомъ; казакинъ этотъ дѣлается изъ толстаго сукна, бѣлаго или сѣраго цвѣта, и подпоясывается краснымъ кушакомъ. Всѣ носятъ лапти и рѣдко увидишь на комъ-либо сапоги. Не богатъ и бытъ Бѣлорусскаго крестьянина. Вслѣдствіе неплодородія почвы, населеніе ѣстъ хлѣбъ, смѣшанный съ мякиной, да картофельную похлебку. Бѣдность проявляется всюду: ветхія, полуразвалившіяся жилища, тощій скотъ, бѣдная упряжь, колеса безъ шинъ, наконецъ унылые, болѣзненные, точно забитые люди. Кромѣ неплодородія почвы — на благосостояніе Бѣлорусса не мало вліянія имѣло тяжелое господство польскихъ магнатовъ и ростовщики—евреи. Бѣлоруссъ, только съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права понялъ, что онъ собственникъ, человѣкъ самостоятельный, а не *панскій*, какъ считалъ онъ себя, и въ личности пана для него все сосредоточивалось: панъ для него былъ и помѣщикъ, и судья, и вообще высшая власть.

Вслѣдствіе привычки Бѣлоруссовъ къ домосѣдству, вслѣдствіе того, что они почти всю жизнь работали на своихъ пановъ, у нихъ не развилась ни промышленность, ни торговля; не знаютъ они ни ремеслъ, ни искусствъ. Вся торговля сосредоточивается въ рукахъ евреевъ — главныхъ капиталистовъ этого края. Еврей навязываетъ крестьянину въ долгъ денегъ, поитъ его круглый годъ, записывая двойнымъ мѣломъ, и потомъ беретъ у него за безцѣнокъ хлѣбъ, ленъ и домашнюю скотину. Другой врагъ, не менѣе опасный для Бѣлорусса, это — *корчма.* Корчма — сходбище всѣхъ возрастовъ и состояній, мѣсто отдыха послѣ работъ, залъ для совѣта, брани и плясокъ; въ ней заключаются условія и всякаго рода сдѣлки, рѣшаются споры, а въ праздничные дни парни съ дѣвицами танцуютъ подъ звуки скрипки какого нибудь искусника еврея или подъ *дуду* (народный инструментъ Бѣлоруссовъ, похожій на волынку). Только загудитъ дуда, Бѣлоруссъ забываетъ все и предается самому искреннему веселью. Миновалъ этотъ порывъ—и снова передъ нимъ та же трудовая жизнь, тотъ же еврей, эксплуатирующій его во всѣхъ отношеніяхъ, та же бѣдная обстановка въ быту семейномъ.

Бѣлорусское нарѣчіе составляетъ нѣчто среднее между великороссійскимъ, украинскимъ и польскимъ. На немъ были написаны литовскіе законы, грамоты и всѣ публичные акты до временъ Стефана Баторія. Для ознакомленія съ языкомъ Бѣлоруссовъ, мы приведемъ свадебную пѣсню, которую поютъ дѣвушки, въ то время, какъ невѣста, собравшись подъ вѣнецъ, отправляется съ нѣсколькими подружками просить благословенія у сосѣдей и знакомыхъ:

„Нѣмажъ Марьянки въ дому:
Пашла Марьянка до Пана Бога.
Стаиць гадзинку,
Стаиць другую,
Пакуль адчинючь райскія дзвери
Пакуль выпусцяць яѣ мамуню,
Ей на вэселе,
Ей на благословенство.
Яѣ мамуля вельми далеко,
У зямли глубоко,
За трема замками:
Первшій замочекъ
Зелены мрочекъ;
Други замочекъ
Жолты пясочекъ,
Нѣмыя доски.
Вздымицѣсѣ вѣтры и бури,
Розорвицѣ зелены мрочекъ,
Розадзмійцѣ жолты пясочекъ,
Разобійцѣ нѣмыя доски,
Выпусцицѣ жь мамуню,
Ей на вэселе,
Ей на благословенство!“

Брачные обряды въ Бѣлоруссіи носятъ вѣрный отпечатокъ домашняго быта крестьянъ. Это—смѣсь самыхъ странныхъ предразсудковъ съ истиннымъ чувствомъ. Молодой парень, задумавъ жениться, посылаетъ сватовъ въ домъ выбранной имъ дѣвушки. Сватъ и сваха пріѣзжаютъ съ виномъ и булкою въ домъ отца невѣсты и подчуютъ водкою всѣхъ домашнихъ. Если отецъ невѣсты согласенъ выдать свою дочь, то въ боченокъ, привезенный съ виномъ, насыпается рожь, въ противномъ же случаѣ — наливается вино, и сваты печально возвращаются домой. Пріѣхавшіе съ рожью поз-

дравляютъ жениха съ успѣхомъ предпріятія и начинается пиршество — *запоины*. Наканунѣ бракосочетанія, въ домѣ жениха и невѣсты совершается особое празднество — *печеніе каравая*. Женихъ и невѣста въ этотъ день исповѣдуются и пріобщаются; къ вечеру въ оба дома собираются родные и сосѣди; дѣвушки поютъ разныя пѣсни до тѣхъ поръ, пока испечется каравай. Когда каравай изготовленъ, отправляются въ домъ невѣсты на *дивичій вечеръ*, продолжающійся нерѣдко цѣлую ночь. Въ день брака, женихъ, въ сопровожденіи родственниковъ и скрипача, является передъ воротами невѣсты, которая, получивъ благословеніе, отправляется въ церковь, сопровождаемая своими подругами. Во время совершенія обряда общее вниманіе обращено на свѣчи: если горятъ онѣ ярко — славная будущность предстоитъ новобрачнымъ; если же свѣча погаснетъ — быть бѣдѣ. Изъ храма заѣзжаютъ въ домъ священника и тѣмъ же порядкомъ возвращаются домой. Молодымъ подаютъ яичницу, исключительно для нихъ приготовленную, которую ѣдятъ они одной ложкой. Затѣмъ отецъ молодой подводитъ ее къ мужу, даритъ ей квашню съ хлѣбомъ и солью, сваха повязываетъ платокъ и всѣ присутствующіе дарятъ ее, чѣмъ кто можетъ.

Бѣлоруссы чрезвычайно набожны и религіозны, любятъ пѣть священныя пѣсни, соблюдаютъ посты, а по праздникамъ посѣщаютъ храмы.

Важнѣйшій деревенскій праздникъ *дожинки*, т.-е. окончаніе жатвы. Осенью, когда всѣ полевыя работы окончены, жители ближайшихъ деревень, принадлежащихъ одному владѣльцу, отправляются на господскій дворъ. Красивѣйшая изъ дѣвушекъ подаетъ на подносѣ вѣнокъ владѣльцу, который взамѣнъ даритъ ей нѣсколько монетъ, благодаритъ крестьянъ за труды и приглашаетъ повеселиться. По данному знаку раздаются пѣсни, устроиваются столы съ яствами, выкатываются боченки вина и пива, является скоморохъ со скрипкою и начинается веселье.

„Хадзи ты, хадзи я,
Хадзи печка, хадзи усе!“

поетъ Бѣлоруссъ голенькій, да веселенькій.

Но ни одинъ изъ праздниковъ не совершается такъ тор-

жественно, какъ *Свѣтло-Христово Воскресенье.* Истощенное постомъ, каждое семейство, по обычаю поляковъ, старается состряпать *свѣнцоное*, состоящее изъ кулича, сыра, красныхъ яицъ, ветчины и колбасъ. Все это укладываютъ въ особые короба и отправляютъ въ ближайшую церковь для освященія. Крестьяне съ радостію возвращаются домой, поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ и собираются по домамъ разговляться. Празднуютъ четыре дня: первые два дня молодежь расхаживаетъ по улицамъ и передъ домомъ, какого нибудь болѣе зажиточнаго владѣльца, поетъ священныя пѣсни; хозяинъ приглашаетъ ихъ въ домъ и подчуетъ свѣнцонымъ. Остальные дни праздника бьютъ и катаютъ съ лубковъ яица; игра эта такъ развита, что у многихъ дѣлается азартною и доводитъ до ссоры.

Ночью на день сошествія св. Духа молодежь устраиваетъ пирушку на лугахъ, а въ день всѣхъ Святыхъ крестьяне, послѣ обѣдни, съ виномъ и закусками отправляются осматривать свои посѣвы; тамъ обѣдаютъ, подчуютъ другъ друга и веселятся.

Второй день праздника Рождества Христова считается годовымъ срокомъ найма работниковъ. Хозяева и работники въ этотъ день разсчитываются, высказываютъ другъ другу свои неудовольствія, заключаютъ новыя условія или же разстаются. Отъ этого произошла пословица: „*На Святый Сципанъ* *) *каждый себѣ панъ.*“

Поляки.

$4^1/_{10}$ мил. душъ.

Сто лѣтъ тому назадъ, на картахъ Европы обозначалась страна, извѣстная подъ именемъ королевства Польскаго. Польское королевство заключало въ себѣ нынѣшнія 10 губерній Привисленскаго края, Галицію съ Краковскимъ воеводствомъ, Познань и 8 западныхъ губерній, составлявшихъ древнюю область Россіи, но вслѣдствіе историческихъ событій отошедшихъ къ Польшѣ.

Указывая на составныя части бывшаго Польскаго коро-

*) 27 декабря празднуется Св. Стефану.

левства, вмѣстѣ съ тѣмъ мы обозначаемъ тѣ мѣстности, гдѣ обитаютъ Поляки. Коренные Поляки, населявшіе издревлѣ пространство земли между Одеромъ и его притокомъ, Вартою, соединились съ племенами, жившими по Вислѣ, Мазурами и Краковяками и образовали *Польскій народъ*. Подвигаясь на востокъ, Поляки подчинили себѣ ближайшія отрасли литовскихъ и южно-русскихъ племенъ, смѣшались съ ними, и отъ этой смѣси произошли *Курпики* *) (смѣсь литовцевъ съ поляками) и *Подляхи* (смѣсь русскихъ съ поляками). Такимъ образомъ Польскій народъ составился изъ нѣсколькихъ племенъ. Общее число всѣхъ Поляковъ въ Европ. Россіи простирается до 4.100.000 душъ обоего пола. Они составляютъ главное населеніе 10 губ. Привисленскаго края (3.150.000). Остальные 950 т. распредѣляются на 9 западно-русскихъ губерній.

Въ жизни Поляковъ, какъ цивилизованнаго народа, можно разсматривать двѣ стороны: общественную и частную. Къ явленіямъ первой мы относимъ—участіе въ правленіи, присутствіе на вѣчахъ и сеймахъ, войну и т. д; къ послѣдней—родной кровъ, домашній очагъ и связанные съ ними обычаи.

Въ началѣ историческаго существованія Польши, правленіе ея было самодержавное. Въ рукахъ короля находилась власть законодательная и исполнительная. Но съ 1139 года въ Польшѣ началъ выдѣляться элементъ аристократическій. Король, въ сопровожденіи бароновъ, объѣзжалъ страну на счетъ ея обывателей и, остановившись гдѣ нибудь въ полѣ, или подъ деревомъ, творилъ судъ и расправу. Слѣдствіе производилось на языкѣ народномъ, а приговоръ писался—на латинскомъ. Впослѣдствіи, когда цивилизація стала занимать мѣсто первоначальной простоты, король, для участія въ законодательной власти, учредилъ сенатъ изъ епископовъ и высшаго дворянства. Духовенство играло важную роль: въ рукахъ его, кромѣ участія въ правленіи, находилось народное образованіе. Но къ сожалѣнію, нравственная сторона польскаго духовенства не соотвѣтствовала его высокому призванію. Клириви и монахи расточали несмѣтныя богатства на наряды, на рыцарское платье, перстни и проч.,

---

*) Курпе—лапти. Курпики—лапотники.

нѣкоторые до излишества предавались охотѣ, тратя на нее огромныя суммы. Страсть къ охотѣ вообще прирожденна Полякамъ. Съ поля битвы, Полякъ, не любившій нѣги, шелъ въ свои дремучіе лѣса на охоту, съ копьемъ на медвѣдя, съ соколомъ и собаками за дичью. Паны жили въ укрѣпленныхъ, деревянныхъ, иногда на половину каменныхъ, замкахъ (палацкахъ) съ башнями, окруженныхъ валомъ и рвомъ. Кладовая и часовня составляли необходимую принадлежность замка. Внутри палацца стѣны были увѣшаны богатыми, блестящими щитами, луками, мечами; на дубовыхъ столахъ стояли глиняныя чаши и роговые бокалы въ серебряной и золотой оправѣ. Квасъ, пиво и медъ, которыми встарину угощали на пиршествахъ королевскихъ, позднѣе замѣнились венгерскимъ виномъ даже въ хижинахъ небогатой шляхты. Полякъ любилъ праздники и давалъ изобильные пиры. У знатныхъ пановъ, какъ у независимыхъ владѣтелей, были свои придворные чины; во главѣ ихъ стоялъ *маршалокъ* (дворецкій); онъ завѣдывалъ порядкомъ службы, творилъ судъ и расправу надъ слугами, принималъ ихъ на службу и увольнялъ. За нимъ слѣдовали: панскій докторъ, адвокатъ, землемѣръ, охотники, старосты, писаря, шуты, скоморохи, казачки, хлопцы и т. д. Вся эта огромная толпа панскихъ слугъ жила на счетъ обывателей города или мѣстечка, даннаго пану.

Польскіе паны, сопровождаемые множествомъ экипажей и слугъ, ѣздили медленно и пышно. На пути они заѣзжали на ярмарки, гдѣ щедро сорили золотомъ, считая неприличнымъ, при покупкѣ товара, торговаться съ купцомъ, заѣзжали къ друзьямъ и роднымъ, гдѣ пріѣздъ гостей давалъ поводъ къ празднествамъ и угощеніямъ.

Не безъинтересно прослѣдить какъ отправлялся въ XVI вѣкѣ польскій пиръ: приглашенные гости собирались въ столовую, украшенную цвѣтами, устланную пахучими травами. Омывъ благовонной водой руки, они садились за столъ, богато сервированный и разставленный въ видѣ буквы *П*, или *Т*, накрытый непремѣнно тремя скатертями. Множество серебряныхъ и золотыхъ кубковъ довершало сервировку. Дамы садились попеременно съ мужчинами для оживленія бесѣды. Искрометное, дорогое вино давало раздолье всевозможному краснорѣчію; фразы изъ св. писанія перемѣшивались съ из-

рѣченіями латинскихъ классиковъ и греческихъ философовъ. Похвальныя рѣчи доблести польскихъ героевъ смѣнялись угрозами врагамъ отечества; анекдоты и басни—миѳологическими и историческими разсказами и т. д. Парадно одѣтые слуги подавали на столъ различныя кушанья, одно другаго затѣйливѣе приготовленныя. Обѣдъ состоялъ обыкновенно изъ четырехъ перемѣнъ и на каждую перемѣну ставили до 50 блюдъ. Но особенно артистическое дарованіе поваровъ выказывалось въ концѣ обѣда, когда, снявъ верхнія скатерти, слуги устанавливали столъ сахарными изображеніями деревьевъ, людей, животныхъ, городовъ и т. п. На роскошномъ пиру у Мнишекъ, Самозванецъ видѣлъ на столѣ Московскій кремль съ позлащенными главами церквей, двуглавыхъ орловъ и свое собственное изображеніе на тронѣ, въ вѣнцѣ и бармахъ Мономаха. Обѣдъ смѣнялся другою стороною польскаго веселья—танцами. Танцы начинались обыкновенно польскимъ; за нимъ слѣдовалъ краковякъ, сопровождаемый хорами, криками, хлопаньемъ въ ладоши и т. д. Мазурка, любимый національный танецъ, съ безконечными фигурами, вымышленными по вдохновенію, обыкновенно заканчивала пиръ.

Страсть къ танцамъ присуща всѣмъ Полякамъ, какъ высшему, такъ и низшему сословію. Стоитъ зайти въ праздникъ, въ любую сельскую корчму или шинокъ, чтобы видѣть въ полномъ разгарѣ пляски мѣстныхъ обывателей, предающихся этому развлеченію съ полнымъ наслажденіемъ.

Свадебные обряды у всѣхъ поляковъ одни и тѣ же съ маленькими измѣненіями. Всякой свадьбѣ предшествуетъ сватовство. Сватъ, сопровождаемый женихомъ, или одинъ, привозитъ съ собой водку и, поздоровавшись съ хозяевами, проситъ одолжить рюмку. Дѣвушка уходитъ къ сосѣдямъ или прячется. Когда мать невѣсты скоро и охотно подаетъ рюмку, это означаетъ согласіе; если же долго ищетъ и никакъ не можетъ найти—отказъ. Предложивъ тостъ за здоровье хозяйки дома, сватъ спрашиваетъ у нея о дочери и восхваляетъ ея физическія и нравственныя качества. Приходитъ невѣста. Сватъ снова разсыпается передъ нею въ любезностяхъ, на которыя такъ ловки и щедры Поляки, предлагаетъ ей выпить вина и проситъ ея руку. Получивъ согласіе, женихъ даетъ денегъ въ церковь и покупаетъ не-

вѣстѣ подарки. На крышѣ дома сговоренной невѣсты развѣвается флагъ, и всякій, замѣтившій его, смѣло можетъ войти въ избу, смѣло можетъ разсчитывать на радушное гостепріимство. Въ день бракосочетанія, дѣвушки съ свадебными пѣснями снаряжаютъ невѣсту къ вѣнцу, и, по пріѣздѣ жениха со свитой, ѣдутъ въ костелъ, при этомъ невѣста и ея подруги садятся въ телѣги, а женихъ и шаферы съ флагами въ рукахъ сопровождаютъ ихъ верхомъ. Отъ вѣнца невѣсту провожаютъ уже замужнія женщины и путь ея освѣщается зажженными изъ хвороста кострами. У порога дома, молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью и осыпаютъ овсомъ, за тѣмъ входятъ въ домъ и, послѣ тоста въ честь молодыхъ, всѣ присутствующіе садятся за свадебный столъ. Подаются всевозможные куличи, гуси, поросята, жаркое, водка, пиво, орѣхи, яблоки и т. д. Столъ гнется подъ тяжестью кушаньевъ и напитковъ. Обѣдъ смѣняется танцами, послѣ которыхъ молодой надѣваютъ чепецъ; у однихъ ей подстригаютъ косу, у другихъ совсѣмъ обрѣзаютъ, какъ ненужное украшеніе для замужней женщины. Обрядъ этотъ, сопровождаемый пѣснями, извѣстенъ подъ названіемъ *очепинъ*. Послѣ очепинъ слѣдуетъ ужинъ, потомъ—опять танцы до поздней ночи.

Веселое настроеніе духа не мѣшаетъ однакожъ Полякамъ быть дѣятельными и трудолюбивыми. Особенно по верховьямъ Вислы, гдѣ проходятъ отроги Карпатъ. Страна эта едва ли не лучшая во всей Польшѣ, какъ по климату, такъ и по почвѣ, и потому домашній бытъ Поляковъ въ этой мѣстности отличается довольствомъ. Здѣсь вы встрѣчаете, чистые домики, окруженные фруктовыми деревьями и цвѣтниками, и довольно красиво одѣтое населеніе. Но къ сожалѣнію, нельзя этого сказать о домашнемъ бытѣ вообще всѣхъ Поляковъ. Такъ, мѣстность, извѣстная подъ именемъ Мазовіи, представляетъ другую картину: хижины не имѣютъ уже той миловидности; онѣ крыты соломой, бѣдно обставлены, нерѣдко съ землянымъ поломъ, что доказываетъ крайнюю ограниченность, если не бѣдность жителей. Пища ихъ состоитъ изъ хлѣба и овощей; мясо и даже молоко считаются роскошью.

Поляки исповѣдуютъ римско-католическую вѣру. Церковные обряды и постановленія они исполняютъ во всей точности;

особенною религіозностью и набожностью отличаются Мазуры, которыхъ, за привязанность къ вѣрѣ, называютъ *правовѣрными*.

Канунъ Рождества и Пасхи у Поляковъ празднуется нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ. Въ рождественскій сочельникъ дѣлаютъ кутью, т.-е. разварной рисъ съ изюмомъ, и столъ застилаютъ сѣномъ, въ воспоминаніе того, что Христосъ родился въ ясляхъ; садятся обыкновенно послѣ появленія звѣзды. Святки посвящены гаданью, играмъ и вообще тѣмъ же забавамъ, какимъ предаются и прочіе славянскіе народы. Къ свѣтлому празднику каждая хозяйка готовитъ *свенцоне*, т.-е. пасхальный столъ, состоящій изъ множества пляцекъ, мазурокъ, бабъ миндальныхъ, лимонныхъ, ванильныхъ, прозрачныхъ и т. д. Въ каждомъ домѣ непремѣнно вы встрѣтите накрытый столъ, уставленный яствами, доказывающій хлѣбосольство, врожденное качество Поляковъ, которымъ они любятъ щегольнуть. Не смотря однако на религіозность, Поляки, также какъ и русскіе, заражены предразсудками: они вѣрятъ въ чорта, лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмъ, въ колдовство и заговоры. Чорта называютъ Дьябелемъ, Кусицелемъ, Покусой и представляютъ его обыкновенно въ нѣмецкомъ платьѣ. До сихъ поръ въ Польшѣ сохранилось преданіе о томъ, какъ одинъ ученый шляхтичъ, Твардовскій, продалъ свою душу чорту, и когда наступило время разсчета, онъ полетѣлъ съ демономъ и запѣлъ духовную пѣснь. Дьяволъ оставилъ его, а Твардовскій, повиснувъ въ воздухѣ, услышалъ съ неба гласъ: „такъ будешь висѣть до суднаго дня.“ И много, много суевѣрныхъ преданій сохранилось у Поляковъ и до нашихъ дней.

Черноморскіе казаки.

200 тыс. душъ.

Первоначальная община казаковъ возникла въ концѣ XV вѣка, въ низовьяхъ Днѣпра, подъ именемъ *Запорожцевъ*. Запорожцы принимали къ себѣ, изъ сосѣднихъ московскихъ и польскихъ областей, всѣхъ недовольныхъ правительствомъ и искавшихъ простора своей дѣятельности. Составившіеся такимъ образомъ удальцы вели постоянную борьбу съ Тата-

рами и Турками. Главный притонъ ихъ была *Сѣчь* (нынѣ Покровская слобода Екатеринославской губ.), имѣвшая видъ укрѣпленнаго лагеря. Сѣчь раздѣлялась на „курени", во главѣ которыхъ стояли куренные атаманы. Верховная власть находилась въ рукахъ казацкаго вѣча, или *рады*. Рада избирала главнаго атамана (кошеваго), пользовавшагося во время похода неограниченною властью. Буйная, непокойная жизнь казаковъ и участіе ихъ въ Пугачевскомъ бунтѣ заставили Екатерину II уничтожить Сѣчь. На требованіе правительства—сложить оружіе, часть Запорожцевъ отвѣчала непослушаніемъ и бѣжала на лодкахъ внизъ по Днѣпру, искать службы у султана; большинство же покорилось приговору правительства и разошлось по ближайшимъ губерніямъ для приписки къ сословіямъ. Но когда началась вторая Турецкая война, правительство опять обратилось къ бывшимъ Запорожцамъ съ призывомъ на службу. Казаки откликнулись на этотъ призывъ съ полнымъ сочувствіемъ: двѣнадцать тысячъ хорошо вооруженныхъ воиновъ изъ среды казачества честно и вѣрно служили во все продолженіе войны.

По заключеніи мира, новое войско было осыпано царскими милостями и въ 1792 году, напутствованное грамотою, переселилось на новоселье, на Кубань, и получило имя вѣрнаго *Черноморскаго войска*. На новое мѣсто прибыло 20 тысячъ казаковъ семейныхъ и холостыхъ. Къ этому населенію присоединились малороссійскіе казаки изъ губ. Полтавской и Черниговской, казаки вышедшіе изъ Турціи, часть черкесовъ и татаръ, такъ что въ настоящее время всѣхъ жителей Черноморья считается до 200 тысячъ душъ обоего пола.

Весь войсковый составъ Черноморскаго народонаселенія носитъ одну физіономію, запечатлѣнъ одною народностью—малороссійскою и говоритъ малороссійскимъ языкомъ, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились подъ ихъ военною оболочкою нравы и обычаи въ быту домашнемъ и общественномъ. Та же выбѣленная хата, тотъ же волъ съ плугомъ, веснянка на улицѣ, щедрованье подъ окномъ и т. д.; однимъ словомъ—все напоминаетъ гетманскую Украйну.

За исключеніемъ небольшаго числа инородцевъ, всѣ Черноморцы исповѣдуютъ греко-россійскую вѣру. Расколовъ нѣтъ и преданность народа къ церкви безпредѣльна. Не

бываетъ наслѣдства, самаго скромнаго, изъ котораго бы, какая нибудь часть, не поступала въ церковь. Въ этомъ отношеніи Черноморцы остаются вѣрны обычаю предковъ: отъ всѣхъ пріобрѣтеній меча и весла приносятъ лучшую часть храму божію.

Когда Кавказъ еще не былъ покоренъ, на обязанности Черноморцевъ лежало возведеніе и охраненіе полевыхъ укрѣпленій и содержаніе кубанской кордонной линіи. Кордонная линія, служившая продолженіемъ Терекской линіи, защищала край отъ набѣговъ горцевъ и состояла изъ укрѣпленныхъ постовъ и пикетовъ, которыхъ насчитывалось до 150. Постомъ называется небольшое четыреугольное укрѣпленіе, обнесенное землянымъ валомъ, для прикрытія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; онъ вмѣщаетъ въ себѣ отъ 50 до 200 казаковъ. Пикетъ устроенъ проще: это—тоже укрѣпленіе, состоящее изъ плетневой изгороди, опоясанной узкимъ рвомъ. На посту дымится труба хаты, въ пикетѣ же стоитъ только шалашъ для 3—10 казаковъ. Посреди шалаша разложенъ огонь и лежитъ любимый товарищъ казака—котъ. Необходимая принадлежность каждаго укрѣпленія — *вышка*, т.-е. наблюдательная каланча и *фигура* — высокая жердь, обмотанная пенькой, сѣномъ или соломой, иногда съ смоляной кадкой на верху. Бывало, завидитъ сторожевой съ своей вышки непріятеля, подниметъ шары на тревогу; а если опасность близка и врагъ уже прорвался въ цѣпь, то зажигаетъ фигуру и вся линія поднимается на защиту.

Между Черноморскими казаками славились своими воинскими подвигами такъ-называемые *пластуны*. Названіе пластуновъ—древнее. Еще въ Запорожьи, казаки, наблюдая за врагами, должны были, по цѣлымъ днямъ, лежать ничкомъ съ ружьемъ въ рукахъ. Это и называлось „лежать пластомъ". Съ переселеніемъ войска въ Черноморье, нѣкоторые изъ казаковъ, вѣрные обѣту безбрачія, посвящали свою жизнь военной службѣ. Они внесли съ собой въ новое поселеніе древній обычай оберегать границы и, между прочимъ, если нужно, „хорошенько полежать пластомъ", чтобы удобнѣе прослѣдить намѣреніе непріятеля и узнать его численность. При засадахъ и встрѣчахъ съ врагомъ, равно какъ и при отважныхъ поискахъ, руководила пластунами собственная

предпріимчивость и изобрѣтательность. Замѣтивъ превосходящаго въ силахъ непріятеля, они просиживали по нѣскольку часовъ въ камышѣ или травѣ, затаивъ дыханіе, а въ трудныхъ обстоятельствахъ пластунъ даже оставался долгое время и подъ водою, дыша посредствомъ тростника. Выстрѣлъ безъ промаха, искусство избѣгнуть опасности, схитрить, отвести вниманіе противника, терпѣливо переносить голодъ и жажду—вотъ качества пластуна.

Въ настоящее время, съ умиротвореніемъ Кавказа, у казаковъ много свободнаго времени. Они занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и отчасти рыболовствомъ. Значительная часть земледѣльческаго труда посвящается огородамъ и садамъ. Равнинныя пространства Черноморья разстилаются однимъ необъятнымъ пастбищемъ, гдѣ по всѣмъ направленіямъ движутся стада рогатаго скота, овецъ и лошадей. Рогатый скотъ отличается ростомъ и дородствомъ и принадлежитъ къ черкасской породѣ. Этотъ скотъ казаки гуртами посылаютъ въ обѣ наши столицы. Лошадей отправляютъ на ярмарки въ Ростовъ и Бердычевъ.

Не мало горя причиняютъ Черноморцу мятели и гололедица. Зимнія мятели въ открытыхъ степяхъ ужасны. Среди теплаго, яснаго дня воздухъ вдругъ начинаетъ холодѣть и мутиться; небо изъ синяго дѣлается сѣрымъ; въ атмосферѣ появляются легкія снѣговыя пушинки, превращающіяся потомъ въ хлопья; наконецъ все воздушное пространство наполняется густою снѣжною пылью, которая затрудняетъ человѣку зрѣніе и дыханіе. Буря срываетъ становища для скота, крутитъ и мечетъ стада во всѣ стороны; волки цѣлыми стаями безпощадно рыщутъ, рѣжутъ отбившихся отъ кучи животныхъ; лошади, носимыя бурей, часто обрываются съ крутыхъ береговъ и падаютъ въ море и въ лиманы, гдѣ онѣ идутъ подъ ледъ или гибнутъ отъ голода въ снѣжныхъ сугробахъ, сбившись въ кучу, и обгрызая одна другой гривы и хвосты.

Въ морскихъ и рѣчныхъ угодьяхъ Черноморья ловится осетръ, севрюга, шипъ, сомъ, шамая, лещь, камбала и проч. Всѣ рыбопромышленныя воды принадлежатъ войсковой казнѣ и отдаются на откупъ.

Донскіе казаки.

300 тыс. душъ.

Донскіе казаки составились изъ русскихъ удальцовъ, собравшихся изъ разныхъ областей Великой и Малой Россіи, на привольные берега тихаго Дона. Берега эти изобиловали всѣми условіями и удобствами для безпечной, своевольной жизни. Сюда приходила укрываться и новгородская вольница, наводившая страхъ на приволжскія села и города; сюда же шелъ и всякій недовольный чѣмъ нибудь на родинѣ. Донцы считали подвигами чести и вѣры нападать на почитателей Магомета, разорять ихъ селенія и уводить въ плѣнъ мирныхъ жителей. Природныя препятствія ставили они за ничто: преграждаетъ ли путь казаку широкая рѣка, онъ бросаетъ на волны нѣсколько пучковъ камыша, плотно связанныхъ, кладетъ на нихъ сѣдло и вьюкъ, а съ конемъ пускается вплавь. Ихъ морскіе набѣги были еще отважнѣе: въ лодкахъ, вмѣщающихъ въ себѣ не болѣе 50 человѣкъ, казаки носились по морямъ Черному и Азовскому, брали корабли и суда турецкія, разоряли прибрежныя селенія. При этомъ, за-частую, терпѣли голодъ, и по недѣлѣ бывали безъ воды. Утомленные постоянными войнами, Донцы почувствовали необходимость быть подъ покровительствомъ сильнаго народа. Напрасно турецкій султанъ хотѣлъ купить ихъ дружбу, присылая имъ въ подарокъ вышитые золотомъ кафтаны и другія вещи. Казаки чуждались этой дружбы: одинаковая вѣра и кровный союзъ влекли ихъ къ русскимъ. Царь, Иванъ Васильевичъ Грозный, въ знакъ принятія Донцевъ въ свое подданство, пожаловалъ ихъ войско знаменемъ, снабдилъ свинцомъ и порохомъ, и казаки не мало содѣйствовали покоренію царства Казанскаго и Астраханскаго. Храбрый Ермакъ, при содѣйствіи Строгановыхъ, завоевалъ для Россіи богатое царство Сибирское.

Главнымъ сборнымъ мѣстомъ, откуда казаки отправлялись въ походъ и гдѣ они любили повеселиться, былъ городъ *Раз-*

доры, построенный на островѣ Дона, противъ устья Донца.*) Для рѣшенія своихъ дѣлъ они учредили у себя народное управленіе, называемое *войсковымъ кругомъ*. Названіе это дано по наружному виду, какой имѣли собранія, происходившія обыкновенно на площади, гдѣ казаки дѣйствительно составляли изъ себя кругъ, стоя безъ шапокъ, въ знакъ уваженія къ мѣсту. Кругу принадлежала законодательная и судебная власть: онъ назначалъ походы, опредѣлялъ поземельные участки, рѣшалъ споры, совершалъ приговоры. Для исполненія своихъ рѣшеній, кругъ избиралъ атамана и двухъ ему помощниковъ (ессаулы). Писанныхъ законовъ у казаковъ не было: все рѣшалось по разсудку, по примѣрамъ предшествовавшихъ временъ.

Частная жизнь казаковъ была очень своеобразна, вслѣдствіе ихъ военнаго назначенія. Все занятіе ихъ заключалось въ звѣриной и рыбной ловлѣ. Хлѣбопашество, какъ несообразное съ ихъ родомъ жизни, было строго запрещено. Если войсковой кругъ узнавалъ, что казаки сѣютъ хлѣбъ, то по всѣмъ городкамъ посылалъ запретительныя грамоты; въ случаѣ же ослушанія угрожалъ грабежомъ и смертію. Проживая въ городахъ, казаки большую часть времени проводили на площади или въ станичной избѣ; здѣсь, сидя въ кругу, они вязали сѣти и тенета, разсказывали про свои подвиги, пѣли богатырскія пѣсни. Страстные къ веселью, Донцы любили пощеголять пышностью въ одеждѣ, роскошью въ убранствѣ. Они носили бархатные или шерстяные камзолы, опоясанные дорогими персидскими шалями и кушаками; оружіе ихъ было оправлено въ золото и серебро, а рукоять сабли осыпана драгоцѣнными камнями.

Нравственность казаковъ представляла странную смѣсь пороковъ и добродѣтелей. Свирѣпые въ набѣгахъ, въ общежитіи они были привязаны другъ къ другу; любящіе грабить, они дома у себя воровство строго наказывали. „Въ куль да въ воду“, обыкновенно говаривали, когда кто струсилъ или проворовался. Достойна также вниманія ихъ горячая любовь къ Дону. Отправляясь въ дальній путь, или походъ, они брали съ собой родной земли, завязывая ее въ узелокъ, и никогда съ нею не разлучались. Большая часть

*) Впослѣдствіи Раздоры уступили мѣсто *Черкасску*.

поэзіи, пѣсенъ и привѣтствій казаковъ, также обращены къ тихому Дону:

Тихій Донъ,
Синій Донъ,
И широкъ
И глубокъ;
Казаковъ,
Удальцовъ,
И поилъ
И носилъ.

Не менѣе замѣчательна въ казакахъ способность къ изученію иностранныхъ языковъ: въ Сибири и на Кавказѣ они служатъ лучшими толмачами (переводчиками).

По историческимъ преданіямъ, физическимъ и нравственнымъ свойствамъ, казаки издавна раздѣляли себя на верховыхъ и низовыхъ. Верховые казаки—блондины, крѣпкаго сложенія и способны переносить различныя невзгоды; живутъ они патріархально, говорятъ по-русски съ примѣсью своеобразныхъ словъ; занимаются хлѣбопашествомъ, *) скотоводствомъ, извозничествомъ, а содержаніе бакчей и виноградниковъ предоставляютъ женщинамъ. Они зажиточны, копятъ деньги и не пускаютъ ихъ въ обороты; простота же нравовъ не позволяетъ имъ безъ цѣли растрачивать свое имущество. Низовые казаки—брюнеты, менѣе крѣпкаго сложенія, говорятъ тоже по-русски, только съ примѣсью малороссійскихъ словъ; они ловки, проворны и быстро развиваются, подобно всѣмъ южнымъ народамъ. Нѣтъ у нихъ той простоты нравовъ, ни того радушнаго, искренняго гостепріимства, какое замѣтно въ верховыхъ. Они строятъ красивые дома, заводятъ хорошую мебель, экипажи, любятъ свѣтскія удовольствія и стремятся къ пріобрѣтенію чиновъ и почестей.

Внутреннее устройство жилья какъ верховыхъ, такъ и низовыхъ казаковъ почти одинаково: каждый домъ состоитъ изъ трехъ комнатъ: одна предназначена для пріема гостей; въ переднемъ углу ея помѣщаются образа въ серебряныхъ ризахъ, второе мѣсто занимаетъ шкапъ съ столовой и чай-

*) Земледѣліе стало входить въ хозяйство казаковъ со времени Петра I.

ной посудой, а вдоль стѣнъ, увѣшанныхъ лубочными картинами, тянутся покрытыя ситцемъ лавки. Остальныя двѣ комнаты служатъ кухней и спальней. Возлѣ дома строится отдѣльное помѣщеніе для лошадей, рогатаго скота, птицъ и т. п., далѣе виднѣется огородъ, гдѣ можно найти капусту, лукъ и макъ, а еще далѣе—плодоносныя поля, способныя десятерицею вознаградить трудъ земледѣльца, роскошныя степи для содержанія табуновъ, рогатаго скота и овецъ. Донъ всегда изобиловалъ рыбой, идущей изъ Азовскаго моря; поэтому рыболовство, точно также какъ добываніе соли и каменнаго угля, составляютъ довольно важные источники пропитанія казаковъ. Фабрикъ у нихъ нѣтъ; изъ заводовъ существуютъ только салотопенные, кожевенные, кирпичные и винокуренные.

Уральскіе казаки.

80 тысячъ душъ.

Толпы Донскихъ казаковъ, увеличившіяся различными выходцами и бѣглецами поднялись въ 1580 г. вверхъ по рѣкѣ Уралу и заложили *Яицкій городокъ* (Уральскъ). Поселившись далеко отъ родины, среди чуждаго имъ народа, Уральскіе казаки строго берегли свою святыню народную: вѣру, языкъ и обычаи. Съ другой стороны постоянная борьба съ татарскими племенами, жизнь полная тревогъ и опасностей развили въ казакѣ необыкновенную смѣтливость, удальство, а также недовѣрчивость, хитрость и лукавство. Расколъ затмилъ природный умъ Уральца множествомъ нелѣпыхъ понятій и обрядовъ, которые ревностно поддерживаются женщинами—*уставщицами и мастерицами.* На обязанности ихъ лежитъ первоначальное воспитаніе и образованіе дѣтей; онѣ же, въ качествѣ хозяекъ, строго слѣдятъ за точнымъ исполненіемъ обрядовъ и обычаевъ въ семействѣ.

Благосостояніе Уральцевъ зависитъ отъ рыболовства. Земледѣліе и садоводство, бакчи съ арбузами и дынями, добываніе солодковаго корня не обезпечиваютъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи. За то рыболовству Уралецъ отдается и душой и тѣломъ. Онъ имѣетъ право рыбачить въ Каспійскомъ морѣ, на протяженіи 100 верстъ въ длину и 70 въ

ширину и на рр. Уралѣ, Большой и Малой Узени. Здѣшнее рыболовство раздѣляется на морское и рѣчное, а самая рыба—на красную и черную. Красной рыбой считается бѣлуга, осетръ, шипъ, севрюга и стерлядь. Ко второму отдѣлу рыбы принадлежатъ: сомъ, судакъ, лещъ, окунь и друг. Въ прежнее время, какъ въ морѣ, такъ и въ рѣкѣ, было несмѣтное количество рыбы. Въ заливѣ Каспійскаго моря, называемомъ Богатый Култукъ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, была такая бездна красной рыбы, что пловцы, проѣзжавшіе по немъ въ лодкахъ, опасались, чтобы ихъ не опрокинуло осетрами и севрюгами. Теперь Култукъ этотъ безрыбенъ; другіе заливы поросли камышами.

Обыкновенныя орудія, употребляемыя при ловляхъ: невода, блесна и строга. Неводъ вещь дорогая и потому рѣдкій казакъ имѣетъ его. Невода вяжутся изъ пеньковой пряжи и бываютъ сотъ по пяти саженъ. Къ верхнему канату привязываются поплавки, а къ нижнему—глиняные подгрузки. Блесна—удочка съ кованой въ видѣ рыбки пластинкой; на крючекъ этой удочки, для приманки, насаживается обыкновенно кусочекъ судака. Блесной ловится рыба, а острогой прикалывается. Строга или острога—родъ двуконечной заостренной вилы, насаженной на дерево въ саженъ длины. На копейцахъ намѣчены жаберцы, чтобы приколотая рыба держалась на острогѣ.

Морское рыболовство производится цѣлымъ обществомъ казаковъ (артель), на всемъ пространствѣ войсковыхъ водъ. Въ артели, состоящей изъ одного судна и пяти лодокъ, на каждую лодку полагается по двѣсти сѣтей, каждая въ двѣ сажени, при четырехъ рабочихъ. На лодкахъ заметываютъ сѣти, судно же служитъ станомъ, гдѣ складываютъ всѣ припасы и гдѣ наловленная рыба превращается въ товаръ. Распластанную рыбу солятъ, вынувъ изъ нея предварительно икру, хрящъ и пузырь (клей). Пузырь отмачиваютъ въ водѣ цѣлыя сутки, чтобы кровь на немъ не засохла, иначе онъ будетъ никуда не годенъ. Вынувъ изъ воды пузырь разрѣзаютъ и разстилаютъ его на доскѣ клеиною вверхъ, когда пузырь достаточно просушится, тотчасъ отдирается отъ него пленка и пузырь, превращенный въ рыбій клей, складываютъ въ пачки. То же самое дѣлаютъ и съ рыбьимъ хрящемъ. Сначала его вымачиваютъ въ водѣ, потомъ изъ

средины его извлекаютъ жидкое вещество и такимъ образомъ хрящъ превращаютъ въ вязигу. Вязигу сушатъ, вяжутъ въ пучки, по 25 прутьевъ, и въ такомъ видѣ продаютъ на вѣсъ.

Вынутая изъ рыбы икра кладется черезъ рѣшето въ боченокъ или корыто, гдѣ заранѣе приготовленъ соленый растворъ. Зерна, падая сквозь отверстія рѣшета въ этотъ разсолъ, промѣшиваются длинными шестами до тѣхъ поръ, пока икра доспѣетъ, т.-е. осолится. Приготовленную икру выливаютъ вновь въ рѣшета; жидкая часть стекаетъ, а оставшіяся зерна кладутъ подъ прессъ, чтобы освободить икру отъ воды; по окончаніи этой операціи, икру перекладываютъ въ бочки, устланныя полотномъ, смоченнымъ въ рыбьемъ жирѣ; такая икра называется *салфеточною*. Иногда икра укладывается прямо въ холщевые мѣшки для подарковъ и называется *мѣшечною*. Подъ именемъ садковой икры разумѣется всякаго рода свѣжая, малосольная икра (зернистая).

По окончаніи лова, весь товаръ везется въ Уральскъ, и оттуда уже отправляется внутрь Россіи. Зимнее рыболовство производится по той же жеребьевой системѣ какъ и весеннее, съ тою только разницей, что казаки выѣзжаютъ на промыселъ не на лодкахъ, а на саняхъ. Во льду дѣлаются прямолинейныя проруби, въ которыя и погружаются аханы, т. е. 12-ти саженныя сѣти. Наслушавъ, что въ аханѣ есть что-то, работникъ вытаскиваетъ его изъ проруби и выгружаетъ или бѣлугу или осетра, а иногда и просто ледяную глыбу. На аханное рыболовство выѣзжаетъ гораздо меньше казаковъ, чѣмъ на осенніе и весенніе морскіе промыслы (курхай). Какъ на курхаѣ ловится преимущественно севрюга, такъ на аханскомъ рыболовствѣ — бѣлуга и очень немного осетровъ. Рыба здѣсь не распластывается и не солится, а по выдѣленіи изъ нея икры и клея продается вмѣстѣ съ вязигой.

II. ТАТАРСКАЯ СЕМЬЯ.

Казанскіе Татары.

450 тыс. душъ.

Сильны и могущественны были Татары въ XIII вѣкѣ, когда существовала Золотая Орда. Въ Сараѣ, на Волгѣ, находилась татарская столица, гдѣ жили ханы, наводившіе своими полчищами ужасъ на всю Россію. Два съ половиной вѣка тяготѣло надъ Русью татарское иго, пока не распалась Золотая Орда, пока связь между татарами не рушилась. Іоаннъ III свергнулъ иго, а Іоаннъ IV покорилъ даже царства Казанское и Астраханское.

Представителями Турецко-Татарской семьи служатъ Татары. Всѣхъ Татаръ живущихъ въ Россіи считается около $1^1/_2$ милл. душъ *). По мѣсту жительства они раздѣляются на Казанскихъ, Астраханскихъ, Крымскихъ, Ногайскихъ и Сибирскихъ, а по образу жизни—на осѣдлыхъ и кочевыхъ. Меньшинство Татаръ лишь кочуетъ въ степяхъ Европейской и Азіятской Россіи, большая же часть этого народа живетъ осѣдло.

Казанскіе Татары, отъ смѣшенія ихъ частію съ финнами частію съ русскими, утратили свой монгольскій типъ и представляютъ собою красивый и развитый народъ. Выдающіяся черты характера казанскихъ Татаръ—трезвость, трудолюбіе и гостепріимство; но въ тоже время всѣ эти качества затемняются гордостью, честолюбіемъ и корыстолюбіемъ.

Не смотря на свое подчиненіе, они считаютъ себя выше русскихъ, любятъ когда ихъ величаютъ князьями, и богатый татаринъ, нарядившись въ шелковый халатъ и бобровую шапку, принимаетъ такой чванный видъ, что кажется

---

*) Въ Евр. Россіи 1,200,000. Въ Сибири 70 тыс. На Кавказѣ 100 тыс.

совершенно недоступнымъ. Но этотъ же гордецъ превращается въ услужливаго и любезнаго, если ему предстоитъ въ комъ-либо нужда.

Щедро одаренные отъ природы умственными способностями, Казанскіе татары считаютъ образованіе необходимымъ для каждаго. Неграмотный татаринъ вездѣ большая рѣдкость. При каждой мечети находится школа, гдѣ съ разсвѣтомъ начинается ученье. Мулла (священникъ) мечети — вмѣстѣ и учитель—выучиваетъ дѣтей чтенію и письму не за жалованье, а за добровольныя приношенія медомъ, мукою, чаемъ, новымъ халатомъ. И за эти подарки Мулла передаетъ своимъ ученикамъ всѣ правила вѣры и жизни, и раза по четыре, въ продолженіи курса, заставитъ перечесть всю священную мусульманскую книгу—алкоранъ. Нерѣдко ученики живутъ въ училищѣ, и если заболѣетъ воспитанникъ, то мулла его лѣчитъ. Татары учатся, сидя на подушкѣ, съ поджатыми подъ себя ногами, читая уроки въ носъ, на распѣвъ, жалобнымъ голосомъ. Жены муллы учатъ дѣвочекъ и между татарками найдется мало такихъ, которыя бы не умѣли читать. Кромѣ чтенія и толкованія корана, Татары, для облегченія торговыхъ сношеній, знакомятся съ языками арабскимъ, бухарскимъ и персидскимъ. Торговля для Татаръ, живущихъ въ городахъ,—необходимое и любимое занятіе. Торгуютъ они съ увлеченіемъ; ведутъ дѣла далеко за предѣлами своей родины въ Хивѣ, Бухарѣ, Персіи и т. д. Казанская торговля хлѣбомъ, саломъ, кожами, мыломъ, почти вся заключается въ рукахъ Татаръ. Пріобрѣтая капиталы, Татары пристроиваютъ ихъ къ заводской и фабричной дѣятельности. Казанскіе мыльные и сафьянные заводы извѣстны цѣлой Россіи и обороты ихъ простираются на значительную сумму. Нижегородская ярмарка со всѣми своими товарами и грузами лежитъ на отвѣтственности Татаръ; они тамъ безропотные, скорые на трудъ работники, честные и неизмѣнные сторожа лавокъ. Ихъ вы увидите на Волгѣ и на судахъ, на перевозахъ и на пристани, и въ ломовыхъ извощикахъ, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ русскій отказывается отъ тяжелой работы или проситъ за нее большую плату. Страсть къ торговлѣ и успѣхъ на этомъ поприщѣ породили между Татарами довольство. Нищихъ почти нѣтъ. Въ рѣдкомъ домѣ не замѣтно нѣкотораго изобилія, даю-

щаго Татарамъ возможность быть гостепріимными и соблюдать чистоту въ своихъ жилищахъ. Татарскія избы всегда вымыты, стѣны выскоблены, печи бѣлятся по нѣскольку разъ въ году; на широкихъ скамьяхъ разостланы ковры; стѣны украшены нарядными платьями, а полки фарфоровой посудой и самоварами.

Каждый Татаринъ, по закону своей религіи, можетъ имѣть нѣсколько женъ, но самые богатые изъ Казанскихъ Татаръ держатъ только двѣ, много три жены.

Казанская Татарка пользуется большей свободой, чѣмъ вообще женщина на востокѣ: она хозяйничаетъ у себя дома, ходитъ въ городъ за покупками, присутствуетъ при обыкновенныхъ праздникахъ, посѣщаетъ своихъ знакомыхъ и сама принимаетъ визиты; главнымъ предметомъ угощенія служитъ чай. Татарки—большія охотницы наряжаться, причемъ бѣлила и румяна употребляются ими въ изобиліи.

Всѣ Татары, безъ исключенія, исповѣдуютъ магометанскую религію, сущность которой, для ознакомленія читателей, мы изложимъ въ краткомъ очеркѣ. Магометанская религія, или исламъ, *) состоитъ изъ двухъ частей: догматовъ, т. е. правилъ вѣры и обрядовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе изложены въ священной книгѣ Магометанъ—Коранѣ. Первый догматъ — *вѣра въ Бога* единаго, вѣчнаго, всемогущаго, вездѣсущаго и т. д. словомъ, Магометъ приписываетъ Богу всѣ тѣ свойства, которыя исчисляются въ нашихъ священныхъ книгахъ. Единство Бога, какъ главный догматъ вѣры, Магометъ принималъ съ такою строгостію, что не допускалъ поклоненія его изображеніямъ и потому запретилъ живопись и скульптуру, боясь, чтобы эти искусства не довели магометанъ до идолопоклонства. Второй догматъ *вѣра въ ангеловъ.* Ангелы, по понятію Магомета, эфирныя существа, созданныя изъ огня, какъ самой чистой стихіи; они раздѣляются на нѣсколько чиновъ; высшую степень занимаютъ четыре архангела: Михаилъ—поборникъ вѣры и заступникъ правовѣрныхъ въ битвахъ, Гавріилъ—ангелъ откровеній, Азраилъ — ангелъ смерти и Израфаилъ, который обязанъ въ день страшнаго суда сзывать умершихъ и живыхъ, передъ престоломъ

---

*) Исламъ значитъ всепокорная преданность волѣ Божіей.

Бога. Третій догматъ—*вѣра въ коранъ*. Коранъ—книга божественнаго откровенія, существовалъ отъ начала міра. Архангелъ Гавріилъ время отъ времени открывалъ Магомету содержаніе Корана. Ученики пророка записывали его проповѣди на пергаменѣ, на камняхъ, на пальмовыхъ листьяхъ и складывали ихъ въ сундукъ, хранящійся у одной изъ женъ Магомета. Изъ этого матеріала, впослѣдствіи, былъ составленъ первый рукописный коранъ. Четвертый догматъ—*вѣра въ пророковъ*. Магометане насчитываютъ нѣсколько тысячъ пророковъ, но главными признаются только шесть: Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей, Іисусъ Христосъ и Магометъ. Пятый догматъ ислама—*вѣра въ воскресеніе и послѣдній судъ*—во многомъ сходенъ съ тѣмъ же догматомъ христіанской религіи. Шестой догматъ—*вѣра въ предопредѣленіе*, или такъ называемый, *фатализмъ*. Каждое событіе, по понятію Магометанъ, опредѣлено Богомъ, и записано въ вѣчную книгу прежде сотворенія міра. Каждому человѣку, прежде его рожденія, судьба опредѣляетъ всѣ его будущія дѣйствія; всѣ его добрыя и худыя дѣла не заслуживаютъ ни награды, ни наказанія, потому что къ нимъ побуждаетъ его не *свободная воля*, а предопредѣленіе. Обрядовую сторону ислама составляютъ молитва, которую магометане совершаютъ по пяти разъ ежедневно, тридцатидневный постъ—*рамазанъ*, милостыня и хожденіе въ Мекку, на поклоненіе черному камню, вдѣланному въ уголъ наружной стѣны *каабы* (святыни магометанъ.) Камень этотъ чернаго цвѣта въ серебряной оправѣ; по увѣренію Магометанъ, онъ ниспосланъ съ неба въ то время, когда Авраамъ приносилъ въ жертву сына своего Исаака.

Крымскіе Татары.

250 тыс. душъ.

Составляя главную массу населенія Крымскаго полуострова, Татары по наружности раздѣляются на степныхъ и горныхъ. Степные Татары напоминаютъ монгольскій обликъ, горные—чисто кавказскій типъ. Крымскія степи богаты различнаго рода растеніями и представляютъ роскошныя пастбища; поэтому татары степные преимущественно зани-

маются скотоводствомъ. Богатство ихъ состоитъ изъ овецъ обыкновенной породы. Нѣкоторые впрочемъ разводятъ табакъ, дыни и арбузы. Богатство горныхъ татаръ составляютъ фруктовые сады и огороды. Фрукты сбываютъ они въ Москву; но большая ихъ часть истребляется на мѣстѣ или скупается крымскими винодѣлами. Общую черту характера Крымскихъ татаръ составляетъ спокойствіе и равнодушіе. Татаринъ пастухъ цѣлый день лежитъ въ степи, поворачиваясь съ боку на бокъ, мало думая о ввѣренномъ ему стадѣ. Забота о будущемъ не въ характерѣ степняка: есть у него хлѣбъ, молоко и табакъ онъ радуется, что можетъ предаться любимой лѣни, и нисколько не сокрушается о томъ, что завтра ему нечего будетъ перекусить. Поэтому хозяйство у Татаръ, не смотря на благопріятныя климатическія и почвенныя условія, идетъ плохо. Первое, что бросается въ глаза въ домашней жизни Крымскихъ Татаръ, это—чистота и опрятность, въ которой содержатся стѣны, полъ и потолокъ; постоянный порядокъ, въ какомъ находятся всѣ домашніе предметы.

Что касается до честности, которую восхваляютъ въ Татарахъ, то они соблюдаютъ ее только въ отношеніи своихъ единовѣрцевъ; у всѣхъ же прочихъ воруютъ весьма часто лошадей, овецъ и рогатый скотъ. За то гостепріимство Татары оказываютъ не только своимъ единовѣрцамъ, но всякому, кто пожелаетъ войти къ нимъ въ домъ. Зажиточные готовятъ для гостя обѣдъ, кофе и никогда не примутъ никакой платы. Бѣднякъ Татаринъ, на вопросъ о вознагражденіи, говоритъ: „дай, что ты любишь“!

Положеніе женщины въ татарской семьѣ незавидно: пріобрѣтенная за деньги, она дѣлается рабыней своею мужа, а по смерти его не имѣетъ даже права участвовать при раздѣлѣ имущества. Передъ закономъ, по магометанскимъ обычаямъ, женщина голоса не имѣетъ; единственное право, принадлежащее женѣ заключается въ томъ, что она, въ случаѣ дурнаго обхожденія съ нею мужа, можетъ его оставить. Мужчины женятся рѣдко ранѣе тридцати лѣтняго возраста; за то невѣсты бываютъ иногда 15 и даже 13 лѣтъ. Обрядъ брачный заключается въ томъ, что женихъ отправляется въ мечеть, гдѣ встрѣчаетъ отца невѣсты, муллу, нѣсколько гостей и родственниковъ. Женщины въ мечеть

не допускаются. Мулла произноситъ краткую молитву и бракъ считается законнымъ. Говоря о брачномъ обрядѣ, нельзя не обратить вниманія и на похоронные обряды Татаръ. Мусульмане вѣруютъ, что ангелъ смерти, отзывающій душу, передаетъ ее другому ангелу для приготовленія къ лучшей жизни, къ райскимъ наслажденіямъ. Вѣрятъ они и тому, что душа остается въ тѣлѣ даже послѣ погребенія, все время необходимое для испытанія и исправленія ея. Послѣ опущенія покойника въ могилу являются два ангела испытателя и предлагаютъ умершему вопросы касательно его вѣры и поведенія на землѣ. Умершій долженъ отвѣчать сидя, а потому и хоронятъ его въ сидячемъ положеніи, устраивая могилу какъ можно просторнѣе. Когда тѣло опущенное въ могилу засыпано землею, тогда всѣ участвующіе въ похоронной процессіи удаляются на извѣстное разстояніе; при могилѣ остается только мулла и, припавъ лицомъ къ землѣ, молится вслухъ; потомъ предлагаетъ усопшему вопросы въ родѣ слѣдующихъ: хорошо ли тебѣ въ могилѣ? доволенъ ли ты похоронами? и т. д. и самъ же, измѣненнымъ голосомъ, отвѣчаетъ на эти вопросы. По возвращеніи домой, гости садятся за приготовленный заранѣе обѣдъ, и тотчасъ же приступаютъ къ раздѣлу оставшагося имущества, соображаясь съ существующими законами и съ послѣдней волей умершаго.

Внѣшній видъ магометанскаго кладбища не привлекателенъ: это—голое мѣсто безъ тѣни и зелени; нѣтъ на немъ ни правильныхъ дорожекъ, ни густо насаженныхъ деревьевъ, ни памятниковъ. Могилы расположены безъ всякаго порядка. Неправильныя груды камней покрываютъ неровную мѣстность и служатъ примѣтою мѣста погребенія.

Ногаи.

500 тыс. душъ.

Ногаи, прямые потомки ордъ Чингисъ-Хана, сохранили болѣе, чѣмъ другіе народы, монгольскій типъ; это—народъ малорослый, тучный, смуглаго цвѣта кожи, съ впалыми глазами и приплюснутымъ носомъ. Ногаи разсѣяны по всему пространству, расположенному между Бессарабіей, Кавказомъ

и Астраханью; живутъ въ домахъ, выстроенныхъ изъ земляныхъ кирпичей и имѣющихъ около четырехъ саженъ длины. Внутри домъ раздѣляется на два отдѣленія: одно служитъ спальнею, а въ другомъ устраиваются кухня и жилье. Самыя любимыя кушанья ихъ — лошадиное мясо, кумысъ и кирпичный чай.

Всѣ Ногаи—магометане; изъ обычаевъ старой жизни они сохранили родовую месть и страсть къ набѣгамъ. Ногаи по преимуществу живутъ скотоводствомъ, и только небольшая часть занимается земледѣліемъ, таковы Ногаи Молочныхъ Водъ (Таврической губ.).

Между Ногаями въ обычаѣ многоженство, являющееся здѣсь необходимостію для хозяйства: рабовъ они не имѣютъ; женщина или дѣвушка служитъ только у себя дома, а русская въ услуженіе къ магометанину не пойдетъ; отсюда является необходимость обзавестись другой женой, какъ помощницей первой, которая остается полной хозяйкой въ домѣ. Умретъ мужъ—жены его переходятъ къ братьямъ или ближайшимъ родственникамъ, которые оставляютъ ихъ при себѣ или продаютъ.

Въ семейной жизни Ногаевъ мало любопытнаго. Невѣстъ они выбираютъ всегда изъ дальнихъ деревень и стараются жениться на совершенно незнакомой дѣвушкѣ; тридцать коровъ составляютъ обыкновенную цѣну, платимую Ногаемъ за невѣсту; молодыя вдовы цѣнятся дешевле, а старыя пріобрѣтаются даромъ. Въ первый годъ своего замужства, женщина Ногайская имѣетъ право разговаривать только съ мужемъ, да съ близкими родственниками и то въ полголоса; съ посторонними же можетъ объясняться только знаками. По прошествіи года, устраивается семейный праздникъ, и съ этого дня Ногайка пріобрѣтаетъ нѣкоторую свободу.

Въ отношеніи умственнаго образованія Ногаи стоятъ на низкой степени развитія. Правда, во многихъ деревняхъ есть школы, но ихъ посѣщаютъ только готовящіеся въ муллы. Курсъ ученія ограничивается чтеніемъ и выучиваніемъ нѣкоторыхъ молитвъ, безъ пониманія ихъ смысла. Женщины не получаютъ никакого образованія.

Башкиры.

575 тыс. душъ.

Башкиры странствовали прежде по южной Сибири и ея границамъ, подъ предводительствомъ и властію своихъ хановъ; но сибирскіе ханы притѣсняли ихъ до такой степени, что заставили ихъ перейти въ нынѣшнюю Оренбургскую губернію (которая и извѣстна была подъ именемъ Башкиріи), и покориться казанскимъ царямъ. Въ XVI вѣкѣ, послѣ паденія Казанскаго царства, Башкирія покорилась добровольно русскому правительству и Іоаннъ Грозный для защиты ея построилъ крѣпость Уфу, на рѣкѣ Бѣлой.

Богатой растительностію одарены степные, тучные, черноземные луга и поля Башкиріи. Обильной жатвой вознаграждается трудъ земледѣльца. Огромными толпами устремился русскій народъ въ эти страны, текущія медомъ и молокомъ; цѣлыми деревнями выселялись въ концѣ прошлаго столѣтія крестьяне и занимали эти обширныя, неизмѣренныя тогда, не обмежеванныя земли, получить которыя не представляло большаго труда.

Башкиры, какъ и всѣ татарскія племена — воинственные и неукротимые кочевники, въ настоящее время ведутъ образъ жизни полуосѣдлый, т.-е. кочуютъ только весной и лѣтомъ, а зиму живутъ въ деревняхъ, состоящихъ изъ 10 или 15 хижинъ, выстроенныхъ по образцу русскихъ; но деревень своихъ они не любятъ, даже боятся, считая ихъ убѣжищемъ злаго духа и ждутъ не дождутся наступленія весны. Тогда отправляются они въ горныя долины и тамъ, со всею любовію, предаваясь кочевой жизни, откармливаютъ исхудалый во время зимы скотъ, упиваются весеннимъ кумысомъ и все, что можетъ пить отъ груднаго младенца до дряхлаго старика, пьетъ этотъ цѣлительный напитокъ, и чуднымъ образомъ исчезаютъ всѣ недуги голодной зимы и даже старости: полнѣютъ осунувшіяся лица, румянцемъ покрываются блѣдныя щеки и начинается раздольная жизнь для Башкира.

Соскучившись дома, онъ странствуетъ по сосѣдямъ или

уходитъ въ горы на охоту. Башкиръ любитъ повеселиться. Иногда приглашаются цѣлыя деревни и назначается мѣсто, гдѣ должны собираться для общаго увеселенія. Для этой цѣли выбираютъ обыкновенно большую ровную степь, гдѣ можно разгуляться. Чай, кумысъ, баранина, и конина составляютъ главные предметы угощенія; за угощеніемъ наступаютъ забавы: игра на кураѣ, борьба, скачки, пѣсни и т. д. Въ прежнія времена на такія собранія стекалось до 5000 человѣкъ.

Богатство Башкиръ составляютъ лошади; на разведеніе же другихъ домашнихъ животныхъ мало обращается вниманія; впрочемъ нѣкоторые богатые Башкиры содержатъ верблюдовъ и то въ незначительномъ количествѣ.

Второе не менѣе любимое занятіе Башкиръ, послѣ скотоводства, составляетъ пчеловодство; они сами называютъ себя *Башкуртъ*, что означаетъ владѣтель пчелъ; и дѣйствительно, пчеловодство доставляетъ имъ на столько значительныя выгоды, что есть хозяева, которые достаютъ изъ своихъ улей до 100 пуд. меду.

Всѣ Башкиры—магометане; но какъ и большая часть кочевыхъ народовъ мусульманскіе обряды смѣшиваютъ съ языческими. Впрочемъ въ каждой деревнѣ вы увидите минаретъ, обозначающій ихъ молельню.

Въ домашней жизни Башкиры дики, лѣнивы и неопрятны, но за то привѣтливы и веселы. Ихъ кумысный мѣшокъ открытъ каждому. Ѣдятъ чрезвычайно много: съѣсть 15 ф. мяса и выпить ведро кумысу не считается у нихъ рѣдкостью; а другіе этимъ количествомъ утоляютъ только голодъ. Праздничная ихъ трапеза называется *бишмаркъ*, во время которой они кормятъ другъ друга, т. е. одинъ другому втискиваетъ въ ротъ пищу; если послѣ угощенія окажутся остатки, то гости дѣлятъ ихъ поровну и уносятъ съ собой. Послѣ трапезы наступаетъ веселье: играютъ на балалайкѣ или дудкѣ, поютъ, пляшутъ, стрѣляютъ въ цѣль, борются, скачутъ въ запуски на лошадяхъ. Для защиты отъ комаровъ они носятъ опахала, подобныя нашимъ вѣерамъ; въ складкахъ этихъ опахалъ написаны различныя пѣсни.

У Башкиръ въ обычаѣ многоженство; впрочемъ болѣе двухъ женъ рѣдкіе имѣютъ. Выкупъ за невѣсту опредѣляется количествомъ скота и простирается отъ 15 до 200 головъ.

Свадьбы у нихъ совершаются всегда лѣтомъ; при сочетаніи мулла даритъ жениху стрѣлу и говоритъ: будь храбръ, содержи и защищай свою жену. Затѣмъ невѣста ходитъ изъ юрты въ юрту прощаться съ своими знакомыми, которые одѣляютъ ее подарками; а въ родительской юртѣ, обнявъ кумысный мѣшокъ, она благодаритъ его какъ питателя и кормильца и прицѣпляетъ ему на прощаньи подарокъ. Весь станъ провожаетъ молодыхъ нѣсколько верстъ и, при разставаньи, пьетъ кумысъ за ихъ здоровье.

Мещеряки 125 т. и Тептери 300 т.

Мещеряки, или Мещера, обитали въ прежнія времена въ такъ называемой Мещерской области (часть Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ.). Независимо отъ того, Мещера обитала въ предѣлахъ Казанскаго царства; такимъ образомъ нынѣшніе Мещеряки представляютъ два совершенно различные типа: обрусѣвшей и отатарившейся Мещеры. Пензенскіе Мещеряки совершенно обрусѣли, забыли свой языкъ, говорятъ только по русски, исповѣдуютъ православную вѣру, однимъ словомъ, ни чѣмъ не отличаются отъ русскихъ крестьянъ. Оренбургскіе Мещеряки служатъ представителями типа отатарившейся Мещеры. Они исповѣдуютъ магометанскую религію, говорятъ однимъ языкомъ съ Башкирами и отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что живутъ нѣсколько опрятнѣе и болѣе способны къ земледѣлію и скотъ ихъ во время степныхъ непогодъ и вьюгъ не бродитъ, а стоитъ въ *затумѣ*.

Рядомъ съ Башкирами и Мещеряками въ губ. Вятской, Пермской и Оренбургской особыми деревнями живутъ Тептери, образовавшіеся изъ шайки бродягъ. Бродяги эти появились на Уралѣ послѣ паденія Казанскаго царства. Тутъ были и Татары, и Черемисы, и Чуваши; оттого-то и теперь всякое тептерское колѣно говоритъ своимъ нарѣчіемъ. Живутъ они какъ русскіе и занимаются тѣми же самыми промыслами. Прежде Тептери жили на землѣ башкировъ и платили имъ поземельную подать; когда же башкиры взбунтовались, занятыя Тептерями земли отданы имъ въ полную собственность.

Чуваши.

600 тыс. душъ.

Общее число Чувашъ въ Россіи простирается около 600 т. душъ обоего пола. Живутъ они разбросанно по губ. Казанской, Симбирской, Саратовской и Оренбургской. Самое же большее ихъ число приходится на губ. Казанскую. О происхожденіи своемъ сами Чуваши *) не имѣютъ никакого понятія: ихъ мало интересуетъ къ какой семьѣ принадлежатъ они къ финской или татарской; точно также мало интересуютъ и историческія событія. Ихъ преданія о прошедшемъ большею частію вздорны и безтолковы. Новѣйшія изысканія о происхожденіи Чувашъ подтверждаютъ, что они принадлежатъ къ татарской семьѣ. Хотя въ языкѣ ихъ замѣтно вліяніе различныхъ народовъ, но сходство грамматическихъ формъ языковъ чувашскаго и турецкаго говоритъ въ пользу послѣдняго мнѣнія. Монгольскій типъ у Чувашъ не такъ рельефенъ какъ у татаръ, но все же онъ даётъ особый складъ ихъ смуглому лицу. Всѣ они средняго роста съ выдавшимися скулами. Черные глаза глядятъ изъ подъ узенькаго покатаго лба, покрытаго черными или темными волосами; походка ихъ тяжелая, неуклюжая. Вообще Чуваши некрасивы, особенно Чувашенки, слабосильны и притомъ крайне неопрятны. Одежда ихъ почти такая же какъ у русскихъ, за исключеніемъ рубашки, вышитой разноцвѣтными шерстями по подолу и вокругъ шеи.

Селенія чувашскія расположены обыкновенно по лѣсамъ, оврагамъ или котловинамъ, вдали отъ дорогъ и притомъ въ такомъ безпорядкѣ, что, кромѣ хозяевъ, никто не разберетъ, что кому принадлежитъ; здѣсь нѣтъ ни улицъ, ни переулковъ, и только развѣ привычный не блуждаетъ по нимъ. Внутренность избы Чувашина и бѣдна по обстановкѣ, и грязна. Вокругъ стѣнъ, на подобіе лавокъ, подосланы нары, которыя у бѣднаго Чувашина замѣняютъ всякую другую мебель. По срединѣ, на черномъ какъ уголь полу, стоитъ печь, сдѣланная изъ глины. Необходимую принадлежность Чуваш-

*) Въ той мѣстности, гдѣ теперь разсѣяны Чуваши, жили три народа: Болгары, Хозары и Буртасы.

скаго дома составляетъ пивоварня, для которой во дворѣ огараживается отдѣльный уголокъ; уголокъ этотъ обнесенъ хмѣльникомъ.

Образъ жизни Чувашъ однообразенъ и простъ. Встаютъ они съ зарей, кое какъ умоются, утрутся грязной тряпицей и садятся за завтракъ, состоящій обыкновенно изъ хлѣба и кислаго молока, разведеннаго водой. Вообще пища у Чувашъ груба и малопитательна; она по преимуществу мучнистая и молочная; мясную пищу употребляютъ рѣдко, а скоповъ молока, по неудовлетворительному скотоводству, не дѣлаютъ. Растительная пища состоитъ изъ картофеля и грибовъ, которыхъ однакожъ никогда ни очищаютъ ни отъ земли, ни отъ червей. Весь этотъ незатѣйливый, неприхотливый выборъ блюдъ запивается жидкимъ пивомъ, надѣленнымъ хмѣлемъ въ такой пропорціи, что послѣ одного кувшина, отуманивается голова. Послѣ пива, трубка табаку составляетъ для Чувашина не малое благополучіе.

Главныя занятія Чувашъ земледѣліе, скотоводство и разведеніе куръ. Чуваши—смышленые и усердные земледѣльцы; сами русскіе крестьяне не только сознаются въ этомъ, но даже вѣрятъ, что Чуваши могутъ предсказать съ осени каковъ будетъ урожай. До нашествія Татаръ, они хорошо приготовляли пашни, усердно и внимательно ухаживали за ними. И теперь чувашское поле всегда можно отличить отъ русскаго: нѣтъ на загонахъ каменьевъ; всѣ они свезены въ оврагъ; на межахъ сдѣланы канавки для стока воды, чего не замѣчается на русскихъ поляхъ; и выходитъ то, что у Чувашъ хлѣба родится больше, и хлѣбъ этотъ лучше чѣмъ у русскихъ. Окончивъ тяжелыя полевыя работы, Чуваши ходятъ другъ къ другу поочередно пить изъ новаго солода и молодаго хмѣля домашнее пиво, попробовать новаго хлѣба и каши. Но изъ этого однакожъ не слѣдуетъ чтобы Чувашинъ любилъ собираться у домашняго очага; все вниманіе его обращено на базаръ. На базаръ онъ идетъ часто не по необходимости, а просто за новостями. Эта любовь къ селамъ и городамъ зачастую вводитъ его въ убытки. Нерѣдко случается, что покупатель хлѣба даетъ ему на мѣстѣ хорошую цѣну; но не всякій Чувашинъ воспользуется этимъ; многіе предпочтутъ ѣхать за 80 и болѣе верстъ, и хотя возьмутъ меньшую цѣну, за то побываютъ на торгу,

наберуться новостей. Кромѣ хлѣба Чувашинъ сбываетъ на базары куриныя яйца; они составляютъ для него важный предметъ торговли. Независимо отъ базаровъ, милліоны яицъ отправляются ежегодно въ Петербургъ.

Въ домашней жизни Чуваши, какъ богатые такъ и бѣдные, живутъ грязно. Изъ котла, въ которомъ варится пища, пьютъ люди и животныя; тутъ же стираютъ бѣлье и моютъ ребятишекъ. Нечистоплотность ихъ не менѣе замѣчательна: бань они не знаютъ и нерѣдко можно встрѣтить взрослаго Чувашина, который лишь два раза въ жизни мылъ свое тѣло. Это неряшество не мало способствуетъ развитію чесотки, преждевременной слабости и другихъ болѣзней.

Фабричной и торговой дѣятельности Чуваши незнаютъ. Она находится въ чужихъ рукахъ, преимущественно сосѣднихъ нижегородцевъ. Ничтожное развитіе промысловъ и торговли зависитъ частію отъ незнанія русскаго языка, скупости и осторожности, которыя удерживаютъ ихъ рисковать копѣйкой, частію отъ лѣни. Чувашинъ предпочитаетъ лучше ковырять лапти, да сидѣть въ теплой хатѣ, чѣмъ идти на болѣе выгодную работу. По старому скупы Чуваши для себя и по привычкѣ дѣдовъ до сихъ поръ любятъ прятать деньги.

Чуваши обращены въ христіанство въ XVIII в., они хотя и забыли про своихъ боговъ, вырубили свои языческія, священныя рощи, однакожъ все еще не вникнули въ сущность ученія Христа. Цѣлыми толпами крестилъ Чувашей іеромонахъ Веніаминъ и любилъ давать свое мірское имя Василій. Воспріемникомъ былъ діаконъ Иванъ Афанасьевъ. Вотъ отчего и стали всѣ Чуваши *Васильи Ивановичи.* *) Но спросите любаго Чувашина: кто егоБогъ? и навѣрное получите отвѣтъ: „не знаю бачка, мы Бога не видалъ! какъ можно знать какой Богъ.“

Между различными обрядами, доказывающими умственное развитіе Чувашъ, обращаютъ на себя вниманіе свадебные и погребальные. Чуваши женятся чрезвычайно рано; напротивъ женщины выходятъ поздно; отъ этого происходитъ значительная непропорціональность въ лѣтахъ мужа и жены.

---

*) Чувашинъ — Василій Иванычъ. Васька дома?—А кто тамъ? — Василій Ивановичъ.

Послѣдняя обыкновенно бываетъ лѣтъ на 5 старше мужа. Въ такихъ бракахъ участвуетъ разсчетъ не отдавать какъ можно дольше прилежную работницу. Выборъ невѣсты находится въ полномъ распоряженіи родителей жениха. Задумавъ женить сына, отецъ отправляется къ родителямъ невѣсты и получивъ согласіе торгуется о калымѣ. Калымъ этотъ опредѣляется отъ 30 до 80 рублей. Невѣста всегда берется изъ чужой деревни, на томъ основаніи, что бракъ съ знакомой дѣвушкой не принесетъ счастья. Въ день свадьбы невѣста, распрощавшись съ родителями, садится верхомъ на лошадь и въ сопровожденіи гостей отправляется въ деревню жениха. По выѣздѣ изъ полевыхъ воротъ невѣстиной деревни, весь поѣздъ останавливается, женихъ вынимаетъ плеть и три раза ударяетъ ею свою будущую жену, въ знакъ того, что она должна забыть дѣвичью волю и привыкать къ чужой сторонѣ. Въ деревнѣ жениха поѣздъ снова останавливается; на невѣсту надѣваютъ женскій головной уборъ, причемъ гости пьютъ пиво и затѣмъ уже отправляются въ церковь. По совершеніи обряда, всѣ гости собираются въ деревнѣ жениха, гдѣ дружка со словами обращенными къ молодой: „смотри на свѣтъ“ приподымаетъ ея покрывало и затѣмъ начинается пиръ, т. е. попойка. Похороны также соединены со многими суевѣрными обычаями. По понятію Чувашей, души покойниковъ выходятъ изъ могилъ и смущаютъ живущихъ. Чтобы избавиться отъ подобныхъ посѣщеній, они хоронятъ покойниковъ въ дубовыхъ гробахъ, обитыхъ желѣзными обручами. Въ гробъ кладутъ трубку, табакерку, холстъ, прялку и другіе предметы, (смотря по полу) которые любилъ или которыми пользовался покойникъ. При этомъ не забываютъ положить и денегъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ богаче оставшіеся въ живыхъ родственники. Поминовеніе по усопшемъ происходитъ нѣсколько разъ въ году. Оно состоитъ въ томъ, что Чуваши пріѣзжаютъ на кладбище, привозятъ съ собою пиво, вино и различныя кушанья. Здѣсь происходятъ нерѣдко возмутительныя сцены, въ которыхъ особенно отличаются женщины: однѣ изъ нихъ, оплакивая любимаго покойника, рвутъ на себѣ волосы, потомъ вдругъ вскакиваютъ и начинаютъ пляску; другія, за что нибудь недовольныя умершимъ, бранятъ его, плюютъ и топчутъ его могилу. Уходя съ кладбища, Чува-

ши оставляютъ на могилахъ разныя кушанья, обувь и даже кафтаны. Все это остается здѣсь очень не на долго, потому что едва кладбище опустѣетъ, какъ являются русскіе и уносятъ оставленное. Впрочемъ носить какую нибудь одежду, взятую съ Чувашскихъ могилъ, считается предосудительнымъ. У туземцевъ русскихъ нѣтъ хуже упрека, какъ сказать: „на тебѣ видно и рубашка съ чувашскихъ мазарокъ“ т. е. могилъ.

Калмыки.

120 тыс. душъ.

Калмыки поселились въ началѣ XVII в. у Каспійскаго моря и живутъ преимущественно въ степяхъ, разстилающихся по правому берегу нижняго теченія Волги, въ количествѣ 120 тыс. человѣкъ. Въ Калмыкѣ не трудно узнать настоящаго монгола: цвѣтъ кожи смуглый, росту онъ средняго, статенъ и широкоплечъ, глаза узки, ноздри широкія, скулы выдавшіяся, губы толстыя. Жизнь въ степи способствовала развитію ихъ зрѣнія, чрезвычайно остраго, а верховая ѣзда укрѣпила физически и сдѣлала ихъ ловкими и гибкими.

По природѣ Калмыкъ простодушенъ, неопрятенъ, лѣнивъ и суевѣренъ. Особенно послѣдній недостатокъ сильно развитъ въ Калмыкѣ: онъ не предприметъ никакого дѣла, не посовѣтовавшись предварительно съ колдуномъ или знахаремъ; онъ не рѣшится безъ его позволенія даже убить насѣкомаго, въ особенности же комара, боясь погубить душу кого-нибудь изъ родственниковъ, переселившихся, быть можетъ, въ это животное. Къ упомянутымъ недостаткамъ присоединяются еще и нѣкоторые пороки — страсть къ пьянству, воровству и азартнымъ играмъ. Владѣя 3 милл. головъ скота, Калмыки кочуютъ по всему пространству между Волгой, Каспійскимъ моремъ, Кумою и Дономъ и для того стараются, какъ можно болѣе, весеннимъ разлитіемъ водъ, оплодотворить степь. Такъ какъ главное занятіе ихъ скотоводство, то и образъ жизни ихъ кочевой: скотъ остается на одномъ мѣстѣ, пока есть кормъ, нѣтъ корму — онъ переходитъ на другое мѣсто, а за нимъ съ подвижнымъ

шатромъ слѣдуетъ и владѣлецъ его. Калмыки остаются на одномъ мѣстѣ рѣдко болѣе трехъ недѣль; перекочевка для нихъ составляетъ праздникъ, продолжающійся иногда нѣсколько дней: семья кочевника, нарядно одѣтая, на навьюченныхъ верблюдахъ, покрытыхъ коврами, слѣдуетъ за своими старшими, которые указываютъ ей путь. Прибывъ на мѣсто, покрытое обильной травой, Калмыки принимаются за устройство жилья—кибитки, по формѣ похожей на опрокинутую воронку съ отрѣзаннымъ горлышкомъ; снаружи кибитка покрывается войлочными коврами, а внутри—коврами, сплетенными изъ камыша; земляной полъ, смотря по времени года, покрывается войлоками или шкурами животныхъ. Свѣтъ проникаетъ въ эту кибитку сверху, или черезъ дверь, остающуюся днемъ постоянно открытою.

Внутреннее убранство кибитки требуетъ также немного времени и труда. Первое мѣсто занимаетъ въ ней такъ называемый *бàранъ* — хранилище религіозныхъ предметовъ и драгоцѣнностей; это—рядъ сундуковъ, покрытыхъ коврами, сверху которыхъ поставленъ ящикъ съ *бурханами*, т. е. идолами, помѣщающимися обыкновенно на крышкѣ ящика; передъ идолами ставятъ серебряныя или мѣдныя чашечки, въ которыя кладутъ жертвы: пшеницу, крупу и разныя куренія; рядомъ съ бàраномъ, противъ двери, стоитъ низенькая кровать, а на большомъ сундукѣ направо отъ двери, разставлены различные съѣстные припасы, домашняя утварь, вино и т. д.; вотъ и все внутреннее убранство кибитки. Не болѣе какъ черезъ часъ помѣщеніе готово; заварился кирпичный чай, изготовилось лошадиное мясо, принесенъ и кумысъ, любимый напитокъ кочевниковъ и вошла въ обыденную колею безпечная жизнь лѣниваго Калмыка. Между тѣмъ какъ женщина — вѣчная труженица въ семьѣ: она варитъ кушанье, вьетъ арканы, веревки, валяетъ чулки, шьетъ одежду, разбираетъ и ставитъ палатку; и не смотря на трудную работу, все дѣлаетъ безропотно, терпѣливо.

Въ семейномъ быту Калмыковъ играетъ важную роль *геллюнъ* (священнослужитель). Онъ даетъ имя новорожденному, посовѣтовавшись предварительно съ созвѣздіемъ, подъ которымъ родился ребенокъ; безъ его благословенія не начинается ни одно сватовство, не совершается ни одинъ бракъ. Обрядъ бракосочетанія очень простъ: передъ вхо-

домъ въ кибитку разстилаютъ коверъ; за ковромъ ставятъ столикъ съ бурханами и жертвенную чашу съ бараньей лопаткой—эмблемой богатства. Женихъ и невѣста, окруженные гостями, становятся передъ бурханнымъ столикомъ; геллюнгъ прочитываетъ нѣсколько молитвъ и, прикоснувшись бурханомъ до головы сочетавшихся, передаетъ имъ баранью лопатку, завернутую въ платокъ, до тѣхъ поръ закрывавшій невѣсту. Окончивъ церемонію обряда передъ кибиткой, переходятъ внутрь ея. Совершивъ три поклона передъ бурханами, молодые садятся на постель: женихъ въ изголовьи, а невѣста въ ногахъ; остальные гости окружаютъ ихъ. Геллюнгъ беретъ баранью лопатку, срѣзываетъ съ нея мясо и раздѣляетъ между женихомъ, невѣстою и ея родителями. Мясо съѣдается тутъ же, а лопатка хранится какъ святыня, какъ залогъ семейнаго счастія.

Религія, исповѣдуемая Калмыками, извѣстна подъ названіемъ ламайской. Она называется также буддійскою, по имени преобразователя Будды. Во главѣ калмыцкаго духовенства стоитъ *Лама;* священнослужители называются *геллюнгами;* обязанность ихъ—отправлять идолослуженіе, которое совершается обыкновенно въ *хурулѣ* (храмѣ). Здѣсь они подъ звуки колокольчиковъ, барабановъ, мѣдныхъ тарелокъ и проч., прочитываютъ отрывки изъ священныхъ книгъ передъ своими идолами (бурханами).

Киргизы.

(1½ милл. душъ).

На огромномъ пространствѣ между низовьями Волги и Иртыша, живутъ Киргизы, въ количествѣ 1½ милл. душъ. Сосѣдство съ Калмыками имѣло значительное вліяніе на наружность Киргизовъ: тѣ же выдающіяся скулы, тѣ же узкіе глаза, только лицо не такъ широко и плоско какъ у калмыковъ. Зоркость зрѣнія, сила и ловкость составляютъ три главныя преимущества этого многочисленнаго народа, населяющаго три обширныя степи. Особенно замѣчательно развито ихъ зрѣніе: гдѣ европеецъ съ трудомъ усматриваетъ неясныя точки, тамъ Киргизъ отчетливо различаетъ не только очертанія предметовъ, даже ихъ цвѣтъ. Ловкость

Киргиза выказывается наглядно въ верховой ѣздѣ и въ управленіи дикими лошадьми, къ чему привыкаютъ съ малолѣтства не только мужчины, но и женщины. Нельзя не позавидовать также здоровью и долговѣчности Киргизовъ; достигая нерѣдко восьмидесятилѣтняго возраста, они до послѣднихъ дней сохраняютъ свои силы.

Одежда Киргиза состоитъ изъ халата, окаймленнаго золотымъ или серебрянымъ позументомъ и подпоясаннаго кожанымъ или шелковымъ кушакомъ. Голова, обыкновенно выбритая, исключая макушки и висковъ, покрывается двумя шапками нижней и верхней. Первая—ермолка бархатная или плисовая; а вторая—лѣтняя дѣлается изъ бѣлой овечьей шерсти, а зимняя—изъ какого нибудь мѣха. Женская одежда немногимъ отличается отъ мужской: она такая же длинная и широкая, и подпоясана шелковымъ или шерстянымъ поясомъ. Головной уборъ женщинъ состоитъ изъ повязки обшитой мѣхомъ и украшенной серебромъ и драгоцѣнными камнями. Кольца, браслеты, серьги, серебряныя бляхи и другія украшенія чрезвычайно любятъ носить Киргизки.

Жилищемъ для Киргизовъ служатъ кибитки, совершенно сходныя съ калмыцкими; главное ихъ удобство заключается въ томъ, что онѣ легко могутъ быть переносимы съ одного мѣста на другое; послѣднее обстоятельство, при томъ образѣ жизни, который ведутъ Киргизы, доставляетъ имъ немаловажныя выгоды. Киргизы—пастухи по преимуществу; они питаются произведеніями своихъ стадъ: хлѣба не употребляютъ даже занимающіеся земледѣліемъ, а поджариваютъ муку, смѣшанную съ саломъ и съ водою. Главную пищу бѣднаго Киргиза составляетъ *крутъ*, т. е. высушенныя изъ творогу лепешки. Любимый напитокъ ихъ—*кумысъ*. Его приготовляютъ такимъ образомъ: лошадиное молоко вливаютъ въ кожаный мѣшокъ и прибавляютъ небольшое количество кислаго коровьяго молока или крута; по временамъ бьютъ эту смѣсь деревянной колотушкой, оканчивающейся кругомъ, съ провернутыми въ немъ скважинами. Черезъ два или три дня кумысъ готовъ и его начинаютъ употреблять, прибавляя каждый разъ вмѣсто отлитаго, такое же количество свѣжаго лошадинаго молока.

Съ нравственной стороны Киргизъ не возбуждаетъ къ се-

бѣ сочувствія. Большую часть лѣта онъ проводитъ во снѣ, а зимою, оставаясь въ своей кибиткѣ, занесенной нерѣдко сугробами снѣга, не считаетъ необходимымъ заняться ни хозяйствомъ, ни ремеслами. Вмѣстѣ съ лѣностью въ Киргизѣ развито тщеславіе, корыстолюбіе и мстительность. Предметомъ тщеславія служатъ обыкновенно происхожденіе, подвиги, храбрость и богатство. Корыстолюбіе присуще какъ низшему, такъ и высшему классу: раздѣлъ самыхъ маловажныхъ предметовъ не обходится у нихъ безъ драки; случится, напримѣръ, Киргизамъ ограбить караванъ и при дѣлежѣ достанутся имъ часы, то одинъ беретъ винтики, другой—стрѣлки, третій—колпакъ и т. д.; если зажиточный Киргизъ и дастъ кому-либо деньги въ долгъ, то непремѣнно съ обязательствомъ возвратить за это вдвое. Мстительность въ Киргизѣ развита до такой степени, что онъ, не имѣя возможности отмстить обидчику, вымѣщаетъ свою злобу на лицахъ, не причастныхъ дѣлу, убиваетъ животныхъ, попавшихся на глаза, и нерѣдко себѣ самому наноситъ раны. Одно только качество, именно привязанность къ родинѣ, составляетъ ихъ хорошую черту. Проводя время въ войнахъ и дракахъ съ сосѣдями, Киргизы не выучились стойкости въ битвахъ: по природѣ они робки, нападаютъ изъ засадъ въ тихомолку и боятся открытаго боя. Удальство, по ихъ мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы обмануть при торговой сдѣлкѣ, хищнически напасть и заграбить чужіе табуны ночью. Обитая на неприглядной солончаковой почвѣ, посреди постоянныхъ опасностей и всякаго рода лишеній, они всѣми силами души любятъ свою родную степь, гдѣ родились и выросли; и если случится имъ, вслѣдствіе необходимости, выселиться въ предѣлы Россіи, то при первой возможности опять возвращаются въ свои любимыя степи.

Трудно сказать, какую религію исповѣдуютъ Киргизы. Всѣ они признаютъ высочайшее существо, создавшее міръ; но одни изъ нихъ покланяются ему по законамъ Корана, другіе смѣшиваютъ ученіе Магомета съ идолопоклоненіемъ и признаютъ присутствіе въ природѣ злаго духа—*Шайтана*. Между всѣми заповѣдями Корана съ особенною ревностью исполняется только одна—дозволяющая многоженство. Соблюденіе постовъ, молитва и хожденіе въ Мекку не счи-

тается необходимостью, тѣмъ болѣе, что у Киргизовъ есть свои святыни; такими святынями считаются могилы, расположенныя въ степяхъ. Киргизы ѣздятъ къ нимъ на поклоненіе, читаютъ надъ ними молитвы и приносятъ въ жертву домашнихъ животныхъ. Видъ киргизскаго кладбища представляетъ довольно красивую картину: однѣ могилы обсажены деревьями, другія украшены пирамидами, сложенными изъ камней, на третьихъ развѣваются ленты или конскія гривы. Отъ каждой могилы ведетъ рядъ камешковъ къ ближайшему источнику. Всѣ Киргизы считаютъ обязанностью поминать усопшихъ родственниковъ; исчисляя подвиги умершаго, они закалываютъ бѣлую лошадь, варятъ ее и мясо съѣдаютъ, при чемъ выпиваютъ значительное количество кумыса; затѣмъ начинаются игры, пѣсни подъ звуки кобыря *) и балалайки, скачки и другія забавы. Киргизы заражены суевѣріемъ; оно до того развито въ нихъ, что нѣкоторымъ людямъ приписываютъ силу не только узнавать будущее, но и производить перемѣны въ погодѣ, предотвращать различныя несчастія; этихъ чародѣевъ Киргизы называютъ *Бахчи.*

Искусство бахчей не ограничивается однимъ гаданьемъ; они лѣчатъ больныхъ, употребляя слѣдующій оригинальный пріемъ: бахчи садится противъ больнаго, играетъ на кобырѣ, поетъ, кричитъ, кривляется, произноситъ безсмысленныя рѣчи, потомъ вскакиваетъ, беретъ кость и бьетъ больнаго, убѣжденный, что выгоняетъ этимъ изъ тѣла болѣзнь; наконецъ лижетъ его языкомъ, кусаетъ зубами, плюетъ ему въ лицо, въ глаза и въ заключеніе, схвативъ ножъ, бросается на больнаго, будто бы съ намѣреніемъ зарѣзать его. Такое лѣченіе продолжается 9 дней.

Слѣдуя заповѣди Магомета, Киргизъ запасается пятью женами, пріобрѣтая ихъ посредствомъ калыма, который простирается до 200 лошадей и 1000 овецъ. Число женъ у богатыхъ иногда доходитъ до 20. Каждая изъ нихъ помѣщается въ особой кибиткѣ, но всѣ онѣ обязаны оказывать почтеніе первой, которая и называется *байбича,* т. е. богатая жена. Она распоряжается хозяйствомъ и имѣетъ право, въ случаѣ недовольства мужемъ, оставить его, чего прочія

---

*) Кобырь—ничто иное, какъ выдолбленный полушаръ съ рукояткою и струнами изъ конскаго волоса.

жены сдѣлать не могутъ. Нужно замѣтить, что женщины у Киргизовъ пользуются большею свободою, чѣмъ у другихъ магометанскихъ народовъ. Свадебный обрядъ и пиръ, соединяющійся всегда съ различными забавами, устраивается въ аулѣ отца невѣсты; а черезъ нѣсколько дней молодой, получивъ приданое, уѣзжаетъ съ женою въ свой аулъ, гдѣ отецъ новобрачнаго приглашаетъ гостей, которые считаютъ своею обязанностью выбрать изъ приданаго невѣсты всѣ лучшія вещи, а въ замѣнъ ихъ дать другія. Что касается до умственнаго образованія, то оно, завися всегда отъ образа жизни, не могло достигнуть у Киргизовъ значительной степени развитія. Грамотность до того мало распространена, что умѣющій читать и писать, считается чудомъ. Многія научныя свѣдѣнія пріобрѣтаются опытомъ: такъ Киргизъ знакомъ съ большею частью звѣздъ, узнаетъ время восхожденія и захожденія ихъ; самое важное значеніе для нихъ имѣетъ полярная звѣзда (желѣзный колъ), по которой они отыскиваютъ дорогу. Венеру называютъ они *пастушьей звѣздой,* потому что она восходитъ когда скотъ выгоняютъ на паству, или на оборотъ, когда гонятъ въ аулы; *млечный путь* извѣстенъ у Киргизовъ подъ именемъ *птичьей дороги*, такъ какъ по немъ будто бы летаютъ птицы изъ Европы въ Азію; о Большой Медвѣдицѣ говорятъ, что это семь воиновъ гонятся за двумя лошадьми и когда догонятъ ихъ, то наступитъ конецъ свѣта и т. д. Монетъ, вѣсовъ и мѣръ у нихъ не существуетъ; первыя замѣняются баранами или овцами; вѣсъ измѣряется глазомѣромъ, протяженіе—временемъ или зрѣніемъ; такъ напр. такой-то предметъ стóитъ 25 барановъ и находится на день ѣзды на лошади.

Туркмены.

(2 тыс. душъ).

Туркмены кочуютъ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, до самыхъ границъ Персіи, по теченію рѣки Аму-Дарьи и въ губ. Ставропольской и Астраханской. Они производятъ свой родъ отъ родоначальника Турка, или Тюрка, современника Магомета, вышедшаго изъ степей Аравіи и

давшаго имъ свое имя. Мѣстность между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, выпавшая на долю этого племени, представляетъ песчаную, солончаковую степь, гдѣ кочуютъ враждебныя ему кибитки Киргизовъ Средней Орды. Степь эта совершенно ровная, и только по срединѣ ея, отъ одного моря до другаго, возвышаются холмы Усть-Урта. На высотѣ Усть-Урта—та же голая степь съ солончаками, почти безводная. Кое-гдѣ существующіе колодцы содержатъ такъ мало воды, что небольшое стадо въ состояніи ее всю выпить. Тѣснимые Киргизами, постоянно враждующими съ ними изъ-за пастбищъ, Туркмены переселяются на окраины морей и къ границамъ Персіи; ближайшіе къ персидскимъ границамъ признаютъ надъ собой власть шаха, но подданныхъ его грабятъ и уводятъ въ плѣнъ. Плѣнныхъ женщинъ берутъ себѣ въ жены, а мужчинъ, по большой части, продаютъ въ Хиву, рѣдко заставляютъ работать, добывая руками этихъ плѣнниковъ горное масло, или нефть, которая на берегу Каспійскаго моря находится въ неисчерпаемомъ количествѣ. Самыя удобныя мѣста для кочевья они находятъ вблизи Мангышлакскаго полуострова, гдѣ имъ представляется возможность укрываться отъ непріятеля со всѣми стадами лошадей, верблюдовъ, рогатаго скота и овецъ. Все богатство Туркменскаго народа, все его благосостояніе заключается въ скотоводствѣ, и продажа овецъ и лошадей составляетъ единственную отрасль ихъ торговли. По наружности, Туркмены небольшаго роста, крѣпкаго сложенія, желтаго цвѣта кожи, съ черными огненными глазами. Какъ всѣ кочевые народы, живутъ они патріархально. Уходъ за лошадьми—главная ихъ забота: лошадь для Туркмена дороже женъ, дороже дѣтей, дороже его собственной жизни; на лошадяхъ, въ полночь, нападаютъ они на жилыя мѣста, при восходѣ солнца—на караваны или на враждебныя племена. Несмотря на то, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Туркменскаго берега находится русская военная станція и наши морскія суда зорко слѣдятъ за хищниками, грабежи не прекращаются. Вся жизнь этого народа сложилась такъ, чтобы разбойничать и грабить, или сдѣлаться купцомъ и торговать солью, нефтью и смолой. Впрочемъ купцовъ Туркменъ очень немного; они живутъ въ Астрахани и Оренбургѣ, и до такой степени переродились, что мало чѣмъ от-

личаются отъ городскихъ Татаръ. Туркмены гостепріимны и храбры; вмѣстѣ съ тѣмъ безгранично лѣнивы. Женщины у нихъ поставлены лучше, чѣмъ у другихъ татарскихъ народовъ. Кромѣ заботъ о домашнемъ хозяйствѣ, онѣ приготовляютъ прочные и сходные по цѣнѣ туркменскіе ковры, пользующіеся извѣстностью. Одинъ изъ главныхъ предметовъ необходимости Туркменъ составляетъ чай. Нѣтъ чаю, Туркменка голодна; голодно и все семейство; у нея болитъ голова, она лежитъ и стонетъ, увѣряя мужа, что голова ея болитъ именно потому, что она не пила сегодня чаю. Понуждаемый такимъ путемъ къ пріобрѣтенію чая, Туркменъ ѣдетъ къ армянину торговцу и во что бы то ни стало беретъ у него въ долгъ полцибика за огромную цѣну. Напившись чаю, Туркменка дѣлается веселою, забываетъ о болѣзни и какъ бы перерождается. Между тѣмъ покупка муки и другіе домашніе расходы увеличиваютъ долгъ и уносятъ у кочевника штуку за штукой рогатаго скота и прочую движимость и Туркменъ впадаетъ въ совершенную нищету. Весь Туркменскій народъ слѣдуетъ ученію Магомета и, принадлежа къ суннитскому толку, ненавидитъ всѣхъ остальныхъ мусульманъ—шіитовъ.

III. МОЛДАВАНЕ.

650 т. душъ.

Бессарабская область принадлежитъ къ числу мѣстностей, обладающихъ самымъ разнообразнымъ населеніемъ: здѣсь вы встрѣтите русскаго, поляка, болгара, серба, арнаута, нѣмца, армянина, грека, еврея и цыгана; но среди этой пестрой толпы выдаются Молдаване, составляющіе болѣе половины всѣхъ жителей Бессарабіи. Кромѣ Бессарабіи они живутъ въ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской и Подольской; вся численность Молдаванъ въ русскихъ предѣлахъ простирается до 650 тысячъ душъ обоего пола.

Въ Молдаванинѣ, болѣе чѣмъ въ Малороссѣ, усматривает-

ся южная натура: онъ также рослъ и силенъ, также лѣнивъ и безпеченъ, добръ и сострадателенъ къ ближнему; но долгое порабощеніе турками пріучило этотъ народъ къ хитрости, сдѣлало его скрытнымъ и мстительнымъ.

Молдаванинъ живетъ въ небольшой, опрятной *чамурной* хатѣ; постановка этой хаты сопровождается нѣкоторою торжественностію; хозяинъ приглашаетъ гостей, которые раздѣляютъ между собою труды по устройству хаты: одна партія приготовляетъ *чамуръ* (смѣсь глины, соломы и навоза), другая—плетень, т, е. основаніе хаты, третья обкладываетъ этотъ плетень чамуромъ, наконецъ четвертая, подъ звуки странствующихъ музыкантовъ, водитъ хороводы или танцуетъ, утѣшая такимъ образомъ трудящихся. Хозяинъ при этомъ случаѣ не жалѣетъ угощенія, въ особенности вина, которымъ изобилуетъ Бессарабія. Чамурныя хижины дѣлаются только въ лѣсистыхъ мѣстахъ; тамъ же гдѣ нѣтъ лѣса, хаты дѣлаются изъ мѣстнаго плитняка или землебитнаго кирпича. Внутренность жилья, убраннаго диванами, подушками и коврами, доказываютъ что Молдаванину по нраву Турецкая обстановка лѣни, которой онъ предается съ величайшею радостію. Одежда Молдаванъ отчасти похожа на малороссійскую, отчасти заимствована у турокъ; она бросается въ глаза пестротою цвѣтовъ, особенно у женщинъ. Молдаванки большія охотницы наряжаться и щеголять кольцами, ожерельями и блестящими серьгами.

Пищу Молдаванина составляетъ преимущественно *мамалыга*, т. е. прѣсное тѣсто, приготовляемое изъ муки кукурузы; есть у него запасъ кукурузы—онъ доволенъ, что вполнѣ можетъ предаться любимой лѣни, или посѣщать шинокъ, имѣющій въ селеніяхъ значеніе клуба. Въ шинкѣ собираются обучаться практической мудрости, изучать политическую экономію; въ немъ же рѣшаются всѣ общественные вопросы и зачастую совершается судъ и расправа. Молдаванинъ, можно сказать, привязанъ къ шинку; онъ не только любитъ вино, но и самый процесъ опьяненія.

Главное занятіе Молдаванъ садоводство и винодѣліе; хлѣбопашествомъ же занимаются они небрежно. Молдаванинъ въ домашнемъ быту хотя и считается хозяиномъ и господиномъ, но ничего не дѣлаетъ; все хозяйство лежитъ на отвѣтственности трудолюбивой жены; одна только она содѣй-

ствуетъ нѣкоторому изобилію, или по крайней мѣрѣ довольству семейной жизни; но, къ сожалѣнію, Молдаванка, не смотря на свое видимое превосходство надъ мужчиной, не пользуется однако значеніемъ ни въ семейномъ, ни въ общественномъ быту: она работница въ полномъ смыслѣ этого слова и только; она цалуетъ руку мужа послѣ обѣда и ужина, которые сама же приготовила, цалуетъ руку даже прежде чѣмъ онъ сдѣлался ея мужемъ, т. е. у жениха; она не смѣетъ встать въ храмѣ впереди мужчинъ, не имѣетъ права подойти къ причастію или ко кресту прежде мужчинъ.

Обычаи и обряды, сохраняемые Молдаванами, выражаютъ характеръ народа добраго, гостепріимнаго и привѣтливаго. Между обрядами ихъ замѣчательны и интересны свадебные. Паробокъ самъ избираетъ себѣ невѣсту; родители въ это дѣло никогда не вмѣшиваются. Получивъ согласіе отъ невѣсты, родители ея назначаютъ обрученіе, сопровождаемое пирушкой; во время пирушки накрывается отдѣльно столъ, на который ставятъ двѣ тарелки: на одну родители невѣсты кладутъ кольцо и платокъ, а на другую тарелку женихъ обязанъ положить деньги. Отецъ зоветъ дочь и говоритъ: „ступай и возьми что тебѣ угодно.“ Дочь беретъ деньги, а женихъ—платокъ и кольцо. Такимъ образомъ совершается обрученіе. Наканунѣ свадьбы, женихъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей, отправляется въ деревню невѣсты и посылаетъ къ ней одного изъ дружекъ, имѣющаго даръ говорить отчетливо, краснорѣчиво и выразительно; тотъ произноситъ обыкновенно слѣдующую рѣчь, не лишенную приторной цвѣтистости: „добрый день прекрасная дѣва и честные господа! Какого поживаете? Мы, благодаря Бога, живемъ хорошо. Нашъ царь, охотясь разъ съ своими подданными, замѣтилъ слѣдъ не птицы, а достойной его дѣвицы, выбралъ изъ войска двухъ молодцовъ, съ виду лихихъ, со словъ ученыхъ и послалъ по свѣту. Скажите же намъ за чѣмъ странствуемъ, что ищемъ? Мы не слуги, не торговцы воловъ, но выбранные посланники царя. Наткнувшись тутъ на цвѣтокъ, нашъ царь, по совѣту совѣтчиковъ, хочетъ перенести этотъ цвѣтокъ въ свой садъ. Дайте намъ калачъ сахарный, платокъ льняной утирать губы послѣ вина и платокъ къ уздечкамъ нашихъ лошадей. Увидѣвши насъ, царь узнаетъ, что все исполнено въ точности. Когда пріѣдетъ

нашъ царь—земля застонетъ, когда сойдетъ съ лошади—земля затрясется. Но царь идетъ не съ силою, не съ величіемъ и не съ саблею сражаться, а съ покорностью и привѣтомъ. Приготовьте возы съ сѣномъ, жирныхъ овецъ, вкусный хлѣбъ, бочки съ виномъ, пригласите за столъ и насъ молодцовъ."

Послѣ этого привѣтствія невѣста кропитъ своего суженаго водой, а дружкамъ даритъ по платку. На слѣдующій день, обыкновенно въ воскресенье, назначается свадьба. Послѣ свадебнаго обряда, родственники и знакомые осыпаютъ молодыхъ сѣменами и орѣхами съ пожеланіемъ счастія; затѣмъ накрывается свадебный столъ и всѣ присутствующіе обязаны давать деньги въ пользу молодой.

Молдаване большіе охотники до музыки и пляски. Любимый ихъ танецъ *джогъ*—нѣчто въ родѣ хоровода; его танцуютъ, становясь въ кругъ, мужчины и женщины вмѣстѣ, взявшись за руки, подъ звуки унылой музыки ходячаго артиста. Молдаванинъ поетъ свою пѣсню грустнымъ, протяжнымъ, нескончаемымъ напѣвомъ, пѣсню бѣдную по содержанію, нерѣдко отличающуюся безсмыслицей, но за то цвѣтистую, по слогу. Героическихъ пѣсенъ въ Молдавіи очень немного.

Всѣ Молдаване, живущіе въ русскихъ предѣлахъ, исповѣдуютъ православную вѣру; соблюдая священные обряды и постановленія церкви, они примѣшиваютъ къ своему вѣрованію вымыслы народнаго суевѣрія. Молдаванка, напримѣръ, ни за что не станетъ кроить въ субботу, боясь, что тотъ, для кого это предназначено, скоро умретъ; въ понедѣльникъ она не разсердитъ другую женщину изъ опасенія, чтобы та не плюнула на нее: оплеванная въ этотъ день убѣждена, что ее будутъ всѣ ненавидѣть. Молдаване вѣрятъ также въ существованіе домоваго, добраго духа, который живетъ въ домѣ въ видѣ змѣи или ужа; поэтому, чтобы не убить своего домоваго, они не убиваютъ ужей, говоря: домашняя змѣя не вредитъ, а приноситъ пользу.

IV. ЕВРЕИ.

2 милл. душъ.

Евреи (6 мил.) принадлежатъ къ семитической группѣ народовъ и живутъ разсѣянно во всей Россійской Имперіи въ количествѣ 2-хъ милл. человѣкъ, т. е. на долю Россіи приходится $^1/_3$ всѣхъ Евреевъ, существующихъ на земномъ шарѣ.

Почти во всѣхъ странахъ Европы Еврейскій народъ слился съ туземцемъ своею наружностью, нравами и образомъ жизни; въ Россіи же наоборотъ: онъ сохранилъ свои обычаи, свой типъ. Наружный видъ Еврея рѣзко бросается въ глаза: правильныя черты лица, выразительные, большіе глаза, черные курчавые или рыжіе волосы, закрученные *пейсы* на вискахъ, длиннополый сюртукъ, шляпа или картузъ на затылкѣ и трость въ рукахъ—вотъ наружность Еврея. Изгнанные изъ Германіи, вслѣдствіе крестовыхъ походовъ, Іудеи нашли убѣжище въ Польшѣ и получили нѣкоторыя привилегіи. Ихъ многочисленность, смышленность, оборотливость, казалось, обѣщали многое Польшѣ, но на самомъ дѣлѣ принесли только вредъ. Овладѣвъ всей торговлей, они исказили ее до обмана; поселившись въ городахъ, они разстроили благосостояніе городскихъ обывателей, взимая за свои капиталы огромные проценты. Этотъ вѣчно движущійся народъ, населяя Польшу, западныя и югозападныя губерніи, до такой степени завладѣлъ краемъ, что безъ него была бы не мыслима никакая сдѣлка, никакая купля или продажа; онъ отдалъ себя на служеніе, извлекая всевозможныя выгоды. Но не за всякое ремесло возьмется Еврей; быть плотникомъ, каменьщикомъ, кузнецомъ для этого онъ считаетъ себя слишкомъ физически слабымъ; выдѣлку кожъ, ткачество онъ не любитъ; за то торговля—его конекъ; каждый изъ нихъ непремѣнно чѣмъ нибудь торгуетъ, и смѣлость Жидовъ въ торговыхъ предпріятіяхъ доходитъ до невѣроятности. Способность къ торговлѣ онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ. Напутствуемый и поощряемый съ дѣтства отцомъ или дѣдомъ, Еврей половину жизни проводитъ на улицѣ: покупая, вымѣнивая или продавая что нибудь.

Чѣмъ болѣе онъ приноситъ за свои деньги мѣди, олова, стараго платья и т. п., тѣмъ болѣе его хвалятъ и восторгаются его успѣхами. Дѣла нѣтъ, какія средства онъ употребилъ къ пріобрѣтенію вещей; позволительны ли они для честнаго человѣка? Были бы только деньги. Деньги становятся предметомъ размышленій Еврея, цѣлью его жизни. Ради ихъ Еврей готовъ терпѣть лишенія и получить всѣ возможныя оскорбленія какъ нравственныя такъ и физическія.

Грязная обстановка жизни мало располагаетъ въ пользу Евреевъ, точно такъ, какъ и одежда ихъ, вѣчно засаленная и большею частію изорванная. Пища ихъ скудная: они довольствуются и ѣдятъ съ величайшимъ удовольствіемъ рѣдьку, лукъ, чеснокъ, яица и хлѣбъ. Въ субботу кушанья совсѣмъ не приготовляются, такъ какъ законъ запрещаетъ Евреямъ работать по праздничнымъ днямъ. Въ пятницу, во всѣхъ еврейскихъ домахъ выставляются подсвѣчники съ зажженными свѣчами 5-ю, 6-ю, 7-ю и болѣе смотря по числу членовъ семьи. Это канунъ еврейскаго *шабаша*. Часовъ въ 8 огни значительно уменьшаются, а къ 9-ти совершенно исчезаютъ.

Въ постные дни Еврей не только ничего не ѣстъ и не пьетъ, но даже не смѣетъ полоскать себѣ рта безъ разрѣшенія раввина. *) Къ числу постовъ ихъ принадлежитъ такъ называемый праздникъ *Босина*. Въ этотъ день Евреи ходятъ безъ сапогъ, въ однѣхъ чулкахъ, нѣкоторые даже совсѣмъ безъ обуви. Этотъ постъ установленъ въ память разрушеннаго храма Іерусалимскаго. Евреи оплакиваютъ этотъ храмъ и молятъ о созданіи новаго. Босина — день скорби, печали и молитвы. Въ праздникъ Пасхи Евреи цѣлую недѣлю не употребляютъ кислаго хлѣба; они ѣдятъ такъ называемые, *опрѣсноки*, или *мацу*, т. е. тонко раскатанное тѣсто, приготовленное изъ одной муки съ водою, безъ дрожжей, безъ соли.

Малопитательная пища, нечистота, тѣсныя жилища, нездоровая въ нихъ атмосфера, ранніе браки — вотъ главныя причины слабаго сложенія и болѣзненности Евреевъ.

Нерѣдко тринадцатилѣтняя Еврейка выходитъ замужъ за мальчика 16-ти лѣтъ. Женясь такъ рано, очень часто моло-

---

*) Духовное лицо у Евреевъ, ученый, служитель синагоги.

дая чета не можетъ существовать самостоятельно, а между тѣмъ семья ея увеличивается, потому что ни одно племя такъ не плодовито, какъ Евреи, и нигдѣ нельзя встрѣтить такого множества дѣтей, какъ въ еврейскихъ селеніяхъ. Чтобы избавить молодую чету отъ угрожающей ей нищеты, отецъ новобрачной беретъ дочь и зятя и содержитъ ихъ на собственный счетъ въ теченіи трехъ лѣтъ.

Бракъ рѣдко совершается по влеченію сердца; большею же частію по предварительному выбору родителей жениха или невѣсты. Вступая въ бракъ такъ рано, молодые люди, не имѣющіе нерѣдко между собою ничего общаго, становятся другъ къ другу въ отношенія почти враждебныя и хлопочутъ о разводѣ, столь часто случающемся среди еврейскаго населенія. При свадьбѣ соблюдаются слѣдующіе обычаи: наканунѣ брачнаго обряда, женихъ приглашается утромъ въ синагогу къ чтенію пятикнижія; у невѣсты въ этотъ день собираются женщины и дѣвушки. Необходимую принадлежность пирушки составляетъ какой нибудь весельчакъ, импровизирующій стихи и скрипка, подъ звуки которой каждая женщина танцуетъ съ невѣстой (у Евреевъ не въ обычаѣ танцовать мужчинѣ съ женщиной). Въ день бракосочетанія невѣста присылаетъ жениху въ подарокъ шерстяное покрывало и китель. *) Получивъ подарки, женихъ отправляется въ домъ невѣсты и находитъ ее сидящую по срединѣ комнаты, остриженную и плачущую. Онъ набрасываетъ на нее бѣлое покрывало, причемъ присутствующіе осыпаютъ хлѣбомъ или овсомъ. Напутствуемые благословеніемъ старшихъ, женихъ и невѣста отправляются къ мѣсту вѣнчанія. Обрядъ совершается на дворѣ или на улицѣ. Надъ молодыми раскидывается балдахинъ; раввинъ читаетъ краткое наставленіе, возлагаетъ руки на головы жениха и невѣсты и благословляетъ ихъ; тоже самое дѣлаютъ и старѣйшіе родственники съ обѣихъ сторонъ. Возвратившись домой, молодые, цѣлый день постившіеся, ѣдятъ съ одной тарелки бульонъ; для гостей же приготовляется обѣдъ, послѣ котораго каждый подноситъ новобрачной какой нибудь подарокъ. На другой день замужнія женщины вводятъ молодую въ си-

---

*) Лѣтнее пальто, обыкновенно холщевое.

нагогу, которую она, какъ дѣвушка, не имѣла права посѣщать. Синагога для еврея—его святыня, его высшее судилище. Мѣстомъ, занимаемымъ имъ въ синагогѣ, онъ дорожитъ и чѣмъ почетнѣе оно, т. е. чѣмъ ближе къ кивоту завѣта, тѣмъ болѣе возрастаетъ на него цѣна. Эти мѣста переходятъ изъ рода въ родъ и никто не осмѣлится оспаривать мѣсто, хотя бы сидящій на немъ былъ бѣднякъ Еврей или ребенокъ.

Образовъ у Евреевъ нѣтъ: они запрещены Моисеемъ; точно также лишена синагога всякихъ наружныхъ украшеній; только въ алтарѣ, отдѣленномъ отъ общины рѣшеткой, стоитъ священный кивотъ, гдѣ хранятся 10 заповѣдей и Моисеевъ законъ. Пятикнижіе Моисея, написанное на пергаменѣ, составляетъ единственный предметъ внѣшняго поклоненія, единственную принадлежность богослуженія. Во время молитвы, женатые Евреи надѣваютъ на плечи бѣлое шерстяное покрывало, а на голову и на лѣвую руку повязываютъ *тефелинъ*, т. е. рядъ четыреугольныхъ ковчеговъ съ полосками пергамена, на которыхъ написаны главы св. писанія объ исходѣ Евреевъ изъ Египта.

У богатыхъ Евреевъ есть обычай, по достиженіи совершеннолѣтія старшаго сына, писать для синагоги скрижали. Съ этою цѣлью отецъ приглашаетъ учителей, подъ руководствомъ которыхъ сынъ изучаетъ заповѣди и пишетъ ихъ на скрижаляхъ. Скрижали состоятъ изъ деревянной рамки, обтянутой кожей. Медленно идетъ работа; нерѣдко круглый годъ учителя и приглашенные хозяиномъ гости пользуются его радушнымъ гостепріимствомъ. Въ день совершеннолѣтія молодаго хозяина, эти скрижали торжественно, съ играми, пѣніемъ и плясками перевозятся въ синагогу. Церемонія происходитъ большею частью цѣлую ночь, какъ бы ни было близко пространство, отдѣляющее домъ, гдѣ писались скрижали, отъ синагоги.

Не безъинтересны также и похоронные обряды у Евреевъ. Когда приближается послѣдняя минута жизни больнаго, всѣ окружающіе его зажигаютъ свѣчи и, до прекращенія его дыханія, громко читаютъ стихи изъ св. писанія. Когда уже признаковъ жизни нѣтъ, трупъ снимаютъ съ постели и, покрывъ его черной матеріей, кладутъ на солому; плачущая семья окружаетъ умершаго, а въ сосѣднихъ домахъ выливаютъ воду, обозначая тѣмъ, что по близости находит-

ся покойникъ. Всѣ дальнѣйшія хлопоты лежатъ на членахъ *братства погребателей,* существующихъ въ каждомъ обществѣ. Получивъ извѣстіе о смерти Еврея, являются члены этого общества, обмываютъ трупъ, завертываютъ его въ полотняное покрывало и, положивъ въ гробъ, везутъ на кладбище. Впереди идетъ толпа мальчишекъ, выражая свою грусть страшнѣйшими криками; женщины также завываютъ на разные мотивы. По обычаямъ Евреевъ, все должно быть, готово къ погребенію въ теченіи семи часовъ, поэтому умершіе не остаются долго въ домахъ. Возвратясь съ кладбища, родственники должны просидѣть босикомъ, на постланномъ на полу тюфякѣ, семь дней гореванія; они занимаются въ это время исключительно чтеніемъ библіи и печальныхъ стиховъ.

Евреи исповѣдуютъ вѣру древняго завѣта; основанія этой вѣры изложены въ пятикнижіи Моисея. Между многими еврейскими сектами въ Россіи распространены двѣ: *Талмудисты,* признающіе кромѣ священнаго писанія книгу *Талмудъ,* и *Хозидимы,* присоединяющіе къ библіи и талмуду книгу *Согаръ.*

Талмудъ написанъ на древнемъ еврейскомъ языкѣ (VI в.); изъ этой книги Евреи почерпаютъ всѣ науки: тамъ находятъ они исторію, богословіе, логику, законовѣдѣніе, медицину и проч. Едва ребенокъ въ состояніи читать, ему даютъ пятикнижіе; послѣ чего объясняютъ остальныя части библіи и затѣмъ переходятъ къ талмуду. По изученіи талмуда, рѣшается судьба ученика: онъ избираетъ торговое или ученое поприще; въ послѣднемъ случаѣ этотъ futurus проводитъ цѣлые дни въ чтеніи и упражняется въ ораторскомъ искусствѣ. Такой Еврей способенъ быть раввиномъ „онъ понимаетъ все непостижимое", такъ думаютъ, увѣренные въ геніальности его соотечественники.

Согаръ—книга наполненная всевозможными суевѣріями и предразсудками.

Общественное устройство Еврейскаго населенія представляетъ ту особенность, что вся внутренняя администрація находится у нихъ въ рукахъ *кагала.* Члены кагала—сборщики податей, судьи и старшины общества, избранные Евреями, съ согласія правительства. Каждый Еврей обязанъ удѣлять въ кагалъ для составленія общественнаго капитала из-

вѣстный процентъ съ купчихъ крѣпостей, духовныхъ завѣщаній, съ приданаго, при совершеніи брака и т. д. Такимъ образомъ кагалъ располагаетъ большими суммами, достаточными какъ на вспоможеніе бѣднымъ (у Евреевъ нѣтъ нищихъ), такъ и на удовлетвореніе многихъ потребностей общества.

V. ЦЫГАНЕ.

50 тыс. душъ.

Цыгане, какъ полагаютъ, выходцы изъ Индіи, принадлежатъ къ древней индѣйской кастѣ—*Судрасъ*, почитавшейся самой нечистой и презираемой прочими кастами. Преслѣдуемые различными правителями, они бѣжали изъ Индіи сначала въ Аравію, потомъ въ Египетъ; изъ Египта перешли въ Европу. Прежде всѣхъ другихъ мѣстъ Цыгане появились въ Молдавіи, въ 1417 году, въ царствованіе Александра Добраго, дозволившаго *„кочевать имъ въ воздухѣ и на землѣ“*; оттуда разошлись по различнымъ странамъ Европы. Во Франціи они явились подъ именемъ жителей нижняго Египта, будто бы принужденныхъ Сарацинами отложиться отъ христіанской церкви; въ другихъ земляхъ увѣряли они, что Папа, за отложеніе отъ христіанской церкви, наложилъ на нихъ эпитимію—скитаться въ продолженіи семи лѣтъ и спать на голой землѣ; такимъ образомъ чернь во Франціи называла ихъ кающимися грѣшниками; наконецъ не постыдились Цыгане пустить въ ходъ и такую молву: будто бы императоръ Сигизмундъ далъ имъ особенную привилегію хищничать въ городахъ и селахъ во все время ихъ семилѣтняго странствованія. Цыгане, своимъ образомъ жизни, своими поступками, нигдѣ въ Европѣ не встрѣтили сочувствія; повсюду было объявлено противъ нихъ гоненіе, какъ противъ еретиковъ, людей праздныхъ, порочныхъ, подрывающихъ общественное благосостояніе. Испанская инквизиція жгла ихъ на кострахъ, въ Голландіи рѣзали имъ уши, во

Франціи ссылали на галеры. Но всѣ эти невзгоды перенесъ Цыганъ; онъ умѣлъ сродниться съ тѣмъ народомъ, среди котораго жилъ, обнаружилъ необыкновенную способность въ короткое время ознакомиться съ языкомъ и обычаями страны, не утрачивая своей національности. Замѣтьте разницу, какая существуетъ между цыганомъ англійскимъ, молдавскимъ и русскимъ. Первый пляшетъ *джигу*, припѣвая ее съ національнымъ англійскимъ присвистомъ; второй—*танану*, вытягивая голосъ носомъ на манеръ азіятскихъ напѣвовъ, а третій—*барыню*, горланя во всю мочь, притопывая и прищелкивая какъ истый русскій крестьянинъ веселаго характера. И хотя они разительно отличаются ухватками и одеждою, къ которой примѣшиваютъ нелѣпую пестроту и яркость красокъ, но черты національности остаются вездѣ одинаковы: и подъ сюртукомъ британца, и подъ фецкой мусульманина, и въ русскомъ кафтанѣ Цыганъ не теряетъ природныхъ своихъ отличительныхъ признаковъ: та же желтоватая смуглость лица, тѣ же черты рѣзкія, правильныя, тѣ же глаза большіе, черные, выразительные; та же любовь къ независимости, къ жизни кочевой, безпечной; то же непризнаніе никакой религіи: среди христіанъ онъ называетъ себя христіаниномъ, на востокѣ — магометаниномъ, а между евреями—онъ жидъ. Если спросить кочевника Цыгана: какой ты вѣры? Онъ отвѣтитъ: „какой хочешь, батю“.

Поселившись въ Россіи, Цыгане образовали особую касту; главнымъ притономъ ихъ было мѣстечко *Миръ*, Минской губ. Сюда стекались они цѣлыми кочевьями для выбора старшины. Старшина отличался отъ прочихъ цыганъ тѣмъ, что носилъ кафтанъ *(жупанъ)* съ краснымъ отложнымъ воротникомъ, сверху же надѣвалъ знакъ своего достоинства — нагайку съ серебряной рукояткой. Старшина творилъ судъ и расправу надъ виновными; а такъ какъ главнымъ порокомъ Цыганъ было воровство, то это преступленіе и составляло собственно предметъ расправы старшины.

Съ начала появленія своего въ Россіи, Цыгане вели бродячую жизнь; они обитали въ лѣсахъ, землянкахъ, даже ямахъ; но съ половины XVIII вѣка имъ велѣно было избрать опредѣленный образъ жизни. Не смотря на то, что въ настоя-

щее время Цыгане приписались къ различнымъ городамъ или мѣстечкамъ, они по старой привычкѣ продолжаютъ вести кочевую жизнь: зиму проводятъ въ городахъ или большихъ селахъ, гдѣ нанимаютъ избы, въ которыхъ помѣщается по 30 человѣкъ вмѣстѣ; но съ появленіемъ весны, лишь только снѣгъ сойдетъ съ полей, они запрягаютъ лошадей въ кибитки, складываютъ на нихъ свои шатры, всю незатѣйливую домашнюю утварь и, сопровождаемые собаками и медвѣдями, отправляются странствовать. Останавливаются Цыгане вдали отъ строеній, поближе къ рѣкѣ; стащутъ шатры съ телѣгъ, разобьютъ ихъ на землѣ, наскоро устроятъ походную наковальню, котлы повѣсятъ на треножникахъ, костры зажгутъ и таборъ готовъ. Вокругъ разложеннаго костра сидятъ Цыгане и Цыганки и ѣдятъ изъ общей чаши сѣрую кашицу; тутъ же валяются полунагія дѣти, ожидая отъ родителей подачки. Ужинъ кончился; дѣти успокоились; таборъ притихъ. Но эта тишина продолжается не долго: вотъ старый цыганъ взялъ бубенъ, ударилъ имъ и затянулъ пѣсню; оживился весь таборъ и началась пляска — удалая, дикая, нестройная. Но мало по-малу усталость беретъ свое, пѣсни смолкаютъ и кочующая семья, размѣстившись гдѣ и какъ попало, засыпаетъ глубокимъ сномъ.

Лѣнивый по природѣ, Цыганъ въ то же время довольствуется малымъ. Прежде всего ему нужны голубое небо, солнце, пѣсни и свобода. И за эти блага онъ не возьметъ всѣ удобства, которыя доставляетъ осѣдлая жизнь.

Главный промыселъ и главное занятіе Цыганъ — барышничество лошадьми. Продать, купить, вымѣнять лошадь и въ результатѣ обмануть—на это Цыганъ большой мастеръ. Независимо отъ барышничества, онъ занимается коновальствомъ, кузнечествомъ, производствомъ рѣшотъ и прогулкою съ медвѣдемъ по деревнямъ. Медвѣдей въ таборѣ бываетъ отъ 5 до 10, смотря по численности населенія табора. Забравъ медвѣдей, Цыгане отправляются по деревнямъ; „*Гаврило Романычъ* или *Михайло Иванычъ*,“ побуждаемый цѣпью и причитываніемъ вожака, даетъ блистательное представленіе, производящее всегда пріятное волненіе въ деревняхъ. Угощаютъ вожака, угощаютъ и медвѣдя, бросаютъ ему въ шапку, которую держитъ онъ въ лапахъ, гроши и пятаки, приглашаютъ къ себѣ въ гости. Въ нѣкоторыхъ

русскихъ деревняхъ есть повѣрье, что медвѣдь, входя въ избу, приноситъ счастье этому дому. Разумѣется, посѣщеніе медвѣдя не обходится безъ денежнаго вознагражденія; а если медвѣдь заупрямится и не пойдетъ, то цифра вознагражденія значительно возрастаетъ. Слѣдуя примѣру своихъ братьевъ и мужей, Цыганки проводятъ такую же праздную жизнь. Онѣ ничего не работаютъ, да и не умѣютъ работать. Неопрятность ихъ безгранична. Платье и бѣлье ихъ никогда не чинится и не моется, а сбрасывается когда отъ него останутся лишь тряпки; за то гадаютъ, ворожатъ и просятъ милостыню онѣ мастерски. Едва только таборъ устроится на новомъ мѣстѣ, Цыганки, забравъ съ собой всѣхъ ребятишекъ, вѣчно грязныхъ, разсыпаются по деревнямъ; довѣрчивыя бабы, умилившись обѣщаніями цыганки ниспослать счастіе и богатство, даютъ ей и муки, и яицъ, и крупъ, и рубашку новую; цыганка все беретъ, да еще постарается прикарманить что лежитъ плохо.

Брачные обряды совершаютъ Цыгане слѣдующимъ образомъ: передъ выбраннымъ изъ среды семейства старшиною, женихъ и невѣста разбиваютъ глиняный горшокъ; присутствующіе внимательно считаютъ черепки, число которыхъ и опредѣляетъ на сколько лѣтъ заключенъ бракъ.

Умершихъ они хоронятъ безъ обряда, молитвы и сожалѣнія.

VI. ЛИТОВСКАЯ СЕМЬЯ.

$2^1/_2$ милл. душъ.

Литовская семья состоитъ изъ двухъ главныхъ народовъ — Литовцевъ и Латышей. Литовцы подраздѣляются еще на два отдѣла: собственно Литовцевъ и Самогитовъ, или *Жмудь*. Вся численность Литовской семьи въ Европейской Россіи опредѣляется въ 2,500,000 душъ. Они населяютъ всю Ковенскую и Курляндскую губ., южную половину Лифлянд-

ской и нѣкоторыя части губ.: Виленской, Гродненской, Витебской и Сувалкской. Въ первыхъ трехъ губ. эта семья сохранила свою самостоятельность и удержала свой языкъ, а въ послѣднихъ — смѣшалась съ славянами.

По наружности Литовцы занимаютъ средину между славянами и скандинавами. Физіономія ихъ не представляетъ никакихъ особенностей, за исключеніемъ рта, который бросается въ глаза своей величиной и бѣлокурыхъ, на подобіе льна, волосъ. У Литвинокъ хотя черты лица правильны и пріятны, но миловидность свою онѣ сохраняютъ не долго, рано старѣются и въ среднемъ возрастѣ дѣлаются блѣдными и тощими. Простолюдины Литовцы—крѣпкаго тѣлосложенія, худощавы, но способны переносить неудобства ихъ трудовой жизни. Вообще мѣстность, на которой обитаетъ этотъ народъ, не представляетъ собою благопріятныхъ гигіеническихъ условій: здѣсь—дурная стоячая вода, которую пьютъ мѣстные жители и плохой хлѣбъ, пополамъ съ мякиной. Сырыя жилища, выстроенныя на мокрыхъ и сырыхъ мѣстахъ, заражаютъ особенную мѣстную болѣзнь волосъ—*колтунъ* и лихорадки. Колтунъ поражаетъ всѣ сословія, не разбирая ни пола, ни состоянія, ни возраста, но только однихъ коренныхъ жителей. Лица, подверженныя какому-либо истощенію тѣла или душевнымъ потрясеніямъ, подвергаются внезапному появленію колтуна, который постепенно усиливается и нерѣдко дѣлается наслѣдственнымъ.

По характеру Литвинъ веселъ и дѣятеленъ; рѣдко его можно видѣть грустнымъ: съ бодрымъ видомъ, напѣвая пѣсню, онъ встрѣчаетъ счастіе и несчастіе; любитъ свой домашній очагъ и почти никогда не отправляется въ отдаленныя мѣста, посѣщая только ближайшіе города, для продажи льна и хлѣба. Любовь къ мѣсту рожденія составляетъ для Литвина нѣчто религіозное; были примѣры, что отлученные отъ родины, подвергались тяжкимъ болѣзнямъ.

Живутъ Литовцы въ деревняхъ, большею частію расположенныхъ довольно близко другъ къ другу. Передъ домомъ селянина находится небольшой садикъ или цвѣтникъ, огороженный плетнемъ; въ этомъ садикѣ растутъ розы, маргаритки, макъ, горошекъ и въ значительномъ количествѣ—хмѣль, необходимый Литвину для пива, любимаго его напитка. Деревянный крестъ—эмблема народной набожности, нахо-

дится почти передъ каждымъ домомъ. Подобные же кресты или столбы съ изображеніемъ св. Іоанна Крестителя, покровителя страны, ставятъ и по дорогамъ.

Главное занятіе Литвина составляетъ хлѣбопашество, пчеловодство и обработка льна; въ длинные осенніе вечера мужчины занимаются витьемъ веревокъ, а женщины прядутъ ленъ и шерсть, приготовляютъ разныя ткани, скатерти, полотна, полотенца и крестьянское сукно.

Въ домахъ Жмудина, выстроенныхъ большею частію изъ круглыхъ бревенъ, съ узкими окнами, съ соломенными крышами, но безъ трубъ, особенное предпочтеніе отдается порогу. Злѣйшій врагъ, переступившій черезъ порогъ дома, принимается какъ пріятель хозяина. Такое же уваженіе оказывается и углу, находящемуся между окнами. Въ обрядахъ и обычаяхъ этого народа, довольно религіознаго, но суевѣрнаго, сохранились остатки язычества; сколько ни старалось нѣмецкое духовенство искоренить нѣкоторые обычаи и повѣрья, всѣ попытки его остались безуспѣшными. До сихъ поръ Жмудинъ, наканунѣ праздника св. Іоанна Крестителя (23 іюня), который извѣстенъ подъ именемъ *Ивана Купалы*, отыскиваетъ въ завѣтныхъ мѣстахъ клады, убѣжденный въ успѣхѣ своего предпріятія; до сихъ поръ онъ вѣритъ, что въ ночь Купалы деревья и животныя разговариваютъ между собою, и кто можетъ ихъ подслушать, тотъ многому научится а черти и вѣдьмы собираются въ одно мѣсто для пляски. Утромъ, въ этотъ день, крестьяне собираютъ цвѣты и травы и несутъ ихъ въ церковь для освященія. Эти травы сохраняются круглый годъ и употребляются какъ лѣкарство отъ разныхъ болѣзней. Нельзя не обратить вниманія и на слѣдующее, не лишенное интереса повѣрье: когда больной близокъ къ смерти, то стараются, чтобы въ хатѣ не было сѣмянъ, опасаясь, что, по смерти больнаго, они при посѣвѣ не взойдутъ. При продолжительныхъ страданіяхъ умирающаго дѣлаютъ надъ его головою отверстіе, чтобы скорѣе отлетѣла его душа.

Браки въ Литвѣ совершаются рѣдко по влеченію сердца, но болѣе по какимъ-либо разсчетамъ. Молодой человѣкъ, рѣшившись жениться, предварительно узнаетъ о характерѣ и поведеніи той дѣвушки, которую онъ избралъ себѣ въ невѣсты и вмѣстѣ съ сватомъ отправляется въ ея домъ. Пла-

токъ и бутылка вина играютъ при этомъ не маловажную роль. Послѣ предварительнаго знакомства съ хозяевами, сватъ покрываетъ столъ платкомъ, ставитъ на него бутылку вина и, пригласивъ за столъ отца и мать невѣсты, дѣлаетъ предложеніе. По полученіи согласія, сватъ приказываетъ молодому человѣку поцѣловаться съ невѣстой и за здоровье четы выпивается привезенное вино. Бракосочетаніе всегда совершается во вторникъ. Въ этотъ день невѣста въ послѣдній разъ надѣваетъ свой любимый вѣнокъ изъ руты, который, по пріѣздѣ изъ церкви, замѣняется платкомъ. При чемъ дружки поютъ пѣсни о потерѣ вѣнка, вызывая горькія слезы молодой.

Латыши, вслѣдствіе историческихъ событій, находились въ постоянномъ рабствѣ. Они недовѣрчивы ко всему чужому, непостоянны и нерѣшительны; часто не держатъ слова и не умѣютъ показать той настойчивости и упрямства, какими отличаются сосѣди ихъ эсты. Въ домашнемъ быту Латышъ ласковъ, опрятенъ и бережливъ; онъ не любитъ селиться вмѣстѣ и образовывать деревни, а старается расположить свой хуторъ отдѣльно отъ всѣхъ, разводитъ при немъ огородъ и довольствуется его произведеніями. Въ отношеніи къ другимъ, онъ честенъ и случаи воровства между Латышами чрезвычайно рѣдки. Но притѣсненія высшаго сословія развили въ нихъ страсть къ тяжбамъ и въ то же время задержали въ этомъ народѣ сильную привязанность къ обычаямъ старины. Трезвая жизнь Латыша способствовала развитію нѣкотораго довольства въ быту семейномъ. Вообще Латыши оказываютъ большое стремленіе идти впередъ и обнаруживаютъ сильную наклонность къ чтенію, такъ что газета, издаваемая на ихъ языкѣ, разбирается на расхватъ.

VII. ФИНСКАЯ СЕМЬЯ.

Финны, или Финляндцы.

600 тыс. душъ.

Собственно Финны, или Финляндцы, составляютъ коренное населеніе Финляндіи. Съ незапамятныхъ временъ поселились они въ странѣ, покрытой лѣсами, болотами, голыми гранитными скалами, кое гдѣ только присыпанными землею, съ неприглядным, холоднымъ климатомъ. Что бы избѣжать лишеній, чтобы сдѣлать свою сторону удобною для осѣдлой жизни, Финнъ долженъ былъ употребить невѣроятныя усилія—обречь себя на борьбу съ природой; и благодаря постоянству и терпѣнію, онъ достигъ своей цѣли. Непрестанная борьба образовала въ немъ своеобразный характеръ — мрачный и угрюмый какъ сама природа, твердый, рѣшительный и настойчивый. Эта угрюмость бросается въ глаза при разсматриваніи наружности Финна: онъ средняго роста, сухощавъ, но крѣпко сложенъ; цвѣтъ лица смугло-желтоватый, волосы русые или желтые; бороду и усы носятъ немногіе, а большая часть брѣетъ.

Мужчины одѣваются въ шведскій костюмъ: сѣрая куртка, красный жилетъ съ мѣдными пуговицами и круглая съ большими полями шляпа составляютъ почти постоянный костюмъ Финна. У женщинъ свой національный костюмъ, состоящій изъ красной или синей юпки и множества металлическихъ украшеній на головѣ, шеѣ и груди. Вообще красный цвѣтъ самый любимый въ Финляндіи. Онъ видѣнъ на каждомъ шагу: мосты, верстовые столбы, крыши, платья женщинъ, жилеты мужчинъ—все красное.

Живутъ Финны уединенно, отдѣльными семьями, въ деревянныхъ хижинахъ, разбросанныхъ между гранитными скалами, крытыхъ дранью или тесомъ. Въ парадной половинѣ, по стѣнамъ, развѣшаны различныя картины, напоминающія наши лубочныя; на полкахъ разставлены священныя книги;

въ углу стоятъ на маленькой полкѣ коротенькія трубки. Другая половина избы предназначена для обыденной жизни. Въ углу стоитъ огромная печь; возлѣ нея—шкапъ съ посудой; вдоль стѣнъ разставлены бѣлыя деревянныя лавки, а передъ ними чисто вымытые столы. Полъ устланъ ельникомъ, а по потолку протянуты жерди съ нанизанными на нихъ хлѣбными сухими лепешками, которыя пекутся два раза въ годъ и снимаются семьей по мѣрѣ надобности. Мягкій рыхлый хлѣбъ для Финна—роскошь; въ сѣверныхъ же частяхъ Финляндіи, вслѣдствіе неплодородія почвы, жители рѣдко ѣдятъ чистый хлѣбъ, а всегда смѣшанный съ мелко изрубленной сосновой корой или исландскимъ мохомъ. Кромѣ хлѣба, любимую пищу Финновъ составляетъ молоко, въ особенности кислое, масло, картофель, соленая рыба и національный супъ изъ рѣпы, крупы, молока и воды. Любимый напитокъ у мужчинъ—водка, у женщинъ—кофе, такъ что онъ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ заграничнаго ввоза. Не мало потребляется Финнами и табаку. Страсть къ нему развита въ Финляндіи до такой степени, что тамъ курятъ не только всѣ взрослые, даже десятилѣтнія дѣти.

Въ жизни Финна не маловажную роль играетъ пасторъ. Онъ проповѣдникъ, учитель, докторъ, адвокатъ и судья. Благодаря нравственному вліянію своихъ пасторовъ, всѣ безъ исключенія Финны религіозны и грамотны. Войдите въ любую избу и вы непремѣнно найдете на столѣ евангеліе и любимую газету Финновъ „Su ometa“. Вообще религія въ Финляндіи имѣетъ большое значеніе въ отношеніи народнаго образованія. Тамъ, по закону, никто не допускается до пріобщенія святыхъ таинъ, никто не имѣетъ права вступить въ бракъ, не зная читать катихизиса и св. писанія, не умѣя объяснить главныхъ догматовъ вѣры. Въ праздникъ, на большой дорогѣ, безпрестанно можно встрѣтить разодѣтыхъ поселянъ, идущихъ въ церковь съ молитвенниками. Успѣхамъ грамотности не мало способствуютъ странствующіе учителя; они переходятъ изъ деревни въ деревню, и основывая въ какой нибудь избѣ временную школу, за ничтожное вознагражденіе обучаютъ дѣтей. Пасторы и ихъ помощники разъѣзжаютъ по приходу и экзаменуютъ дѣтей, а передъ причастіемъ, всѣхъ молодыхъ людей собираютъ къ

себѣ и объясняютъ имъ главные догматы вѣры. Независимо отъ этого, при каждой почти киркѣ учреждены воскресныя школы, гдѣ обучаются дѣти подъ руководствомъ тѣхъ же пасторовъ или ихъ помощниковъ.

Религіозные задатки отразились въ нравственной сторонѣ Финна. Онъ честенъ и гостепріименъ безгранично. Не было примѣра, чтобы вещь, потерянная въ Финляндіи, во время путешествія, не отыскалась. Найдя деньги, Финнъ отвозитъ ихъ на ближайшую станцію, отдаетъ смотрителю или догонитъ путешественника и вручитъ потерявшему лично; онъ не мало удивится если ему за это предложатъ какую нибудь плату, очень хорошо понимая, что присвоивать чужую собственность—недостойно честнаго человѣка. Чтобы ни запродалъ Финнъ, какую бы сумму ни далъ въ займы, онъ никогда не потребуетъ документа. Единственное ручательство для него—честное слово. Но если вы разъ не сдержите своего слова, вы навсегда теряете его довѣріе. Въ отношеніи чужеземцевъ Финнъ недовѣрчивъ и хитеръ; онъ не легко съ ними сближается и ни за что не будетъ отвѣчать ни на одинъ вопросъ, пока не пойметъ, не всмотрится съ кѣмъ имѣетъ дѣло. На всѣ вопросы у него одинъ отвѣтъ: „an müsta“ (не понимаю). Онъ недовѣрчивъ также ко всему новому, ко всему необычайному въ жизни, потому что подозрѣваетъ въ томъ что нибудь для себя недоброе. Напрасно сталъ бы путешественникъ понукать проводника, возницу или кричать на него: онъ останавливаетъ лошадь и никакая брань, никакая просьба, никакія деньги не заставятъ его двинуться съ мѣста. И случалось, что путешественникъ приходилъ нерѣдко на станцію пѣшкомъ. Упрямство Финна также безгранично какъ и страсть къ тяжбамъ. Получивъ отъ шведовъ довольно развитое общественное устройство, основанное на равенствѣ всѣхъ сословій передъ закономъ, Финнъ не раболѣпствуетъ ни передъ кѣмъ; онъ безъусловно повинуется законнымъ требованіямъ правительства и, уважая права другихъ, требуетъ уваженія собственныхъ правъ. За малѣйшее притѣсненіе или несправедливость онъ подаетъ жалобу и находитъ удовлетвореніе передъ закономъ, чему можетъ служить доказательствомъ огромное число тяжебныхъ дѣлъ. Въ Финляндіи существу-

етъ особенный классъ сельскихъ подъячихъ, всегда готовыхъ написать желающему прошеніе.

Финны крѣпко привязаны къ своей родинѣ, любятъ свойродной языкъ и гордятся имъ. Не смотря на то, что они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими, они говорятъ не иначе какъ по фински. Русскіе скоро выучились этому языку и свободно выражаются на немъ.

Народная поэзія у Финновъ очень богата. Ученый Финнъ Ленротъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, съ котомкою за плечами, въ платьѣ простаго крестьянина, прошелъ всю Финляндію вдоль и поперегъ, собралъ всѣ пѣсни и составилъ изъ нихъ цѣлую поэму подъ названіемъ „*Калевала*". *)

Лапландцы.

4000 т. душъ.

Вся численность Лапландскаго народа, если принять во вниманіе шведскихъ и норвежскихъ Лапландцевъ, не превышаетъ 20 т. человѣкъ. Въ Россіи же живутъ они, въ числѣ 4000 чел., въ Архангельской губ. и на Кольскомъ полуостровѣ, т. е. въ русской Лапландіи. Приземистый, смуглый Лопарь одѣвается всегда въ мѣшокъ съ рукавами и рукавицами, сшитый изъ оленьей шкуры; онъ называется *пѣчокъ* и носится шерстью вверхъ. Подъ печокомъ у него еще такая же шкура, вмѣсто рубашки, но шерстью обращенная къ тѣлу. Толстая его голова прикрывается колпакомъ изъ той же оленьей шкуры. Лѣниво глядятъ изъ подъ этого колпака узкіе, красноватые глаза дикаря, и скуластое лицо доказываетъ въ немъ чужой, нерусскій типъ.

Лопари отличаются своимъ тихимъ, миролюбивымъ характеромъ. Миръ—его любимое слово; обитая посреди негостепріимной природы, онъ переноситъ всѣ трудности своей жизни съ невозмутимымъ спокойствіемъ и желаетъ только одного, чтобы не трогали его старыхъ обычаевъ, не нарушали бы его покоя, его мира. Деревни лапландскія не пред-

---

*) Гротъ перевелъ Калевалу на Русскій языкъ. Главная идея поэмы—вражда между Финнами и Лопарями.

ставляютъ пріятнаго зрѣлища, особенно въ лѣтнее время. На землѣ повсюду валяются рыбьи потроха и чешуя, что сообщаетъ окружающей атмосферѣ непріятный запахъ. Не болѣе привлекательны и жилища ихъ. Прилаживая гдѣ нибудь за пригоркомъ изъ жердей и досокъ свою *вѣжу*, или хижину, Лопарь, для защиты отъ холода, обкладываетъ ее хворостомъ и дерномъ. Вѣжа раздѣляется на девять отдѣленій: переднія три служатъ мѣстомъ складки дровъ и домашней утвари, три заднія сохраняютъ съѣстные припасы, а въ трехъ остальныхъ живутъ члены семьи. Здѣсь, лежа на оленьихъ шкурахъ и обратившись къ огню, валяется семья Лопаря, полуголая, рваная. Человѣку непривычному лопарской зимней вѣжи не вынести; сами же Лопари считаютъ житье въ ней роскошью и блаженствомъ, особенно когда запасы въ избыткѣ. Одинъ только недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставляетъ Лопаря идти на промыселъ; въ противномъ же случаѣ онъ или ничего не дѣлаетъ или спитъ. По занятіямъ Лапландцы раздѣляются на рыболововъ и лѣсныхъ, т. е. занимающихся исключительно охотою и оленеводствомъ.

Лопарь рыболовъ, съ наступленіемъ весны, отправляется къ берегамъ Норвегіи на рыбную ловлю. При ловлѣ соблюдается такой обычай: два или три Лапландца сговариваются съ норвежцемъ, который снабжаетъ ихъ лодкой и рыболовными сѣтями, съ обязательствомъ отдать ему половину наловленной рыбы; десятая часть другой половины удѣляется въ пользу духовенства, а остальное Лапландцы вымѣниваютъ на хлѣбъ у тѣхъ же норвежскихъ промышленниковъ.

Къ Иванову дню озера освобождаются отъ льда, и Лопари спѣшатъ къ себѣ домой, гдѣ ихъ ожидаютъ тѣ же занятія. Лѣто для Лапландца самое счастливое, самое прибыльное время; о немъ онъ вспоминаетъ какъ о высшемъ для себя благѣ, когда онъ, совершенно сытый, можетъ заснуть, не думая о завтрашнемъ днѣ. Съ наступленіемъ осени, переселившись въ зимнія хижины, Лопарю предстоитъ забота пріискивать новыя средства для существованія; эти средства доставляетъ ему охота за оленями, волками, горностаями, лисицами и медвѣдями. Убить медвѣдя — считается торжествомъ для Лопаря: олень, который привезъ его, осво-

бождается на цѣлый годъ отъ тяжелыхъ работъ; герой побѣдитель прицѣпляетъ къ своему колпаку оловянную фигуру медвѣдя; мужчины, женщины и дѣти поютъ торжественныя пѣсни въ теченіе праздника, продолжающагося три дня. Лѣсной Лапландецъ мѣняетъ свои занятія: лѣтомъ ловитъ рыбу, а зимой обихаживаетъ оленей; поэтому онъ не такъ бѣденъ какъ Лапландецъ рыбакъ и не подвергается, какъ нагорный Лопарь, суровостямъ зимы. Нагорный Лопарь постоянно переходитъ съ своими стадами съ мѣста на мѣсто, потому что исландскій мохъ, эта пажить крайняго сѣвера, скоро поѣдается и нужно ждать много лѣтъ, пока выростетъ новый. Остановка на одномъ мѣстѣ продолжается не болѣе двухъ недѣль, и Лопарь, со всѣмъ своимъ домашнимъ хозяйствомъ, ведетъ стадо на новое кочевье. Весной Лапландецъ приходитъ съ горъ къ морскому берегу. Лишь только сѣверные олени завидятъ море, какъ бросаются толкая другъ друга и съ жадностію пьютъ соленую воду, но напиваются ею только одинъ разъ. Послѣ этого Лапландцы гонятъ свои стада снова въ горы, и по мѣрѣ того какъ наступаетъ лѣто и таютъ снѣга, они поднимаются все выше и выше.

Между нагорными Лапландцами есть богачи, которые держатъ по 1000 сѣверныхъ оленей, тогда какъ 300 достаточно для того, чтобы семейство было совершенно обезпечено. Но семейство, имѣющее только 100 оленей, уже находится въ дурныхъ обстоятельствахъ и должно перемѣнять горную жизнь на хижину осѣдлаго рыбака.

Въ жизни нагорныхъ Лапландцевъ составляетъ эпоху посѣщеніе зимнихъ ярмарокъ. Сюда ежегодно является Лапландецъ съ продуктами своего стада — шкурами и рогами сѣверныхъ оленей, сушенымъ мясомъ, замороженнымъ молокомъ или же съ своей охотничьей добычей. Заплативъ умѣренную подать сборщику податей, Лапландецъ принимается за торговлю, но такъ какъ при каждой куплѣ или продажѣ Лапландецъ выпиваетъ полный стаканъ водки, подносимый ему покупателемъ или продавцомъ, то къ полудню онъ часто уже не понимаетъ что дѣлаетъ — обстоятельство, которымъ пользуются хитрые купцы, покупая у дикаря товаръ за самую ничтожную плату. Для своихъ зимнихъ поѣздокъ Лопарь употребляетъ или лыжи, или сани.

Лыжи, изъ которыхъ одна въ ростъ человѣка, а другая нѣсколько короче дѣлаются изъ еловаго дерева и обтягиваются шкурой оленя шерстью къ снѣгу. Нога приходится въ средину такой узкой длинной лыжи, которая прикрѣпляется къ ней ремнемъ. Лапландецъ, ходящій на лыжахъ, несетъ въ рукахъ длинный шестъ, къ концу котораго приклѣпленъ деревянный шаръ для того, чтобы конецъ не входилъ слишкомъ глубоко въ снѣгъ и посредствомъ этой жерди онъ останавливается на бѣгу. Зачастую Лапландецъ дѣлаетъ на лыжахъ по 70 и болѣе верстъ въ день, всходитъ на горы и съ изумительной быстротой съѣзжаетъ внизъ въ долину. Еще съ большей быстротой летитъ Лопарь по равнинѣ, покрытой снѣгомъ, на своей *пулькѣ* (сани). Сани эти имѣютъ форму лодки и скользятъ всѣмъ дномъ; острый носъ рѣжетъ снѣгъ точно также, какъ носъ корабля рѣжетъ морскія волны. Запряженный въ сани, сѣверный олень, съ маленькимъ колокольчикомъ, веселящимъ ухо, проходитъ по 80 верстъ въ день. Лапландецъ съ удивительною точностію отыскиваетъ свою дорогу въ пустынѣ,—здѣсь скала, тамъ пихта служатъ ему маяками. Часто путь его освѣщается сѣвернымъ сіяніемъ; волшебный свѣтъ распространяется по всему небу, сверкаетъ нѣсколько времени и исчезаетъ, чтобы потомъ опять явиться и снова исчезнуть.

Сравнивая между собою Лопарей рыболововъ и лѣсныхъ не трудно замѣтить, что послѣдніе уступаютъ первымъ какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Причина этого частію кроется въ ихъ образѣ жизни, частію же въ томъ, что религіозныя истины передаются имъ на языкѣ для нихъ вовсе непонятномъ. Хотя нельзя упрекнуть лѣснаго Лопаря за отсутствіе религіозности: молитвою онъ встрѣчаетъ и провожаетъ божій день, съ молитвою садится за столъ, но онъ не чуждъ суевѣрій и не забылъ еще вполнѣ о своемъ язычествѣ. Вѣра въ колдуновъ до сихъ поръ сохранилась у Лопарей.

Мудрецы, или *шаманы,* пользуются передъ остальными людьми, тѣмъ преимуществомъ, что входятъ въ сношенія съ дýхами, получаютъ отъ нихъ совѣты и помощь и даже могутъ принудить ихъ къ выполненію своихъ желаній. Для простаго человѣка міръ духовъ совершенно замкнутъ, ихъ можетъ вызвать только шаманъ. По понятію Лопаря, вся

природа населена духами, которые имѣютъ доброе и злое вліяніе на всѣ мірскія дѣла. Эти духи вселяются въ различные предметы (камни и деревья), если имъ приносятъ обильныя жертвы; подобные идолы извѣстны въ Лапландіи подъ именемъ *сейда*. Сейды, по различію матеріала, изъ котораго они сдѣланы, раздѣляются на каменные и деревянные. Храмовъ и святилищъ для этихъ идоловъ не было; ихъ ставили тамъ, гдѣ величава природа, напр. на высокихъ горахъ или на шумныхъ водопадахъ. Окрестности считались священными и назывались *passe*. Часто на одномъ мѣстѣ стояло нѣсколько сейдъ: одни побольше, другіе поменьше. Всѣ они вмѣстѣ представляли семью боговъ и самый большой изъ нихъ былъ отцемъ, другіе—дѣти.

Къ сейду позволялось подходить только во время приношенія жертвъ; приближеніе же къ нему безъ этой надобности считалось оскорбленіемъ божества. Вообще сейды, по понятію Лопарей, были могущественны: они награждали своихъ почитателей здоровьемъ, долголѣтней жизнію, многочисленнымъ семействомъ, удачей и т. д. Языческіе Лапландцы вѣровали также въ сверхъестественную силу змѣй и потому питали къ нимъ большое почтеніе.

Жизнь Лопаря сложилась такъ, что онъ, довольствуясь очень немногимъ, считаетъ праздникомъ тотъ день, когда русскіе привозятъ ему любимую водку и почитаетъ для себя наслажденіемъ напиться пьянымъ, до безчувственнаго состоянія. Вмѣстѣ съ страстью къ вину, Лопари пріобрѣли и страсть къ деньгамъ, доводящую нѣкоторыхъ изъ нихъ до воровства, даже до убійства. Въ пьяномъ видѣ они поддаются всевозможнымъ обманамъ; въ трезвомъ сами всегда готовы на обманъ, хотя и кажутся простодушными. Всѣ, имѣвшіе съ ними дѣло, говорятъ объ ихъ непомѣрномъ упрямствѣ, и хвалятъ за кротость, доходящую нерѣдко до рабской покорности; но озлобленные постоянными притѣсненіями и несправедливостями, Лопари сдѣлались мстительны. Подъ вліяніемъ этого чувства они, какъ звѣри, находятъ единственное утѣшеніе въ томъ, что бы убить обидчика.

Русскіе Лопари, вслѣдстіе постоянныхъ сношеній съ русскими и карелами, утрачиваютъ свой національный характеръ. Они владѣютъ русскимъ языкомъ, поютъ русскія пѣсни, перенимаютъ нравы и обычаи. Они отвыкли отъ оленей

и почти исключительно предались рыбному промыслу. Особенную черту характера русскихъ Лопарей, и особенно Лопарокъ, составляетъ раздражительность, доходящая нерѣдко до изступленной злости. *) Жену себѣ пріобрѣтаетъ Лопарь покупкой. Вмѣстѣ съ своей родней онъ отправляется въ вѣжу невѣсты, гдѣ, забавными обрядами и заключается торгъ. На другой же день назначается свадьба уже безъ всякихъ обрядовъ. Лопарь—молодой годъ работаетъ на тестя, потомъ ладитъ свою вѣжу; лѣтомъ рыбачитъ, а зимой живетъ лѣтней добычей, по примѣру своихъ соотечественниковъ. Особеннымъ почетомъ пользуются у Лопарей старики и богачи, и презрѣніемъ—безплодныя женщины. Не меньшимъ уваженіемъ пользуются и умершіе, которыхъ погребаютъ съ особенными почетными обрядами; могилу ихъ отличаютъ насыпнымъ курганомъ, прикрытымъ обыкновенно санями, опрокинутыми вверхъ полозьями.

Карелы.

160 т. душъ.

Подъ именемъ Кареліи разумѣется юговосточная часть Финляндіи, часть губерній Петербургской, Олонецкой и Архангельской. Въ этой странѣ обиталъ народъ финской семьи, извѣстный подъ именемъ *Кареловъ*. Карелы теперь совершенно обрусѣли, почти забыли свой родной языкъ, за исключеніемъ стариковъ, и только физически напоминаютъ финновъ, въ особенности свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ. Въ нравственномъ отношеніи Карелы отличаются отъ своихъ русскихъ сосѣдей необыкновеннымъ упрямствомъ, скрытностью, недовѣрчивостью и мстительностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ уступаютъ русскимъ въ смѣтливости.

Въ частной жизни Кареловъ нерѣдко сберегаются древніе обычаи, замѣтные въ одеждѣ, устройствѣ лыжъ и въ наружной отдѣлкѣ винтовки. Нельзя также не обратить вниманія на ихъ постоянство, вѣжливость и хлѣбосольство.

---

*) Кастренъ, извѣстный путешественникъ по Лапландіи, приводитъ примѣры ихъ неистовства.

Занимаются Карелы звѣриной и птичьей охотой, и рыбной ловлей; многія волости раздѣлили между собою предметы промышленности, нужные для столицы; образовались цѣлыя деревни каменотесовъ, столяровъ, стекольщиковъ и др. Всѣ они ходятъ на промыслы въ столицу и, возвращаясь на родину, приносятъ съ собой совершенно иной образъ жизни, значительныя деньги, цвѣтную одежду, чай и кофе, особенно распространившіеся между простымъ народомъ въ послѣдніе годы. Выдѣлка мѣховъ, судостроеніе и льняная промышленность служатъ имъ также немаловажными источниками пропитанія. На сѣверѣ, въ селеніяхъ карельскихъ, не безъинтересно взглянуть на лодки, сшитыя, вмѣсто гвоздей, древесными корнями, замѣчательныя необыкновенною прочностью.

Карелы исповѣдуютъ православную вѣру, за исключеніемъ Кареловъ Петербургской губ., которые —протестанты Между православными Карелами есть не мало раскольниковъ

Эстонцы.

700 т. душъ.

Эстонцы, или Эсты—древнѣйшіе жители Балтійскаго моря, составляютъ коренное населеніе нынѣшней Эстляндской губ., которая и получила отъ нихъ свое названіе. Обитая въ сосѣдствѣ съ русскими, Эсты охотно перенимали русскіе нравы и обычаи, не менѣе охотно вступали съ ними и въ родственныя отношенія. Русскіе князья имѣли въ землѣ Эстовъ даже собственные города; такъ, Ярославъ построилъ въ 1300 году городъ *Юрьевъ*, переименованный впослѣдствіи въ Дерптъ. Эсты, составляя коренное населеніе Эстляндской губ., имѣютъ значеніе какъ земледѣльцы, надъ которыми господами и владѣльцами были нѣмцы, съ того самаго времени, какъ водворились они въ этихъ мѣстахъ (XII в.). Въ концѣ XII вѣка нѣмецкій монахъ, Мейнгардъ, съ позволенія полоцкаго князя Владиміра, построилъ католическую церковь близъ устьевъ Западной Двины, въ землѣ латышей, и сталъ обращать туземцевъ въ латинскую вѣру. Папа, узнавъ о его подвигахъ, возвелъ его въ санъ епископа, а распространи-

телямъ вѣры обѣщалъ отпущеніе грѣховъ. Подобное заманчивое обѣщаніе привлекло сюда толпы нѣмцевъ, которые образовали религіозный орденъ—*меченосцевъ*, обратившій латышей въ латинскую вѣру. Подвигаясь побѣдоносно на сѣверъ, меченосцы встрѣтили упорное сопротивленіе въ Эстахъ. Приглашенный меченосцами на помощь, датскій король Вольдемаръ покорилъ Эстовъ и, основавъ Ревель, удалился въ Данію. Орденъ воспользовался завоеваніями Датчанъ и раздѣлилъ между собою Эстонскую землю. Долговременное рабство не могло не отразиться на характерѣ Эстовъ, по природѣ миролюбивомъ и спокойномъ; оно сдѣлало его мрачнымъ, угрюмымъ, мстительнымъ и коварнымъ. Эстонецъ питаетъ врожденную ненависть къ своимъ притѣснителямъ нѣмцамъ и смотритъ на нихъ, какъ на похитителей его собственности, даже пугаетъ ими своихъ дѣтей. Домашній бытъ Эста представляетъ непривлекательную картину: нечистота и бѣдность проявляются повсюду; люди и скотина живутъ вмѣстѣ; дома большею частію безъ трубъ и крыты соломой; въ каждой избѣ находится дымовое окно, закрывающееся подвижной доской; вмѣсто печи, неизбѣжной въ каждой избѣ нашего крестьянина, у Эста въ отдаленной части хижины наложена куча камней, гдѣ, при помощи тагановъ, готовятъ они свои кушанья. Бѣлые деревянные столы, сундуки и скамейки, покрытые грязью и копотью, грязные ребятишки, лошадь у корыта съ овсомъ, куры расхаживающія по избѣ—вотъ вся невзрачная обстановка хижины Эстонца. Та же бѣдность проявляется у нихъ и въ пищѣ; самая любимая пища Эста—овощи, въ особенности кислая капуста и картофель, а любимый ихъ напитокъ—*тааръ*, приготовляемый изъ ячменя съ примѣсью хмѣля.

Болотистая, неплодородная почва, непостоянство погоды, кратковременность лѣта и ранніе заморозки значительно затрудняютъ развитіе сельскаго хозяйства въ странѣ; не смотря однакожъ на эти неблагопріятныя климатическія и почвенныя условія, земледѣліе составляетъ главную промышленность и главное занятіе Эстовъ. Множество болотъ превращено въ плодородныя поля; поля, въ свою очередь, искусственно орошены, такъ что вообще эстонское сельское хозяйство стоитъ здѣсь на болѣе высокой степени, нежели наше русское; а праздникъ жатвы для Эста — самый весе-

лый изъ праздниковъ. Занимаясь земледѣліемъ, Эсты обращаютъ вниманіе и на скотоводство, особенно на овцеводство. Превосходныя качества лошадей извѣстны издавна; огромными табунами отправлялись онѣ, по приказанію Петра I, покорителя Эстляндіи, на сочныя пастбища Вятской и Пермской губерній. Отъ этихъ то табуновъ, улучшившихъ тамошнюю породу, произошли *обвинки* и *вятки*. Свободное время отъ работъ Эстонцы посвящаютъ охотѣ. Большими партіями отправляются они въ Эстляндскіе лѣса, обильные разнаго рода дичью, грибами, ягодами и орѣхами, проводятъ здѣсь по нѣскольку дней, охотятся за кроликами и зайцами; случается убьютъ и куницу или медвѣдя, и возвращаются домой къ ожидающему ихъ съ нетерпѣніемъ семейству.

Языкъ Эстовъ отличается обиліемъ гласныхъ, бѣденъ словами, но пріятенъ для слуха; въ народѣ сохранилось много хорошихъ пѣсенъ, много старинныхъ преданій и обычаевъ.

Не безъинтересно преданіе Эстовъ о богѣ пѣнія *Ваннемуне*, которое мы приводимъ при этой характеристикѣ.

„У всѣхъ людей и звѣрей былъ одинъ языкъ, на которомъ они говорили, служившій имъ для вседневной жизни; но этотъ языкъ былъ будничный; онъ давалъ лишь возможность понимать людямъ языкъ звѣрей, но не было праздничнаго языка, не было пѣсенъ въ отраду людямъ и въ прославленіе боговъ. Однажды всѣ твари были созваны на общій соборъ, чтобы научиться праздничному языку, т. е. пѣснямъ. Собрались всѣ у Дерпта, гдѣ была священная роща. Вдругъ въ воздухѣ раздалось вѣяніе и спустился на землю Ваннемуне, богъ пѣнія. Сначала онъ сыгралъ на своемъ инструментѣ прелюдію, а потомъ запѣлъ гимнъ. Эмбахъ остановилъ свое теченіе; вѣтеръ забылъ свою рѣзвость; звѣри, птицы, деревья напрягли слухъ. Но слушавшіе не всѣ равно поняли. Деревья поняли только шелестъ одежды Ваннемуне; вѣтеръ—самые рѣзкіе звуки; звѣри—кто скрипъ колковъ, кто звонъ струнъ; пѣвчія птицы, особенно соловей и жаворонокъ, переняли прелюдію; рыбы видѣли только движеніе устъ Ваннемуне и научились подражать имъ, но остались нѣмы. Только человѣкъ понялъ все, оттого и пѣсни его доходятъ до глубины души, до жилища боговъ.“

Немногими особенностями отъ Эстонцевъ отличается и другой одноплеменный съ ними народъ—*Ливы*, живущіе глав-

нымъ образомъ въ Лифляндской губерніи въ числѣ двухъ тысячъ душъ. Обитая по берегамъ Рижскаго залива, Ливы сдѣлались смѣлыми мореходцами: на небольшихъ судахъ не задумываются они пускаться въ открытое море, и ходить даже въ Петербургъ для продажи рыбы. Подобно Эстамъ, Ливы живутъ въ такихъ же дымныхъ и смрадныхъ хижинахъ, освѣщенныхъ по зимамъ сосновой лучиной; занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыболовствомъ, но живутъ бѣдно; большая часть не имѣетъ земли и нанимается въ работники къ болѣе зажиточнымъ.

Зыряне.

120 т. душъ.

Сродные по языку съ пермяками и вотяками, Зыряне живутъ въ губ. Вологодской (гдѣ они составляютъ всю массу сельскаго населенія), Архангельской, Вятской и Пермской, въ количествѣ ста, или ста двадцати тысячъ душъ обоего пола. Обширные лѣса, занимаемой ими мѣстности, наполненные разнаго рода животными, способствовали развитію звѣроловства. Зыряне — звѣроловы по преимуществу: они ловятъ лисицъ, куницъ, горностаевъ, волковъ, медвѣдей и т. д.; всего же болѣе стрѣляютъ бѣлокъ и рябчиковъ. Въ теченіи года они два раза отправляются на промыселъ: осенью и весной. Хорошій охотникъ, безъ особеннаго труда, приноситъ за одинъ разъ отъ 300 до 500 бѣлокъ. Настрѣлявъ бѣлокъ, Зырянинъ возвращается въ свое *зимовье.* *) Добравшись до этого пріюта, иногда поздно ночью, они раскладываютъ огонь и принимаются снимать шкурки съ бѣлокъ. Привычная рука ловко и проворно дѣйствуетъ хорошо наточеннымъ ножомъ. Одна минута—и шкурка готова. Мясо бѣлки принадлежитъ собакѣ; это—награда вѣрному животному за дневной трудъ. Запоздалый путешественникъ всегда найдетъ около зимовья корзину съ рябчиками и котелъ для пищи. Онъ, не стѣсняясь, можетъ взять сколько ему понадобится дичи, положивъ въ хозяйскую корзину

*) Зимовьемъ называется изба, поставленная въ лѣсу для храненія добычи.

въ замѣнъ взятаго деньги. Сбыту пушнаго товара способствуютъ торговцы - крестьяне. Большія партіи бѣлокъ и рябчиковъ *) привозятъ Зыряне въ Усть-Сысольскъ на ярмарку, а оттуда посылаютъ въ Москву и Петербургъ.

Постоянныя жилища лѣсныхъ Зырянъ—одноэтажныя, чистой работы избы, которыя строятъ они безъ всякаго плана. Домашняя утварь у нихъ грубой отдѣлки; ремеслъ не знаютъ; одѣваются по старинному, такъ, чтобы легче было бродить по лѣсамъ. Одежду предпочитаютъ шить изъ невыдѣланной кожи, а суконное и льняное платье носятъ только дома. Въ пищѣ они неразборчивы: кромѣ соли и капусты никакихъ приправъ не употребляютъ; щи съ говядиной варятъ рѣдко, больше съ дичиной. По примѣру русскихъ, они ходятъ въ баню, но мыла не знаютъ и живутъ вообще очень грязно.

Другой не менѣе важный промыселъ Зырянъ—рыболовство. Рыбаки Зыряне ведутъ жизнь еще болѣе уединенную, нежели охотники. Они отправляются на промыселъ или совершенно по одиночкѣ или съ однимъ работникомъ, оставляя домъ на попеченіе жены. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ охотникъ предполагаетъ найти прибыльную добычу, онъ устраиваетъ себѣ временный балаганъ, основываетъ въ немъ средоточіе своей дѣятельности. Опаснымъ врагомъ для рыбака является медвѣдь; онъ, проломивъ дыру въ крышѣ, забирается иногда внутрь балагана, и поѣдаетъ всю рыбу. Цѣлое лѣто Зырянинъ проводитъ вдали отъ дома и только осенью съ добычей своей возвращается къ себѣ. Для этой цѣли онъ строитъ себѣ плотъ и нагружаетъ на него бѣлорыбицу, семгу, сиговъ, и осетровъ и т. п. плоды четырехъ-мѣсячныхъ трудовъ. Въ счастливое лѣто выручка одинокаго рыбака равняется 60-ти или 70-ти рубл.

Кедровыя деревья, величаво поднимающіяся среди лѣса, составляютъ также довольно важный источникъ дохода окрестныхъ жителей. Къ несчастію, эти деревья съ каждымъ годомъ значительно уменьшаются, что зависитъ отъ варварскаго способа добыванія кедровыхъ орѣховъ. Найдя кедръ, обильный шишками, охотникъ его срубаетъ, обираетъ до-

---

*) Пара рябчиковъ стоитъ 7—10 коп., а одна шкурка бѣличья—15—20 к.

чиста, прячетъ свой сборъ и отправляется снова на поиски. Кромѣ бѣлокъ, истребляющихъ въ значительномъ количествѣ кедровые орѣхи, особенно опасна въ этомъ отношеніи *кедровка*—небольшая птица, которая исключительно питается ими. Если она нападаетъ на орѣховый складъ, то съ необыкновенной быстротой перетаскиваетъ его въ свою запасную кладовую. На возвратномъ пути охотники вычищаютъ орѣхи изъ шишекъ и въ хорошій годъ на долю каждаго промышленника выпадаетъ до 10 пудъ.

У Зырянъ, живущихъ по Ижмѣ (притокъ Печоры), въ послѣднее время стало развиваться оленеводство. Есть Зыряне, владѣющіе стадами оленей до двадцати и болѣе тысячъ головъ. Изъ такого стада ежегодно можно убивать до 4000 оленей; а такъ какъ каждый олень приноситъ Ижемцу до 4 р., то годовой доходъ владѣльца этого стада простирается до 16000 р., изъ которыхъ бережливый Зырянинъ едва ли проживетъ 1000 р. Поэтому неудивительно, что есть Ижемцы, владѣющіе значительными капиталами. Ижемскіе Зыряне такъ ловко ведутъ свои дѣла, что лѣтъ 30 тому назадъ, находясь въ пастухахъ при оленьихъ стадахъ у богатыхъ Самоѣдовъ, теперь сдѣлались сами хозяевами и отняли у самоѣдовъ всю тундру. Пронырствомъ и лукавствомъ вторгаясь въ жизнь самоѣда, поили самого и семью его виномъ; за штофъ вина покупали лисицу, оленя и такимъ образомъ самоѣды пропили всю тундру, а Зыряне - богачи, отмаливаютъ теперь свой грѣхъ въ каменныхъ, богатыхъ церквахъ, которыхъ иконостасы залиты золотомъ и серебромъ. Дома у нихъ двухъэтажные, изукрашенные зеркалами, самоварами, московской посудой. Они ѣдятъ всегда мясо и такую рыбу, которая славится на цѣлую губернію, и, какъ избалованные люди, лакомятся дорогой осетриной и оленьими языками.

Хотя Зыряне показываютъ большую наклонность къ русскимъ порядкамъ, однако все еще нельзя сказать, что они совершенно обрусѣли. Отдаленность жилья и дикость мѣстъ, обитаемыхъ ими, сохранили въ нихъ кочевой духъ и старинный характеръ и обычаи. Между ними самымъ похвальнымъ можно почитать то, что Зыряне, уходя со двора, не запираютъ своихъ домовъ; впрочемъ они честны въ отношеніи другъ къ другу, но обобрать Самоѣда не считаютъ грѣхомъ.

Какъ лѣсные, такъ и ижемскіе Зыряне считаютъ женщину за рабыню и сваливаютъ на нее всѣ тяжелыя и черныя работы; въ бесѣды къ себѣ не пускаютъ, совѣта не спрашиваютъ; даже молодежь въ играхъ веселится особо: парни—своей кучкой, дѣвушки—своимъ хороводомъ.

Въ послѣднее время Зыряне привыкли даже пахать землю; сѣютъ они рожь и ячмень. Урожаи при плодородіи и дѣвственности почвы очень обильны, но, по суровости климата, жатва отъ раннихъ холодовъ иногда совсѣмъ пропадаетъ. Полюбили Зыряне и отхожіе промыслы: ежегодно отправляется до 2000 человѣкъ въ чужія страны, чтобы набраться ума и знанія.

Всѣ безъ исключенія Зыряне — крещеные. Христіанскую вѣру между ними распространилъ св. Стефанъ въ половинѣ XIV в. Переведя на зырянскій языкъ псалтырь, избранныя мѣста изъ Евангелія и Апостола, св. Стефанъ сталъ проповѣдывать слово божіе на берегахъ Вычегды. Многіе крестились; но жрецы-кудесники возмущали противъ него народъ. Неутомимый св. Стефанъ продолжалъ проповѣдывать ученіе Христа, умножилъ число христіанъ до 1000 и построилъ церковь Благовѣщенія. Чтобы доказать на дѣлѣ пустоту идоловъ, онъ обратилъ въ пепелъ одну изъ знаменитыхъ кумиренъ. Народъ пришелъ въ ужасъ. Главный волхвъ вызвался пройти сквозь огонь, требуя того же отъ святаго;—„я не властенъ надъ стихіями“, отвѣчалъ смиренный Стефанъ, „но если Богъ христіанскій мнѣ велитъ, я иду съ тобою“. Кудесникъ испугался и не пошелъ. Тогда народъ толпами крестился и побросалъ въ огонь своихъ идоловъ.

Пермяки.

75 т. душъ.

Пермяки обитаютъ въ Пермской и Вятской губ. въ числѣ 75 тысячъ душъ обоего пола. Названіе свое получили они отъ слова *парма*, чрезвычайно распространеннаго на финскомъ сѣверо-востокѣ. Подъ пармами пріуральскіе Финны разумѣютъ поросшіе дремучими лѣсами возвышенности или кря-

жи, служащіе водораздѣлами или окраинами рѣчныхъ областей.

Первые, познакомившіеся съ Пермяками были Новгородцы. Они проникли для торговыхъ цѣлей въ Пермскую страну, или Біармію, богатую солью, металлами и пушнымъ звѣремъ, обложили данью Пермяковъ и въ XII вѣкѣ основали городъ *Хлыновъ* (Вятка). Впрочемъ подчиненіе Перми Новгороду было не совершенное; она имѣла собственныхъ князей и торговала съ сосѣдями какъ земля свободная. Такъ продолжалось до конца XV в. Іоаннъ III, отнявъ свободу у Новгорода, покорилъ и Пермь и пермскіе князья стали данниками русскихъ царей. Но въ 1505 году Іоаннъ смѣнилъ пермскаго царя и управлять страною послалъ своего намѣстника.

Просвѣщенные христіанствомъ св. Стефаномъ, пермскимъ епископомъ (XIV в.), Пермяки давно уже перестали кочевать и живутъ въ избахъ обокъ съ кореннымъ русскимъ племенемъ. Нѣкоторые изъ нихъ до такой степени обрусѣли, что только знаніемъ пермскаго языка отличаются отъ русскихъ.

Языкъ Пермяковъ составляетъ одно изъ многочисленныхъ нарѣчій финскихъ племенъ. Замѣчательная его особенность заключается въ томъ, что въ немъ есть слова необходимыя для означенія только самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, качествъ и дѣйствій. Бѣдность пермскаго языка заставляетъ Пермяковъ заимствовать русскія слова и передѣлывать ихъ по своему. Такъ, напримѣръ, русское слово „думать“ измѣнилось въ *думайтны*, баять—въ *баитны* и т. д. По неимѣнію родовъ и по недостатку многихъ глаголовъ, Пермяки вмѣсто мужескаго рода употребляютъ женскій и наоборотъ; вмѣсто одного глагола другой: „*мой баба пропавъ*“ говоритъ Пермякъ, когда умретъ его жена.

Несмотря на принятіе христіанской религіи, Пермяки далеко не ревностные христіане. Истинъ религіи не понимаютъ, церкви посѣщаютъ лѣниво, многіе изъ нихъ были только два раза въ жизни: одинъ разъ—для крещенія и въ другой — для бракосочетанія. Изъ молитвъ знаютъ только одну „*Сусову*“, такъ они называютъ молитву Господню, а о таинствахъ христіанской религіи не имѣютъ никакихъ понятій. Будучи плохими христіанами, Пермяки заражены

многими суевѣріями. Они вѣрятъ въ чорта, домоваго, колдуновъ, знахарей. Особенно колдуны и знахари играютъ у нихъ важную роль. По ихъ мнѣнію, эти люди одарены искусствомъ лѣчить и накликать болѣзнь, заговаривать кровь и вообще дѣлать чудеса. Обыкновенный пріемъ, употребляемый пермскими знахарями при лѣченіи болѣзни, называется *черъ-ёшваномъ*, т.-е. вѣшаніемъ топора. Заболѣвшій Пермякъ, отправляясь къ знахаркѣ, беретъ съ собой хлѣба, воску и хмѣлю. Колдунья ставитъ воскъ и хмѣль въ печь, а сама беретъ топоръ, повѣшанный подобно безмѣну на снурокъ. Приведя его въ равновѣсіе, черешванщица начинаетъ перебирать имена святыхъ, въ честь которыхъ находятся въ околоткѣ церкви и наблюдаетъ при имени какого святаго топоръ выйдетъ изъ своего равновѣсія. Положивъ топоръ на мѣсто и посмотрѣвъ на хмѣль и воскъ, знахарка объявляетъ посѣтителю какимъ средствомъ онъ можетъ получить желаемое, т.-е. совѣтуетъ ему сходить въ церковь и поставить святому свѣчку, величиною въ руку, въ цѣлый ростъ, смотря потому весь ли человѣкъ болѣнъ, болятъ ли у него руки или ноги или отслужить по комъ-нибудь панихиду. Колдуны у Пермяковъ замѣняютъ тѣхъ шамановъ, которые кормятся отъ простаковъ дикихъ народовъ, кочующихъ въ тундрахъ и сибирскихъ лѣсахъ. Живутъ Пермяки въ черныхъ избахъ, ѣдятъ кой-какую пищу, которая болѣе тяготитъ чѣмъ питаетъ. Живутъ они больше дома, занимаясь преимущественно земледѣліемъ, добываніемъ металловъ и соли и ловлей пушныхъ звѣрей, которыми богаты пермскіе лѣса.

Вотяки.

190 т. душъ.

Вотяки, или Отяки, вмѣстѣ съ Черемисами были первобытными обитателями Вятской губ. Они живутъ въ ней въ числѣ 180 т.; остальныя 10 т. приходятся на губ. Казанскую и Оренбургскую.

Съ перваго взгляда Вотяки по наружности мало отличаются отъ русскихъ; но всмотрѣвшись внимательнѣе, не труд-

но замѣтить, что унихъ нѣтъ того разнообразія въ лицахъ, какое замѣчается у русскихъ; всѣ они похожи другъ на друга: необыкновенно большой ротъ и приподнятый, съ широкими ноздрями носъ рѣзко бросаются въ глаза; росту они небольшаго, сутулы и подслѣповаты; живутъ въ чадныхъ и грязныхъ избахъ и курятъ тютюнъ изъ коротенькихъ трубокъ, оттого почти цѣлымъ племенемъ страдаютъ глазами.

Живетъ Вотякъ и грязно и скупо; въ пищѣ неразборчивъ и ѣстъ помногу. Одѣвается въ холстъ и сермягу изъ домашняго выдѣла.

Главное занятіе Вотяковъ земледѣліе и охота; но земледѣліе стоитъ на низкой степени. Праздники въ рабочую пору отнимаютъ у нихъ много времени и потому часто случается, что скирды немолоченнаго хлѣба стоятъ до тѣхъ поръ, пока не сгніютъ. Изъ овса они гонятъ вонючую, горькую водку, называемую *кумышкой*, имѣющую не только опьяняющее, но и одуряющее свойство. Въ лѣсистыхъ мѣстахъ Вотяки занимаются пчеловодствомъ и нерѣдко имѣютъ по 70 улей. Пчелиныя борти ихъ даютъ отличный медъ, извѣстный въ продажѣ подъ именемъ *сарапульскаго*. Изъ этого меда умѣетъ Вотякъ приготовлять чрезвычайно опьяняющій напитокъ, который обладаетъ двумя свойствами: быть пріятнымъ на вкусъ и отнимать въ ногахъ силу такъ, что съ одного стакана онѣ перестаютъ повиноваться. Вотяки, какъ и вогулы—отличные охотники и любятъ свой лѣсъ. Охотятся они преимущественно на бѣлокъ съ ружьемъ; волковъ ловятъ капканами, а лисицъ приманиваютъ отравой.

Вотякъ по преимуществу—домосѣдъ; по зимамъ впрочемъ уходитъ онъ работать на ближайшіе желѣзные и другіе заводы; лѣтомъ онъ или въ родномъ лѣсу на пчельникѣ, или въ полѣ у хлѣба, который охотно покупаютъ у него орловскіе и вятскіе купцы и отправляютъ этотъ хлѣбъ въ Архангельскъ.

Несмотря на то, что Вотяки обращены въ христіанство (въ началѣ XVIII в), но между ними встрѣчаются не мало язычниковъ; да и принявшіе христіанство не вполнѣ отстали отъ языческихъ обрядовъ. Вотяки-язычники признаютъ добраго бога—*Инмара* и злаго—*Шайтана*. И тотъ и другой имѣютъ многочисленныхъ подвластныхъ имъ идоловъ. Са-

мый любимый и самый веселый праздникъ у Вотяка на страстной недѣлѣ, когда наступитъ пора выгонять шайтана. Во всей деревнѣ отворяются настежъ ворота и двери; ребята и мальчишки мчатся по улицамъ, на маленькихъ, кругленькихъ вяткахъ, съ хворостинами въ рукахъ, заходятъ во дворы, въ хлѣва, амбары, вездѣ шарятъ хворостиной и отовсюду стараются выгнать бѣса. Суевѣріе Вотяковъ простирается до безконечности; у нихъ вездѣ бѣда: среда и пятница—несчастные дни, обѣденное время—тоже; Прилетѣлъ-ли воронъ на крышу—значитъ случится какая нибудь неудача, или заболѣетъ кто нибудь въ домѣ; и бѣжитъ Вотякъ, по этому случаю, къ *тунѣ* (колдуну) просить его помощи. Туна пользуется у всѣхъ почетомъ; до принятія христіанства, онъ имѣлъ громадное значеніе; цѣлое селеніе ему повиновалось и исполняло его приговоръ; по указанію Туны, приносили жертвы въ кереметяхъ т. е. священныхъ мѣстахъ; по его же требованію давались имена новорожденнымъ. Теперь же, при рожденіи сына, Вотякъ хлопочетъ лишь о томъ, чтобы священникъ далъ родившемуся *не мудреное* имя. Онъ усердно проситъ „батюшку" дать любимое имъ и легкое имя Иванъ или Николай; поэтому Вотяки большею частію „Иваны Николаичи да Николаи Иванычи."

Вотякъ—скопидомъ; онъ мало покупалъ на сторонѣ, но много продавалъ въ люди и потому всегда былъ при деньгахъ; онъ всегда и во всемъ торгуется, такъ какъ съ малыхъ лѣтъ бережливъ и, по отцовскому обычаю, деньги любитъ прятать въ кубышку или буракъ; этотъ буракъ зарываетъ онъ гдѣ нибудь въ лѣсу. Больше всего торгуется Вотякъ при покупкѣ себѣ жены. На жену онъ смотритъ какъ на работницу и водитъ ее въ черномъ тѣлѣ. Одно утѣшеніе у Вотячки—напиваться до упаду своей кумышкой. При совершеніи брачнаго обряда, у некрещенныхъ Вотяковъ, жениху и невѣстѣ картъ (священнослужитель) даетъ пить освященное пиво и тѣмъ окончивается обрядъ вѣнчанія.

Вскорѣ послѣ свадьбы, молодая отправляется къ отцу своему и живетъ у него по нѣскольку мѣсяцевъ, а иногда и годъ и затѣмъ уже возвращается къ мужу. Бѣдные или получившіе отказъ женихи крадутъ себѣ невѣстъ, подговоривъ для этой цѣли нѣсколько удальцевъ.

Вогулы.

7000 душъ.

Вогулы, или Вогуличи, обитаютъ по обѣ стороны Уральскаго хребта, въ губерніяхъ Пермской и Тобольской. Это племя было нѣкогда такъ велико и сильно, что вело войны съ сосѣдями и упорнѣе всѣхъ инородцевъ противилось русской власти. Вогулы жгли русскіе города и села, уводили въ плѣнъ жителей, а перваго проповѣдника христіанства, епископа Питирима, замучили. Только съ основаніемъ Пелыма, и съ казнію вогульскаго князя и главныхъ его родичей, Вогулы притихли и покорились. Теперь это—незначительное, мало отличающееся отъ остяковъ племя, хотя главныя черты ихъ физическаго типа напоминаютъ скорѣе монголовъ, чѣмъ финновъ. При небольшомъ ростѣ, у Вогуловъ—большая голова, смуглый цвѣтъ кожи, выдавшіяся скулы и узкіе глаза.

Главное занятіе и важнѣйшій источникъ пропитанія у Вогуловъ—звѣроловство; болѣе половины изъ нихъ кочуютъ въ лѣсахъ, отдѣльными семействами, часто отстоящими одно отъ другаго верстъ на 10 и болѣе. Нѣтъ у нихъ ни пашень, ни огородовъ и только не многіе занимаются скотоводствомъ, т. е. содержатъ по нѣскольку коровъ, овецъ и свиней, а живущіе ближе къ сѣверу имѣютъ и оленей. Звѣриною ловлей они занимаются со всею страстію и употребляютъ огнестрѣльное оружіе, лукъ, стрѣлы и рогатины. Нѣкоторыя вогульскія деревни огораживаютъ себѣ мѣсто въ лѣсу на пространствѣ 10 верстъ и въ этой оградѣ ставятъ множество капкановъ. Менѣе половины Вогуловъ ведутъ осѣдлую жизнь, косятъ сѣно, собираютъ орѣхи и ягоды, не покидая однакожь звѣроловства. Эти осѣдлые Вогулы живутъ преимущественно въ Сибири, по р. Кондѣ, лѣвому притоку Иртыша (Пелымскіе Вогулы). Они такъ обрусѣли, что Пелымскихъ Вогуловъ не распознаютъ отъ тамошнихъ крестьянъ: тѣ же дома, та же одежда, та же рѣчь; разница только въ томъ, что умѣя говорить по русски, Вогулы не забываютъ и своего языка.

Хотя Вогулы съ 1722 г. считаются христіанами, но все еще не могутъ отрѣшиться отъ язычества и охотно слушаютъ кудесниковъ-шамановъ, и подъ часъ покланяются деревянному идолу, навѣшивая на него звѣриныя шкуры. На Кондѣ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, стоялъ прежде главный идолъ Вогульскаго народа; входъ къ этому идолу постоянно охранялся двумя вооруженными Вогулами; другой золотой идолъ стоялъ въ пещерѣ на р. Сосвѣ. Общаго бога и милостиваго обладателя вселенной, они называютъ Торомъ, а солнце считаютъ мѣстомъ его жительства. Главный праздникъ отправляютъ они въ первый день Пасхи и называютъ его праздникомъ восшествія Божія; съ того же дня считается у нихъ и новый годъ.

Въ настоящее время въ Пермской губ. сдѣланы попытки пріучить Вогуловъ къ осѣдлой жизни; но дремучіе лѣса и охота привлекаютъ ихъ къ себѣ. Въ этихъ лѣсахъ, за непроходимыми болотами и зыбями, ихъ жилища дѣлаются доступными только зимой. Но зыби и болота не устрашаютъ Вогула; въ чащѣ лѣса онъ ходитъ какъ по знакомой тропинкѣ: въ ясный день ему солнце указываетъ путь, въ ненастный—сучья и кора, которая въ сѣверной части лѣса темнѣе, а сучья—короче и рѣже. Цѣлое лѣто бродитъ онъ по лѣсу, дѣятельно добывая себѣ средства для зимняго существованія и только зимой отдыхаетъ. Вымѣнявъ звѣриныя шкурки и вообще лѣсную добычу на вино, холстъ, сукно, покупаетъ онъ себѣ хлѣбъ, порохъ, свинецъ, а главное хлѣбъ, потому что умѣетъ изъ него добыть водку. И живетъ Вогулъ довольный собой; поетъ нескладныя пѣсни подъ звуки самодѣльнаго съ металлическими струнами шонгурта (балалайка 6-ти струнная); вдоволь напоется и подъ веселый часъ запляшетъ свой національный танецъ. Въ жизни Вогуловъ обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе преступленій, а затѣмъ въ ней нѣтъ ничего особенно интереснаго и замѣчательнаго: свадебные обряды они справляютъ просто, безъ всякихъ торжественныхъ церемоній; женъ покупаютъ, платя за нихъ отъ 10 до 30 рублей. Умершихъ погребаютъ въ лѣсахъ, снабжая ихъ лукомъ и стрѣлами.

Черемисы.

210 тыс. душъ.

Черемисы живутъ больше по лѣвому, нежели по правому берегу Волги и представляютъ собою потомковъ нѣкогда сильнаго народа, кочевавшаго по величайшей рѣкѣ Европы, и долго, даже послѣ взятія Казани, занимавшагося разбоями. Долговременныя сопротивленія Черемисъ кончились однако тѣмъ, что народъ этотъ, стѣсняемый русскими, занялъ тѣ недоступныя, глухія мѣста, которыя лежатъ въ дикихъ лѣсахъ губ. Вятской, Костромской, Казанской и Нижегородской. Наружность Черемисъ не симпатична: курносые, широколицые мужчины большею частію средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія; женщины еще менѣе привлекательны, особенно когда надѣнутъ высокую кичку, или башлыкъ и перекинутъ черезъ плечо перевязь, украшенную бѣлыми раковинами. Черемисы называютъ себя *мари* (мужъ) и съ давнихъ поръ дѣлятся на нагорныхъ и луговыхъ. Живутъ они въ избахъ, похожихъ на русскія, съ русскими печами, но безъ трубъ, такъ что дымъ выходитъ изъ окна и дверей, покрывая стѣны толстымъ слоемъ сажи. Какъ недавній кочевникъ, Черемисъ не успѣлъ полюбить своей хаты и потому на лѣто, со всѣмъ семействомъ, переселяется въ клѣть, построенную вблизи его зимняго жилья. Красивую картину по наружности представляютъ черемисскія деревни съ ихъ разбросанными въ безпорядкѣ домиками, обсаженными красивыми березами, липами, дубами и рябиной. За то внутренность избъ поражаетъ своей нечистотой: по угламъ разбросаны чашки и ложки; люди и животныя ѣдятъ изъ одной посуды; грязныя женщины и ребятишки довершаютъ эту обстановку. Черемисскія деревни не велики: онѣ рѣдко состоятъ болѣе чѣмъ изъ 20 дворовъ; нѣсколько деревень составляютъ общину. Община заведена у нихъ при хлѣбопашествѣ, составляющемъ главное занятіе нагорныхъ Черемисъ; поля у нихъ обработываются сообща нѣсколькими деревнями вмѣстѣ, жатва дѣлится по ровну между всѣми, и добытое отъ земли продается оптомъ.

Луговые Черемисы поставлены въ совершенно другія условія. Земледѣліе неудовлетворительно у нихъ по свойству почвы, вслѣдствіе чего они занимаются другими промыслами, между которыми звѣриная ловля занимаетъ первое мѣсто. До сихъ поръ еще лѣса, растущіе по луговому берегу Волги, изобилуютъ медвѣдями, волками, лисицами, зайцами, куницами и разною дичью. Все добытое на охотѣ, точно также какъ и все изготовленное дома, т. е. рогожи и кули везетъ Черемисъ въ Казань, если живетъ по близости, или на какой либо другой рынокъ. Другой любимый черемисскій промыселъ — пчеловодство.

Въ пищѣ Черемисы не разборчивы: хлѣбъ, овсяная каша, кислое молоко, да нѣкоторые огородные овощи составляютъ ихъ обыкновенныя кушанья. За то до вина они большіе охотники, и запастись имъ къ празднику каждый изъ нихъ считаетъ непремѣнной обязанностью. Не случится денегъ, Черемисъ продастъ овцу, но безъ вина никакъ не обойдется.

Черемисы отъ природы мало смышленый, лѣнивый, но за то поразительно честный народъ. Воровство, въ глазахъ ихъ, самое важное преступленіе. Воръ немедленно сдается въ солдаты всѣмъ міромъ и пользуется общею ненавистью и преслѣдованіемъ. Во враждѣ Черемисы непримиримы и злопамятны, чѣмъ и отличаются отъ своихъ сосѣдей чувашъ. Нельзя также не обратить вниманія на привязанность ихъ къ обычаямъ предковъ: уважая все старое, Черемисы не допускаютъ у себя никакихъ нововведеній и наказываютъ каждаго, кто бы вздумалъ перемѣнить бѣлый цвѣтъ одежды или выкрасить избу.

Семейный бытъ Черемисъ не походитъ на русскій. У нихъ нѣтъ той патріархальности, которая характеризуетъ каждую русскую семью и положеніе женщины близко подходитъ къ тому, въ какомъ она находится на востокѣ. Молодой Черемисъ, задумавъ жениться, покупаетъ себѣ невѣсту. Калымъ простирается до 100 рубл., но никогда не превышаетъ этой суммы. Приданое невѣсты заключается въ сорочкахъ, кичкѣ, онучахъ, суконномъ кафтанѣ и плисовой шапкѣ. Послѣдніе два предмета предназначены въ подарокъ жениху. Въ день, назначенный для бракосочетанія, рано утромъ, къ жениху собирается весь свадебный поѣздъ и, напившись пи-

ва, при звукахъ барабана и гуслей, при участіи скомороховъ, съ криками отправляется къ невѣстѣ. Невѣста, окруженная своими подругами, едва заслышитъ крики женихова поѣзда, начинаетъ угощать также пивомъ своихъ гостей, при этомъ каждый опускаетъ ей въ ковшикъ серебряную или мѣдную монету. Между тѣмъ на дворѣ накрывается столъ, за который садится женихъ и его поѣзжане; они пируютъ до тѣхъ поръ, пока не явится невѣста съ приданымъ, сложеннымъ въ кожаные мѣшки. Эти мѣшки она ставитъ возлѣ стола и сама садится рядомъ съ женихомъ. Посидѣвъ немного, всѣ присутствующіе отправляются въ кибиткахъ въ близъ лежащія деревни и въ каждой останавливаются попить пива. Такъ проходитъ два или три дня, пока невѣста пріѣдетъ въ деревню своего будущаго мужа, откуда уже и отправляются въ церковь. По окончаніи обряда, снова угощаютъ пивомъ; молодой подноситъ женщинамъ, а молодая—мужчинамъ, становясь передъ каждымъ изъ нихъ на колѣни. Черемисы вообще женятся очень молодыми; нѣкоторые, по примѣру Татаръ, берутъ еще другую, а иногда и третью жену. Не смотря на калымъ, заплаченный предварительно, Черемисъ иногда похищаетъ себѣ жену. Конечно это похищеніе—не болѣе, какъ смѣшная формальность. Разводъ несогласныхъ супруговъ совершается въ присутствіи шести свидѣтелей. У некрещенныхъ Черемисъ брачный обрядъ совершается такъ: на дворѣ, или гдѣ нибудь на открытомъ воздухѣ, разбиваютъ палатку и возлѣ нея ставятъ столъ съ караваемъ хлѣба, буракомъ пива, солью и двумя зажженными свѣчами. Картъ (жрецъ) подводитъ жениха и невѣсту къ столу и читаетъ вѣнчальныя молитвы, въ которыхъ проситъ Юму ниспослать имъ счастіе и любовь. Во время молитвы, всѣ присутствующіе кланяются въ землю. По окончаніи обряда, сваха ведетъ молодую въ палатку, и, надѣвъ ей на голову женскій уборъ, выводитъ ее обратно. Тогда начинается пиръ.

Большая часть Черемисъ исповѣдуетъ христіанскую религію; религіозныя же понятія некрещеныхъ Черемисъ выражаются въ слѣдующихъ вѣрованіяхъ. Юма, существо благое, создалъ міръ и сохраняетъ его. Кереметь — младшій братъ Юмы — враждебная ему сила, былъ такое же вѣчное и безначальное существо; онъ долженъ былъ служить

Юмѣ, но по своей гордости, хотѣлъ дѣлать тоже что Юма; и такъ какъ силы ихъ были неравны, то Кереметь только портилъ созданіе Юмы. Такъ, Юма создалъ человѣка, а Кереметь изъ зависти оплевалъ это созданіе и тѣмъ положилъ въ немъ зародышъ всѣхъ болѣзней. Чтобы умилостивить Кереметя, ему приносятъ жертвы въ особыхъ священныхъ мѣстахъ—на горахъ, на лужайкахъ, въ лѣсу.

Между религіозными праздниками языческихъ Черемисъ особенною торжественностью отличается *Суремъ*, или *Шуремъ*, отправляемый въ концѣ іюня. На немъ присутствуютъ только мужчины; а если покажется женщина, то участвующіе въ торжествѣ готовы наказать ее смертію. Жители собираются въ лѣсу, около священнаго дерева, стоящаго посреди очищеннаго мѣста. Картъ раскладываетъ костры, посвящая ихъ Юмѣ и его семейству. Передъ костромъ Юмы, съ кубкомъ, наполненнымъ медомъ или виномъ и съ тарелкой хлѣба, картъ читаетъ молитвы; участвующіе же стоятъ сзади его и по временамъ падаютъ на колѣни. Послѣ вступительной молитвы приносится въ жертву животное; мясо заклатаго возлагается на костеръ, а священное дерево иллюминуется свѣчами, нарочно для этой цѣли принесенными. По окончаніи молитвы, картъ бросаетъ голову, сердце и легкія жертвеннаго животнаго въ огонь, мясо же съѣдается присутствующими. Пасха начинается у Черемисъ въ среду на страстной недѣлѣ; масляница справляется ими два раза: до русской и вмѣстѣ съ русской.

Въ заключеніе очерка быта Черемисъ, упомянемъ объ ихъ заупокойныхъ поминкахъ. Каждый годъ, въ апрѣлѣ, они поминаютъ своихъ умершихъ родственниковъ у себя дома. Въ назначенный для поминокъ день, варятъ пиво, покупаютъ вино, пекутъ блины, ватрушки и приготовляютъ другія разныя кушанья. Съ закатомъ солнца, хозяинъ дома беретъ восковыя свѣчи и прилѣпляетъ ихъ къ палкѣ, воткнутой въ стѣну. Каждому покойнику назначается особая свѣча; отцу и матери—большія, прочимъ членамъ—поменьше. Подъ свѣчами ставятъ пиво, вино и двѣ чашки: одну съ кушаньемъ, а другую — пустую. Старшій изъ родственниковъ подходитъ первый; отщипывая кусочки отъ блина и ватрушки, онъ кладетъ эти кусочки въ пустую чашку, и, прихлебывая не много вина и пива, льетъ ихъ туда же. Потомъ онъ молитъ

Юму и адскагосудью, чтобы они успокоили умершихъ, чтобы усопшимъ было весело, свѣтло и тепло. Ту же церемонію повторяютъ и всѣ приглашенные на поминки. Въ заключеніе, хозяинъ беретъ чашку съ кушаньемъ и, въ сопровожденіи всего собранія, несетъ ее на дворъ, гдѣ и выбрасываетъ кушанье собакамъ. Если собаки мирно ѣдятъ — хорошо покойникамъ, если же грызутся — знакъ дурной. Послѣ этого возвращаются въ избу и начинаютъ пить и плясать.

Мордва.

775 т. душъ.

Мордва живетъ по берегамъ Оки и Суры, въ губерніяхъ Симбирской, Нижегородской, Пензенской и Казанской. Вся численность этого народа простирается до 775 т. душъ обоего пола. Мордва раздѣляется на двѣ главныя отрасли: *Эрзянъ*, живущихъ по Окѣ и *Мокшанъ*—по Мокшѣ, Сурѣ и Окѣ. Эрзяне отличаются свѣтлыми, нерѣдко красноватыми волосами и вообще сохранили въ своей физіономіи болѣе финскій типъ, чѣмъ Мокшане.

Мордва имѣла прежде своихъ царей, свои обычаи, свою вѣру и была независима; эту независимость она долго отстаивала у русскихъ, даже послѣ покоренія Казанскаго царства, но теперь она все утратила; гдѣ живетъ, къ тѣмъ и пристаетъ: около татаръ Мордва отатарилась, около русскихъ живя—обрусѣла. Многіе забыли даже свой языкъ и отъ прежняго осталась лишь красивая одежда, да кой-какіе странные обычаи.

Мордвины—очень пріятной наружности: они средняго роста, съ бѣлокурыми волосами и голубыми или сѣрыми глазами; женщины менѣе красивы; но за то бросается въ глаза ихъ нарядъ: длинная, бѣлаго цвѣта рубаха, вышитая красной шерстью или бумагой, отороченная внизу и по бокамъ неширокими полосами кумача; сверху рубашки Мордовки надѣваютъ родъ халата *(шамшанъ)*, съ узорчатыми фигурами на груди, вышитыми красными нитками; на головѣ носятъ кичку *(шмычамъ)*, вышитую крупнымъ бисеромъ съ кистями и побрякушками; на шеѣ—ожерелье или изъ бусъ,

или изъ монетъ. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ и убираютъ ихъ лентами и монетами. Мордвины одѣваются по русски; какъ женщины, такъ и мужчины носятъ лапти. Мордва, подобно чувашамъ, трудолюбива и издавна обработываетъ землю; независимо отъ земледѣлія, Мокшане занимаются пчеловодствомъ.

Живутъ они въ деревняхъ, устройство которыхъ, равно и внутренняя обстановка дома похожи на черемисскія и чувашскія. Любимая пища Мордвы—горохъ и кислое молоко; любимое мясо—заячье, изъ котораго приготовляются особенные пирожки, извѣстные подъ именемъ *мордовскихъ*.

Въ домашней жизни Мордвинъ кротокъ, честенъ, очень трусливъ, забывчивъ на обиды и потому не знаетъ мести. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ крайне неопрятенъ и суевѣренъ. Зимой нерѣдко живетъ вмѣстѣ съ овцами, свиньями и собаками и не считаетъ свое положеніе особенно непріятнымъ.

Не болѣе ста лѣтъ тому назадъ, Мордва приняла крещеніе, но все еще не прочь отъ старыхъ обрядовъ и суевѣрій. Трудно проѣхать чрезъ мордовское селеніе въ Богоявленскій сочельникъ, когда Мордвины, всѣ до единаго, скачутъ по улицамъ, сидя въ своихъ коробахъ и впрягая всѣхъ своихъ лошадей поочередно, чтобы шайтанъ не смѣлъ на нихъ ѣздить. Отъ язычества остались у нихъ также нѣкоторые годовые праздники, называемые *молянами*. Такъ, весною бываетъ у нихъ кереметный праздникъ, во время котораго приносятъ въ жертву звѣрей.

Свадебные обряды у Мордвы похожи на черемисскіе. Отецъ жениха ѣздитъ самъ за невѣстою и, безъ вѣдома сына, ее покупаетъ. Калымъ опредѣляется отъ 50 до 100 рублей. Дѣвушки выходятъ замужъ обыкновенно не моложе 22 лѣтъ; старѣе же 25 цѣнятся дешевле. Привезенная въ домъ жениха, она садится вмѣстѣ съ нимъ за столъ, гдѣ лежитъ аршинный пирогъ; одинъ конецъ этого пирога отецъ жениха подвигаетъ невѣстѣ подъ покрывало и говоритъ: „взгляни на свѣтъ, будь счастлива къ наживу хлѣба и дѣтей.“ Тутъ въ первый разъ видитъ женихъ лицо своей невѣсты.

Умершихъ Мордва погребаетъ въ лучшихъ платьяхъ. На могилѣ ѣдятъ пироги, пьютъ пиво и при этомъ частицу того и другаго оставляютъ на мѣстѣ.

VIII. НАРОДЫ КАВКАЗА.

Грузины.

Въ глубокой древности Грузія составляла независимое, отдѣльное царство, испытавшее много несчастій. Грузинскіе цари (извѣстные также подъ именемъ Иверскихъ), тѣснимые то Турками, то Персіянами, искали и находили убѣжище въ Россіи; но съ 1802 года Грузія потеряла самостоятельность и вмѣстѣ съ Карталиніей и Кахетіей составляетъ теперь русскую область, извѣстную подъ именемъ Тифлисской и Кутаисской губерній.

Грузинская семья состоитъ изъ нѣсколькихъ народовъ: собственно Грузинъ, Гурійцевъ, Имеретинцевъ, Мингрельцевъ, Сванетовъ, Пшавовъ, Хевзуровъ и Тушинцевъ.

Собственно Грузины принадлежатъ къ числу самыхъ красивыхъ племенъ на земномъ шарѣ. На всемъ пространствѣ Грузіи народъ большею частію высокъ ростомъ и крѣпко сложенъ; женщины стройны, у нихъ красивыя черты лица и большіе черные глаза. Не смотря на природную красоту, Грузинка слишкомъ много заботится о своей физіономіи: она чернитъ волосы и брови и въ большомъ количествѣ употребляетъ румяна и бѣлила. Одежда Грузинъ состоитъ изъ темнаго шелковаго архалука, перетянутаго серебрянымъ поясомъ, къ которому привѣшаны шашка и кинжалъ; на голову надѣвается и зимой и лѣтомъ мѣховая шапка, а ноги обуты въ красные сафьянные сапоги. Одежда женщинъ также состоитъ изъ архалука, сверхъ котораго живописно набрасывается бѣлая *чадра*.

Жизнь Грузинъ представляетъ много любопытнаго для наблюдателя, привыкшаго къ европейскимъ нравамъ и обычаямъ. По лощинамъ и скатамъ горъ раскинуты грузинскія деревни, издали кажущіяся грудою развалинъ; двухъэтажный домъ стоитъ иногда рядомъ съ землянкой, едва видимой отъ горизонта. Въ расположеніи домовъ нѣтъ ни малѣйшаго по-

рядка: каждый строится тамъ, гдѣ ему вздумается, не обращая вниманія насколько онъ нарушаетъ удобство другихъ, занимая своей постройкой дорогу. Посреди плоскихъ крышъ домовъ возвышаются конусообразныя насыпи съ отверстіемъ для выхода дыма, а самая хата (сакля), построенная изъ плетня, заключаетъ въ себѣ два отдѣленія: одно предназначается для семейства, другое—для кладовыхъ. Входная дверь ведетъ въ главную и самую большую комнату—*дарбази*, служащую пріемной, гостиной и спальной Грузина; земляной полъ, небольшой очагъ и котелъ, висящій на желѣзной цѣпи, составляютъ необходимую принадлежность сакли. Около очага семья собирается обѣдать, здѣсь же она и спитъ. Снявъ головной уборъ и покрывшись платкомъ, сидитъ мать семейства у деревянной рѣзной колыбели и погремушками забавляетъ дитя, или тихой пѣсней его убаюкиваетъ. Передъ сномъ почти каждая Грузинка читаетъ особую молитву: „лягу, засну," произноситъ она, „осѣнюсь крестнымъ знаменіемъ, девять иконъ, девять ангеловъ осѣнятъ мои ноги и голову. Милуетъ меня крестъ и на немъ распятый и потому не можетъ вредить мнѣ искуситель."

Дома городскихъ жителей также не отличаются ни удобствомъ ни опрятностію. Главное украшеніе этихъ домовъ у зажиточныхъ людей заключается въ коврахъ, разостланныхъ по полу и въ оружіи, развѣшанномъ по стѣнамъ. Впрочемъ общественная жизнь сосредоточивается не въ домѣ, а на крышѣ. На крышахъ принимаются визиты, на крышахъ устраиваются праздники и пиры; дома же устроены только для пріюта и для защиты отъ непогоды.

Въ семейной жизни Грузинъ обращаютъ на себя вниманіе брачныя церемоніи. Родители жениха, выбравъ ему невѣсту, посылаютъ къ ней различные подарки, между которыми сахаръ занимаетъ первое мѣсто. Отецъ невѣсты, согласившись принять предложеніе, назначаетъ день сговора и, при встрѣчѣ жениха, самъ подаетъ ему *шербетъ*, т. е. сладкій напитокъ, приготовленный изъ плодовъ, за что будущій зять цалуетъ у него руку. Во время сговора женихъ хранитъ упорное молчаніе, ничего не долженъ ѣсть, и можетъ пить только чашку чаю или кофе, но никакъ не больше. Послѣ сговора, онъ имѣетъ право посѣщать домъ своего будущаго тестя, но невѣсты своей не видитъ. Въ день свадь-

бы, невѣста, одѣтая въ лучшій нарядъ, съ покрываломъ на лицѣ, отправляется въ церковь, гдѣ ее ожидаетъ женихъ. Обрядъ вѣнчанія конченъ. Союзъ скрѣпляется, по обычаю Грузинъ, *наротомъ*, т. е. бумажнымъ снуркомъ, которымъ священникъ связываетъ руки новобрачныхъ, прикладывая къ этому снурку восковую печать, съ изображеніемъ на ней креста. Поздравленія, шумъ, крики и пѣсни сопровождаютъ сочетавшихся въ домъ *молодой*, гдѣ встрѣчаетъ новобрачныхъ одна изъ родственницъ. Она даетъ имъ откусить немного сахару съ пожеланіемъ прожить такъ же сладко какъ сахаръ. Затѣмъ молодые садятся на коверъ и принимаютъ поздравленія гостей, которые въ свою очередь дарятъ ихъ серебряной монетой. Передъ обѣдомъ всѣ умываютъ руки и потомъ садятся на коврахъ и войлокахъ, поджавъ подъ себя ноги. Передъ обѣдающими растянута скатерть, преимущественно алаго цвѣта; вмѣсто тарелокъ служатъ виноградные листья или *леваши*, т.-е. длинныя прѣсныя лепешки. На левашахъ разложенъ сыръ, балыкъ, икра, рыба; тамъ и сямъ разбросаны турьи рога, ароматическія травы и цвѣты. Вина выпивается много, но Грузины пьяны бываютъ чрезвычайно рѣдко. Послѣ обѣда начинаются танцы, въ которыхъ однакожъ ни женихъ, ни невѣста участія не принимаютъ; они сидятъ молча, почти безъ движенія. Изъ дома невѣсты, пирующіе отправляются въ домъ жениха, гдѣ также устраивается пиршество, продолжающееся нерѣдко три дня; на третій день, при собраніи гостей, шаферъ подходитъ къ молодой и саблей приподнимаетъ ея покрывало. Присутствующіе при этомъ гости подносятъ подарокъ за смотръ лица. По прошествіи нѣкотораго времени послѣ свадьбы, чета отправляется погостить въ домъ родителей молодой и живетъ тамъ около двухъ недѣль—время достаточное для того, чтобы показать живутъ ли супруги въ согласіи между собою или нѣтъ. Въ первое время замужства Грузинка должна вести себя какъ можно скромнѣе; ей не позволяется даже говорить громко, и только сдѣлавшись матерью, она пріобрѣтаетъ нѣкоторую свободу. Рожденіе первенца составляетъ праздникъ для Грузина. Выстрѣлъ изъ ружья возвѣщаетъ появленіе на свѣтъ лица мужскаго пола. Служанка изъ дома новорожденной бѣжитъ извѣстить родныхъ и знакомыхъ о пріятной новости и получаетъ отъ

нихъ подарки. Въ колыбель младенца кладутъ собачій зубъ, какъ средство ускоряющее прорѣзываніе и рощеніе зубовъ. Крестятъ Грузинъ по обрядамъ христіанской религіи, проповѣданный въ Грузіи Св. Ниной. Мальчикъ растетъ на совершенной свободѣ, а дѣвочка—подъ надзоромъ матери. На восьмомъ году отъ рожденія отдаютъ ее въ монастырь для изученія рукодѣлій и грамоты; на тринадцатомъ, нерѣдко даже на двѣнадцатомъ году, ее обручаютъ. Вообще положеніе Грузинки не веселое: большую часть времени она проводитъ у себя дома и не принимаетъ никакого участія въ общественныхъ удовольствіяхъ наравнѣ съ мужчинами; а если женщина не имѣетъ дѣтей, то подвергается еще большимъ стѣсненіямъ: она считается не благословенною Богомъ и не имѣетъ права ни съ кѣмъ говорить, такъ что мужъ долженъ отвѣчать за жену, которая объясняется пантоминами. Неудивительно послѣ этого, что всѣ Грузинки тамъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей. Подлѣ самаго Тифлиса находится монастырь св. Давида, куда приходятъ безплодныя женщины молиться о дарованіи имъ дѣтей. Независимо отъ молитвы святому, они употребляютъ всѣ средства, какія только могло создать народное суевѣріе: одна ползетъ кругомъ церкви на колѣняхъ, обвивая ее бумажною нитью, другая прикладываетъ къ сѣверной сторонѣ ея камешки, наблюдая пристанетъ онъ или отпадетъ, третья наконецъ считаетъ за счастіе услышать шорохъ въ горѣ св. Давида. Этотъ шорохъ замужней женщинѣ сулитъ ребенка, а дѣвушкѣ—жениха. Погребальные обряды Грузинъ также отличаются нѣкоторыми особенностями: плакать по умершимъ считается обязанностію какъ для мужчинъ такъ и для женщинъ, которыя, по крайней мѣрѣ, недѣлю послѣ погребенія не только родственника, но даже и знакомаго, должны просидѣть дома съ распущенными волосами.

Главный источникъ пропитанія Грузинъ составляетъ земледѣліе; за нимъ слѣдуютъ скотоводство и воздѣлываніе виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ. Лучшіе сады принадлежатъ Кахетіи, гдѣ приготовляются разные сорты винъ, носящихъ названіе *кахетинскихъ*. Кахетинское вино славится изстари; бѣлое вино янтарнаго цвѣта и безъ букета, красное—темно-пунцоваго отлива, гораздо гуще бѣлаго и имѣетъ ароматическій запахъ.

Въ дополненіе къ характеристикѣ Грузинъ должно сказать, что они привѣтливы, гостепріимны, но не образованны, и неопрятны, отличные наѣздники и храбрые солдаты, но болѣе способны къ войнѣ неправильной, чѣмъ къ такой, которую ведутъ европейскіе народы. Въ то же время они лѣнивы и веселы: любятъ забавы, пляски и пѣсни подъ открытымъ небомъ, гдѣ, подъ звуки любимой зурны, (родъ флейты) исполняютъ свой народный танецъ, называемый *лезгинкой*.

Гордые и воинственные Грузины не любятъ ни ремеслъ, ни торговли, оттого послѣдняя вся находится въ рукахъ болѣе даровитыхъ армянъ; лучшіе дома грузинскихъ богачей въ Тифлисѣ, лучшіе сады кахетинскихъ князей скуплены по большой части купцами-армянами. Грузины находятся у нихъ въ такой же зависимости какъ поляки у евреевъ и относятся къ нимъ съ такимъ же презрѣніемъ и ненавистію какъ первые—къ послѣднимъ.

Армяне.

450 тыс. душъ.

Большая часть армянскаго народа разбросана по тремъ частямъ свѣта и только меньшинство живетъ на родинѣ, въ Арменіи, гдѣ возвышается, почти на $4^1/_2$ версты надъ уровнемъ моря, прославленная библіей, гора *Араратъ* — мѣсто пристанища Ноева ковчега.

Не привлекаетъ Арменія ни красотою мѣстности, ни своимъ климатомъ, ни качествомъ почвы, а потому жители ея безъ сожалѣнія, оставляютъ родину, уходятъ въ другія части свѣта, но нигдѣ не сливаются съ туземными народами, нигдѣ не утрачиваютъ свою національность. Въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнить съ евреями, вѣчными странниками посреди другихъ народовъ. Какъ евреи — евреями, такъ точно Армяне повсюду остаются Армянами. Всегда и вездѣ стоятъ другъ за друга. Нѣтъ народа, у котораго бы семейныя узы были такъ крѣпки, какъ у Армянъ. Пока живы главы семейства, всѣ члены его составляютъ одно цѣлое, безъ раздѣла имѣнія и находятся въ безусловной покор-

ности старшимъ. Есть дворы гдѣ семейство состоитъ изъ 40—50 душъ.

У всѣхъ сосѣднихъ народовъ дѣвушка находится постоянно подъ строгимъ надзоромъ родителей и не имѣетъ даже права голоса въ выборѣ себѣ супруга; Армянка же пользуется полной свободой: она безъ покрывала, съ обнаженной головой, идетъ куда захочетъ, и никто не запрещаетъ ей разговаривать съ посторонними молодыми людьми; но такая свобода продолжается только до замужства. Сдѣлавшись женой, Армянка какъ бы перерождается: она набрасываетъ на себя покрывало, не оставляя его даже дома; съ этихъ поръ ее уже не видно на улицѣ; даже въ церковь является она только два раза въ годъ. Отношенія ея къ мужчинамъ также измѣняются: она не имѣетъ права разговаривать не только съ посторонними, даже съ ближайшими родственниками. Въ такомъ безмолвіи живетъ молодая супруга до тѣхъ поръ, пока сдѣлается матерью. Армянскія женщины красивы, но лѣнивы и вялы до неповоротливости. Болтовня, смѣхъ, шутки считаются грѣхомъ, и потому скучнѣе общества Армянокъ трудно себѣ что нибудь представить: сидятъ молча, перебирая четки и угощая другъ друга различными лакомствами. По наружности Армяне принадлежатъ къ числу красивыхъ народовъ земли. Всѣ они—брюнеты, средняго роста и стройнаго тѣлосложенія. Что касается характера, то въ этомъ отношеніи должно различать поселянина отъ купца, странствующаго по городамъ Европы и Азіи. Армянинъ-земледѣлецъ съ дѣтства живетъ на родинѣ; онъ привыкаетъ уважать патріархальные нравы своихъ предковъ и своею честностію и гостепріимствомъ рѣзко отличается отъ своего странствующаго единоплеменника. Армянскія деревни грязны; столько же грязно содержатся и домà внутри; богатые устланы коврами, изобилуютъ мѣдной посудой, пуховиками, но около Нахичевани—повсемѣстная бѣдность. Армяне-купцы, обитая посреди непріязненныхъ и нерѣдко презирающихъ ихъ народовъ, сдѣлались скрытными, недовѣрчивыми, корыстолюбивыми и лживыми; они изумляютъ своею способностью, увертливостью и неутомимостью въ торговлѣ. Торговля—ихъ страсть и преимущественное занятіе. Ради ея не существуетъ для нихъ препятствій ни въ суровомъ климатѣ, ни въ разстояніяхъ. Но гдѣ

бы они ни поселились, куда бы ни загнала ихъ судьба для торговыхъ цѣлей, вездѣ они остаются вѣрны своему природному характеру и не разрываютъ связей съ отечествомъ; связуетъ ихъ вѣра и та святыня, которую каждый Армянинъ, по крайней мѣрѣ; одинъ разъ въ жизни долженъ посѣтить; это— *Эчміадзинскій монастырь,* находящійся въ 18 верстахъ отъ Эривани. Монастырь этотъ основанъ просвѣтителемъ Арменіи — св. Григоріемъ. Армянская вѣра, согласно ученію св. Григорія, отличается отъ православной слѣдующимъ: Армяне признаютъ только первые четыре вселенскихъ собора, служатъ не въ алтарѣ, а на открытомъ престолѣ, въ таинствѣ причащенія употребляютъ хлѣбъ прѣсный (опрѣсноки), крестъ кладутъ съ лѣваго плеча на правое, вступать въ третій бракъ воспрещается. Впрочемъ въ религіозномъ отношеніи Армяне раздѣляются на грегоріанъ и армяно-католиковъ. Тѣ и другіе составляютъ какъ бы два отдѣльныхъ общества, большею частію враждующихъ между собою. Хотя Армяне приняли въ IV столѣтіи христіанство, но сохранили нѣкоторые изъ древнихъ языческихъ обрядовъ. Такъ напримѣръ и теперь, ежегодно, 2-го февраля, устраивается на площади церемонія въ честь высочайшаго бога Мира (огонь). Въ огромную мѣдную вазу кладутъ вѣтви винограднаго и лавроваго деревьевъ, ладонъ, овечью шерсть, хлѣбныя зерна и всю эту смѣсь зажигаютъ, при пѣніи религіозныхъ гимновъ, приличныхъ торжеству. Епископъ и священники, сопровождаемые многочисленною толпой, имѣющею въ рукахъ незажженныя свѣчи, приходятъ на мѣсто церемоніи и, зажигая священнымъ огнемъ свѣчи, передаютъ ихъ присутствующимъ. Между тѣмъ ваза пылаетъ при постоянномъ пѣніи священниковъ. Наконецъ огонь погасъ, епископъ благословляетъ народъ и удаляется. Оставшіеся бросаются къ вазѣ и раздѣляютъ между собою пепелъ, который сохраняется какъ святыня. Въ древнія языческія времена Армяне не имѣли письменности. Въ V столѣтіи св. Месропъ, одинъ изъ замѣчательныхъ людей Арменіи, изобрѣлъ алфавитъ и положилъ начало письменной литературѣ. Къ тому же времени относится и начало народной поэзіи. До сихъ поръ у Армянъ существуетъ особенный классъ слѣпыхъ пѣвцовъ, напоминающихъ собою трубадуровъ. Пѣсни свои они аккомпанируютъ на инструмен-

тѣ, занимающемъ средину между русской балалайкой и гитарой. Слѣпой почти всегда чувствуетъ въ себѣ призваніе сдѣлаться поэтомъ, или по крайней мѣрѣ разсказчикомъ. При незначительномъ талантѣ онъ остается въ своей деревнѣ и пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовію. Каждый считаетъ за честь если зайдетъ къ нему пѣвецъ; при каждомъ домѣ есть комната, гдѣ слѣпой трубадуръ услаждаетъ общество своими пѣснями и сказками. Но когда у такого пѣвца есть дѣйствительно поэтическій талантъ, тогда молва распространяется о немъ на далекое пространство. Князья и ханы принимаютъ его съ восторгомъ, съ большими почестями. Если сходятся два трубадура, то наступаетъ праздникъ для всей страны. Обоихъ слѣпцовъ приводятъ въ открытое поле, гдѣ начинается между ними состязаніе. Тутъ-то вдоволь можно наслушаться и вдохновенныхъ пѣсенъ и занимательныхъ разсказовъ. Одинъ другому по очереди задаетъ загадки, которыя тотъ сейчасъ же и разрѣшаетъ. Потомъ одинъ изъ нихъ перелагаетъ въ стихи какое либо изрѣченіе, а другой въ одно мгновеніе долженъ отвѣчать соотвѣтствующимъ содержаніемъ, въ томъ же размѣрѣ. Слышится голосъ одного пѣвца, его смѣняетъ пѣсня другаго и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ нихъ не откажется отъ заданной темы. Тогда побѣдитель приходитъ къ побѣжденному и ломаетъ у него гитару; слава побѣжденнаго исчезла навсегда и онъ теряется между деревенскими слѣпыми. Если же оба поэта равносильны и, по приговору народа, никто изъ нихъ не побѣжденъ, тогда вызвавшій на состязаніе поетъ, въ честь своего товарища, хвалебныя пѣсни, сравниваетъ его съ лучшими поэтами, а тотъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Народъ ликуетъ и устраиваетъ въ честь знаменитыхъ пѣвцовъ цѣлый рядъ праздниковъ.

Курды.

12 тыс. душъ.

Въ сосѣдствѣ съ закавказскими армянами живетъ, родственное имъ, древнее, кочевое племя Курдовъ, населяющее губерніи Эриванскую, Бакинскую и Кутаисскую.

Курды, большею частію, высокаго роста, съ сухощавымъ лицомъ, большими, черными, выразительными глазами, одарены характеромъ пылкимъ и суровымъ. Война и хищничество—ихъ насущная потребность. Храбрые, отличные ѣздоки, ловко управляющіе конемъ, они честны въ исполненіи обѣщаній, гостепріимны, любятъ музыку, пѣніе и пляску. Имъ давно извѣстно искусство орошать поля, а посредствомъ насыпей они умѣютъ воздѣлывать до значительной высоты горные склоны. Большая часть Курдовъ ведетъ образъ жизни кочевой. Весной, когда первые лучи оживляющаго солнца пробуждаютъ природу, кочующія племена укладываютъ все имущество свое на вьючный скотъ и спѣшатъ вступить на обычную кочевку, покидая съ радостію неудобныя зимовки свои. По мѣрѣ того какъ жары станевятся сильнѣе, они поднимаются все выше и выше, дѣлая однако по дорогѣ частые привалы. По прибытіи на мѣсто, гдѣ располагаютъ провести лѣто, они ставятъ свои шатры около ручья. Рѣдко встрѣчается въ одномъ станѣ болѣе 20 семействъ; большею частію ихъ собирается по 5, 6 и до 10.

Женщины Курдовъ неопрятны, сварливы и упрямы, готовы при всякомъ случаѣ поднять бѣшеные крики; но за то эти недостатки онѣ вознаграждаютъ неутомимой дѣятельностью; въ домѣ Курда все дѣлается руками женщинъ; между тѣмъ какъ мужчины, съ длинною трубкою въ зубахъ, по цѣлымъ часамъ наслаждаются кейфомъ. Особеннымъ уваженіемъ пользуются у нихъ старухи.

По вѣроисповѣданію Курды раздѣляются на три отдѣла: шіитовъ, суннитовъ и езидовъ. Первые два—плохіе мусульмане, у езидовъ—смѣсь религіи христіанской съ магометанской и языческой. Между странными ихъ повѣрьями и заблужденіями замѣчательно уваженіе и участіе, оказываемое ими

предводителю падшихъ ангеловъ, за что и называютъ ихъ поклонниками дьявола. Езиды убѣждены, что рано или поздно Богъ умилостивится надъ сатаной и потому, слишкомъ было бы жестоко питать презрѣніе къ униженному и проклятому Богомъ. Въ честь павшаго духа они даже постятся сорокъ одинъ день. Хотя большая часть Курдовъ и исповѣдуетъ магометанскую религію, но многоженство между ними величайшая рѣдкость: „сохрани Аллахъ! отъ одной жены не упрячешь головы своей, куда бы дѣваться отъ двухъ“ отвѣчаетъ Курдъ, на вопросъ: почему у него одна жена?

Кавказскіе Горцы.

Всѣхъ Кавказскихъ горцевъ раздѣляютъ на пять главныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ нѣсколькихъ народовъ. Племена эти слѣдующія: Черкесы, Чеченцы, Лезгины, Осетины и Абхазцы.

Черкесы, или Адигэ.

250 тыс. душъ.

Черкесы обитаютъ вдоль главной цѣпи Кавказскаго хребта, отъ Чернаго моря до верховья Кубани, и принадлежатъ къ самымъ красивымъ народамъ всего свѣта. Въ характерѣ Черкесовъ ясно высказываются черты, принадлежащія вообще всѣмъ необразованнымъ народамъ. Упражняясь съ малолѣтства въ хищничествѣ и разбояхъ, Черкесы пріобрѣтаютъ ловкость, отвагу и способность переносить всевозможныя лишенія. Напрягая всѣ свои способности для изысканія средствъ къ вѣрной погибели противника, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, не щадя ничего, Черкесъ въ то же время является и героемъ и полнымъ разбойникомъ. По его понятію, оскорбленіе и обида никогда не должны забываться; мстить врагу—первая заповѣдь, которую сообщаетъ отецъ сыну; каждая капля пролитой крови должна

быть отомщена и кровомщеніе, или „канла“, переходя отъ одного родственника къ другому, ведетъ къ постоянной кровавой враждѣ. Есть одно средство спасти себя отъ мести со стороны родственниковъ убитаго: оно заключается въ томъ, что Черкесъ крадетъ ребенка изъ дома своего кровнаго врага, воспитываетъ его и передаетъ потомъ законному отцу; тогда примиряются между собою враги и мѣсто прежней ненависти заступаетъ самая искренняя дружба. Гостепріимство для Черкеса составляетъ самую священную обязанность. Каждый странникъ, бѣденъ онъ, или богатъ, знатенъ, или нѣтъ—вездѣ принятъ съ искреннимъ радушіемъ. Вся семья выходитъ къ нему на встрѣчу; его сажаютъ на почетное мѣсто и хозяинъ дома головою отвѣчаетъ за его безопасность. Уваженіе къ старшимъ соблюдается Черкесами съ удивительною строгостію; у нѣкоторыхъ племенъ оно доведено до того, что младшій братъ встаетъ при входѣ старшаго.

Живутъ Черкесы въ деревянныхъ, обмазанныхъ глиною домикахъ, выстроенныхъ обыкновенно по склонамъ горъ. Нѣсколько такихъ домиковъ составляютъ деревню, или *аулъ*; въ каждомъ аулѣ устроено въ родѣ цитадели. Стѣны въ комнатахъ увѣшаны разнаго рода оружіемъ, а на полу разставлены диваны, покрытые дорогими коврами.

Главное богатство Черкесовъ состоитъ въ стадахъ рогатаго скота, барановъ и овецъ. Земледѣліе, ремесла и торговля стоятъ на низкой степени.

Религіозныя вѣрованія Черкесовъ представляютъ смѣсь христіанства, магометанства и язычества. Христіанская религія начала распространяться между Черкесами съ XVIII в. и оставалась господствующей до появленія *Мансура*. Вліяніе этой личности было до такой степени значительно, что всѣ князья и знатные съ большею частью своихъ подданныхъ приняли магометанскую религію и только незначительная часть населенія осталась вѣрною языческимъ богамъ. Между этими богами первое мѣсто занимаетъ *Шибле*—богъ грома и войны; ему молятся, отправляясь въ битву, и приносятъ въ жертву лучшихъ овецъ изъ стада. Человѣкъ, убитый молніей, считается святымъ и предается погребенію съ особенными почестями. Человѣческихъ жертвъ Черкесы никогда не приносили.

Въ семейной жизни Черкесовъ заслуживаютъ вниманія брачные обряды. При выборѣ невѣсты обращается строгое вниманіе на ея происхожденіе. Ни одинъ знатный Черкесъ не рѣшится взять себѣ въ жены дѣвушку низшаго класса. Плата за невѣсту тѣмъ дороже, чѣмъ женихъ богаче; если же требованіе родителей велико, а женихъ бѣденъ, то онъ устраиваетъ у себя праздникъ, на который приглашаются родственники и друзья; каждый изъ приглашенныхъ обязанъ подарить жениха чѣмъ онъ можетъ, и такимъ образомъ собирается сумма для пріобрѣтенія невѣсты.

Не смотря на согласіе родителей, женихъ непремѣнно долженъ похитить свою суженую; но это похищеніе не болѣе какъ пустая комедія, которая оканчивается всегда тѣмъ, что женихъ отбиваетъ свою добычу, вскакиваетъ на коня и стрѣлою летитъ къ себѣ въ домъ. Отношенія между супругами у Черкесовъ довольно оригинальны; самыя обыкновенныя выраженія привязанности въ присутствіи посторонняго человѣка считаются предосудительными. Вопросъ о здоровьи хозяйки дома серьозно оскорбляетъ каждаго Черкеса. Жену свою онъ считаетъ рабой и на нее возлагаетъ всѣ заботы и труды по домашнему хозяйству, воспитанію дѣтей и приготовленію платья. Особенно искусны Черкешенки въ женскихъ рукодѣліяхъ, которыя онѣ исполняютъ съ удивительною отчетливостію. Богатые и знатные родители не занимаются воспитаніемъ дѣтей, а поручаютъ исполненіе этой обязанности особому лицу, при выборѣ котораго обращается серьезное вниманіе на его физическія и нравственныя свойства. Воспитатель долженъ быть храбръ, краснорѣчивъ, хорошій наѣздникъ и искусно владѣющій оружіемъ. Принявъ подъ свое попеченіе ребенка, *аталыкъ* (воспитатель) остается при немъ до совершеннаго возмужанія. Развитіе ловкости и хитрости—главная задача воспитателя, и онъ, для лучшаго упражненія способностей своего питомца, нерѣдко приказываетъ ему отправиться въ ближайшій аулъ и украсть лошадь, барана или корову. На умственное развитіе тратится немного времени: вся забота воспитателя направлена къ тому, чтобы воспитанникъ его говорилъ краснорѣчиво и убѣдительно. Послѣдняя услуга аталыка своему воспитаннику заключается въ выборѣ для него невѣсты. Возвращеніе молодаго Черкеса въ родитель-

скій домъ соединяется всегда съ особыми празднествами; аталыка объявляютъ самымъ близкимъ родственникомъ семьи и дарятъ его оружіемъ, лошадьми и другими предметами.

Въ общественномъ отношеніи Черкесы дѣлятся на три сословія: князей, дворянъ, или узденей и свободныхъ людей. Русское правительство, убѣжденное многими опытами, что нельзя довѣрять Черкесамъ, нельзя оставлять ихъ въ горахъ и тѣмъ подавать поводъ грабить мирныхъ жителей, предложило имъ выселиться на плодородную Кубанскую равнину; а если они не пожелаютъ, то удалиться въ Турцію. Изъ 400 тыс. душъ лишь одна четверть переселилась въ Кубанскую область; остальные ушли въ Турцію.

У Черкесовъ не существуетъ письменныхъ законовъ; они замѣняются древними обычаями. Въ судьи избираются обыкновенно старшіе по возрасту и почетные между жителями деревни; приговору судей обязаны подчиняться всѣ безропотно. За нѣкоторыя преступленія впрочемъ налагаются опредѣленныя наказанія: такъ, убившій человѣка случайно или намѣренно обязанъ заплатить девять рабовъ; пойманный въ воровствѣ долженъ лично возвратить украденную вещь, что для Черкеса считается самымъ постыднымъ наказаніемъ.

Чеченцы, или Кисты.

170 тыс. душъ.

Чеченцы живутъ къ востоку отъ Черкесовъ, по рѣкѣ Сунжѣ. *) Чечня — дикая гористая мѣстность съ здоровымъ климатомъ, изрытая пропастями и оврагами, изрѣзанная множествомъ рѣкъ и ручьевъ, шумно стремящихся въ ущельяхъ. Чеченцы, первые обитатели этой пространной и плодородной земли, пользовались ею и кормились, не имѣя никакого понятія о поземельной собственности. Земля какъ и воздухъ принадлежала всякому и тотъ владѣлъ ею, кто хотѣлъ только ее обработывать; каждый пришлецъ имѣлъ право вырубить участокъ лѣса и поселиться на расчищенной почвѣ и тогда приготовленное и воздѣланное его трудомъ мѣсто становилось его собственностью.

---

*) Притокъ Терека.

Всѣ принадлежащіе къ Чеченскому племени составляютъ одинъ общій классъ *вольныхъ* людей; „мы всѣ уздени“, говорятъ Чеченцы, т. е. всѣ свободные. Члены, происходящіе отъ одного родоначальника, составляютъ отдѣльное общество, называемое *тохумъ*. Старшій въ родѣ выбирался обыкновенно въ посредники или судьи, когда возникали ссоры между родственниками. Впрочемъ кругъ дѣйствій судей былъ очень ограниченъ, власть почти ничтожна: кто желалъ подчиниться суду — приходилъ; но кто хотѣлъ лично отыскивать свое право, преслѣдовалъ самъ своего врага и творилъ судъ и расправу помимо стариковъ. Важныя дѣла, касавшіяся цѣлой деревни, рѣшались на мірскихъ сходкахъ. Правилъ для этихъ народныхъ собраній никогда не существовало: приходилъ всякій кто хотѣлъ, говорилъ что зналъ, крикамъ и толкамъ не было конца. Нерѣдко споръ кончался жестокой дракой: деревня дѣлилась на двѣ враждебныя партіи и одержавшіе верхъ гнали побѣжденныхъ, которые должны были выселяться на новыя мѣста. Часто случалось, что кто нибудь, задумавъ потолковать о важномъ дѣлѣ, влѣзалъ на кровлю мечети и оттуда сзывалъ народъ (*вѣче*). Если предложеніе не было достойно вниманія, толпа расходилась безъ негодованія на нарушителя общественнаго покоя, потому что для Чеченца всякая новость, всякій шумъ занимателенъ. Единственной основой всего общественнаго благоустройства были: судъ по *адату*, т. е. по нѣкоторымъ общепринятымъ правиламъ, установленнымъ обычаями и освященнымъ временемъ, и судъ по *шаріату*, т. е. судъ по правиламъ, изложеннымъ въ коранѣ на всевозможные случаи преступленій. Обрядъ суда по адату чрезвычайно простъ: противники, желая покончить дѣло, не прибѣгая къ кровомщенію, выбираютъ въ посредники или судьи одного или двухъ старшинъ. Старики выслушиваютъ отдѣльно каждаго изъ тяжущихся и произносятъ приговоръ. Старшинамъ за судъ ничего не платятъ; но для обвиненія необходимо, чтобы истецъ представилъ съ своей стороны одного или двухъ свидѣтелей; по недостатку свидѣтелей, виновный оправдывался присягою на коранѣ. При рѣшеніи адатомъ необходимо, чтобы судьи единогласно положили приговоръ; въ случаѣ же разногласія между стариками, тяжущіеся выбираютъ другихъ судей. Судъ по шаріату никогда не имѣлъ боль-

шого значенія въ Чечнѣ, потому что магометанское духовенство не имѣло тамъ сильнаго вліянія. Знаніе грамоты было единственное преимущество, которое имѣли чеченскіе муллы надъ своими прихожанами.

По наружности, платью и обычаямъ Чеченцы мало разнятся отъ другихъ горскихъ племенъ. Жестокость, корыстолюбіе, кровомщеніе и недовѣрчивость — преобладающіе элементы въ характерѣ Чеченца; но за всѣмъ тѣмъ онъ не чуждъ и добрыхъ качествъ. Такъ, онъ всегда чтитъ права гостепріимства; если странникъ, даже и незнакомый, проѣздомъ остановится у Чеченца на ночлегъ, то онъ обязанъ проводить своего гостя до безопаснаго мѣста или передать своему товарищу и вообще позаботиться о личной безопасности и неприкосновенности своего гостя. Если гость ограбленъ, оскорбленъ или вслѣдствіе нерадѣнія Чеченца нарушены права гостепріимства, то все общество выражаетъ свое негодованіе слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ: на дворѣ виновнаго насыпаютъ бугоръ, который онъ, разумѣется уничтожаетъ днемъ; но въ слѣдующую ночь дѣлается то же самое и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не смоетъ онъ съ себя пятна за оскорбленіе гостепріимства.

Чеченцы долины живутъ большими аулами; дома у нихъ деревянные, чистые, опрятные, съ окнами и ставнями, но безъ рамъ. Комнаты нагрѣваются каминами; въ каждомъ домѣ есть отдѣленіе для гостей, называемое *кунацкой*. Здѣсь хозяинъ проводитъ цѣлый день и только къ вечеру возвращается въ семейство. У горныхъ Чеченцевъ, гдѣ въ лѣсѣ чувствуется большой недостатокъ, дома каменные. Семейный бытъ Чеченцевъ держится всецѣло женщиной, потому что мужчины склонны къ праздности, а женщины трудолюбивы; на нихъ лежатъ всѣ хозяйственныя работы: онѣ ткутъ сукна, дѣлаютъ ковры, войлокъ и бурки, шьютъ платье и обувь.

Лезгины.

650 тыс. душъ.

Лезгины живутъ въ сосѣдствѣ съ Чеченцами и пользуются извѣстностью какъ предводители шаекъ на всемъ восточномъ Кавказѣ. Смѣлые, рѣшительные и устойчивые въ битвахъ, Лезгины долго противодѣйствовали Россіи въ утвержденіи ея господства на Кавказѣ. Изъ среды лезгинскаго народа вышли Кази-Мулла и Гамзатъ-Бекъ; оба они стремились поддержать на Кавказѣ падавшій исламизмъ, и для этой цѣли ввели ученіе—о самомъ точномъ и ревностномъ исполненіи правилъ магометанской религіи,—извѣстное подъ именемъ *мюридизма*.

Имѣя въ виду собрать разрозненныя массы горцевъ въ одно стройное общество, связанное одинаковыми законами и вѣрованіями, въ основаніи котораго было положено полное равенство между всѣми членами, Кази-Мулла и Гамзатъ-Бекъ не могли привести въ исполненіе своихъ намѣреній; они пали: одинъ—въ битвѣ съ русскими, другой погибъ въ мечети отъ кинжала горца. Но начатое ими дѣло не погибло. Наслѣдникомъ ихъ явился Шамиль—человѣкъ, одаренный необыкновенной силою воли и умомъ. Сдѣлавшись имамомъ и воспользовавшись ошибками своихъ предшественниковъ, Шамиль продолжалъ начатое дѣло съ неутомимою послѣдовательностью и должною осторожностью. Онъ окружилъ себя испытанными приверженцами, бездомниками изъ бѣднаго класса, назвавъ ихъ мюридами и поручилъ имъ наблюдать за исполненіемъ законовъ и обрядовъ магометанской религіи. Мюриды проповѣдывали *казаватъ*, т. е. священную войну за вѣру; отсюда и вся система владычества Шамиля называется *мюридизмомъ*. Шамиль велъ самую ожесточенную борьбу противъ русскихъ до 1859 года, т. е. до взятія Гуниба, послѣдняго его убѣжища, вмѣстѣ съ которымъ и самъ имамъ сдался военноплѣннымъ нашему главнокомандующему.

Вліяніе мюридизма отразилось на Лезгинахъ болѣе чѣмъ на всѣхъ другихъ горцахъ. Обладая большими умственными

способностями, они подчиняли ихъ требованіямъ мюридизма; ханженство, притворство, обманъ и шарлатанство поставили на первый планъ. Крайне лѣнивый, но жадный и корыстолюбивый, Лезгинъ не пренебрегаетъ никакими средствами для пріобрѣтенія, и за рублевую вещь не задумается оклеветать своего ближняго, подвести его подъ наказаніе, нерѣдко даже подъ смертную казнь. Шаріатъ наложилъ свою тяжелую руку и на всѣ удовольствія жизни горца: пляски, пѣніе, музыка, куреніе табаку строго преслѣдуются имъ. Такая тяжелая система понятій, насильственно прививаемыхъ народу, портила всѣ отношенія жизни, убивала и мертвила лучшія стороны ея. Женщина, по понятію Лезгина—рабочее животное; она, вмѣстѣ съ осломъ, навьюченнымъ дровами и сѣномъ, идетъ съ такой же ношей домой, гдѣ ожидаетъ ее далеко не радушный пріемъ своего господина. На обязанности женщины лежитъ также и все управленіе домашнимъ хозяйствомъ: присмотръ за скотомъ, приготовленіе кушанья, шитье платья. Если вы отдадите Лезгинкѣ сшить архалукъ, то она позоветъ нѣсколько подругъ и, при ихъ помощи, въ короткое время исполнитъ заказъ; но она не отдастъ вамъ платья до тѣхъ поръ, пока не проспитъ на немъ ночи, предварительно сложивъ самымъ аккуратнымъ образомъ всѣ складки, замѣняя вѣроятно тяжестію своего тѣла прессъ или дѣйствіе утюга. Несмотря на свое незавидное положеніе Лезгинка любитъ наряжаться и франтить: бѣлила, румяна, кораллы, жемчугъ, безчисленное множество колецъ составляютъ необходимую принадлежность ея туалета. Крашенье волосъ, бровей и выщипываніе волосистаго пуха на тѣлѣ занимаетъ ежедневно не мало времени у Лезгинки. Однакожъ красавицъ у Лезгинъ нѣтъ вовсе, тогда какъ у всѣхъ другихъ горцевъ онѣ не рѣдкость. Лезгинъ имѣетъ право держать нѣсколько женъ, но не дѣлаетъ этого потому, что и за вторую жену нужно вносить калымъ, а онъ и бѣденъ и лѣнивъ. Время онъ не цѣнитъ, любитъ глядѣть на небо, лежа у дороги, и курить запретную трубку.

Главный хлѣбъ у Лезгинъ—кукуруза; она составляетъ предметъ торговли, по преимуществу мѣновой. Торговецъ, привезя товары къ пріятелю, высылаетъ на крышу дома двухъ или трехъ дѣвочекъ; онѣ кричатъ и призываютъ по-

купателей. По этому призыву отправляются съ кукурузой десятки женщинъ совершать предлагаемый промѣнъ на фрукты, бусы, ячмень, пшеницу и т. д.

Лезгины обладаютъ значительнымъ запасомъ пѣсенъ; дѣвушки пользуются ими для выпрашиванія себѣ различныхъ подарковъ. Десять молоденькихъ пѣвицъ подходятъ къ воротамъ каждаго дома и расточаютъ похвалы хозяйкѣ или хозяину его. Принявшій къ своимъ воротамъ дѣвушекъ обязанъ взойти на крышу съ кувшиномъ воды, вылить ее на головы пѣвицъ и потомъ, по мѣрѣ возможности, надѣлить ихъ подарками или деньгами. Заработывая деньги почти безъ всякаго труда, женщина привыкаетъ къ мотовству; она не знаетъ цѣны имъ и сейчасъ же истратитъ на лакомства и бездѣлушки. Неряшество также отличительное ихъ свойство: одѣньте женщину въ дорогія матеріи, завтра же она явится вся въ грязи и пятнахъ; она носитъ новое платье до тѣхъ поръ пока останутся отъ него однѣ тряпки.

Осетины.

66 т. душъ.

Осетины живутъ въ центрѣ Кавказскихъ горъ, вблизи военно-грузинской дороги, на главномъ пути изъ Россіи въ Закавказье и въ долинахъ Терека, въ Терской области. Заключенные въ ущельяхъ и окруженные враждебными народами, Осетины терпѣли во всемъ сильный недостатокъ— даже въ насущномъ хлѣбѣ и соли. Земля удобная для хлѣбопашества прежде имѣла неслыханную цѣнность; по народной поговоркѣ земля стоитъ того животнаго, которое можетъ на ней помѣститься. Недостатокъ земли побуждалъ Осетина къ частымъ преступленіямъ: онъ убивалъ новорожденныхъ дѣтей женскаго пола въ виду недостаточныхъ средствъ къ существованію, или переселялся на южный скатъ Кавказа. Прошло немного времени и бытъ Осетинъ значительно улучшился: они вышли изъ своихъ ущелій, заняли открытую равнину, отнеслись сочувственно ко всѣмъ нововведеніямъ и въ умственномъ и нравственномъ отно-

шеніяхъ, благодаря своей воспріимчивости къ образованію, опередили всѣ горскія племена.

Осетинъ рельефно выдается своею неуклюжею наружностью: нельзя забыть его совершенно круглое, безъ всякаго выраженія или съ выраженіемъ дикости лицо, его маленькій ростъ, черные или бѣлокурые волосы и голубые глаза. Нѣтъ въ Осетинахъ ни наѣздническої легкости кабардинцевъ, ни лезгинской любви къ вѣрѣ и свободѣ. Изъ всѣхъ горцевъ они самый слабый и клятвопреступный народъ Кавказа.

Жилища Осетинъ различны: въ мѣстахъ безлѣсныхъ они сдѣланы изъ камня, а въ лѣсистыхъ—изъ дерева. Дома зажиточныхъ нерѣдко удивляютъ путешественниковъ: представьте себѣ четырехъугольное каменное строеніе въ нѣсколько этажей, окруженное высокой стѣной, съ четырьмя небольшими караульными башнями, на которыя подымаются по приставленнымъ лѣстницамъ, и вы будете имѣть понятіе о жилищѣ богатаго Осетина. Деревянные дома не видны и неудобны; они бросаются въ глаза своею численностью, особенно если семейство большое; тогда дворъ имѣетъ видъ деревушки, въ которомъ находится отъ 6 до 10 строеній и носитъ названіе *кау*, т.-е. семейный дворъ. Внутренняя обстановка жилья Осетина нѣсколько лучше чѣмъ у другихъ народовъ Кавказа; у нихъ есть мебель, т.-е. скамьи, стулья, столы и кровати съ рѣзьбой; хлѣбъ печется въ золѣ и по преимуществу изъ ячменя, безъ соли, въ видѣ тонкихъ лепешекъ; говядину и баранину употребляютъ только богатые, бѣдные же ѣдятъ свинину. Между Осетинами каждый самъ заботится о ближайшихъ своихъ потребностяхъ, приготовляетъ порохъ, пули, сукно, кожаныя вещи и сыръ, извѣстный по своимъ хорошимъ качествамъ на всемъ Закавказьи. Воздѣлываніе полей и присмотръ за скотомъ возлагается на женщинъ.

Законы у Осетинъ замѣняются нравами и обычаями. Кровомщеніе у нихъ играетъ важную роль: „я добросовѣстно отмстилъ за тебя,“ говоритъ обыкновенно Осетинъ на могилѣ своего родственника, по совершеніи кровавой мести. Кто поймаетъ вора, можетъ бить его сколько угодно; но если нанесетъ ему увѣчье, то платитъ пеню: за изуродованіе носа—сто коровъ, за увѣчье руки, глаза и ноги—плата равна

лишенію жизни. Похищеніе женщины ставится наравнѣ съ убійствомъ. Общественное положеніе женщины совершенно свободное: она не запирается, не закутывается, не чуждается мужчинъ, участвуетъ во всѣхъ играхъ и пиршествахъ, искусно ѣздитъ верхомъ и пьетъ вино какъ мужчина, но умѣреннѣе. Принятіе дѣвицей бутылки вина означаетъ согласіе ея на предложеніе вступить въ бракъ. Чѣмъ болѣе сватаются за дѣвушку, тѣмъ она болѣе уважается, тѣмъ выше цѣна за ее. Послѣ взаимнаго съ обѣихъ сторонъ соглашенія, назначается день свадьбы. Женихъ, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ приходитъ въ домъ невѣсты и угощаетъ всѣхъ обѣдомъ. На другой день тоже повторяетъ онъ у ближайшаго сосѣда и отводитъ невѣсту въ свой домъ, гдѣ она садится на возвышенное мѣсто, и окруженная женщинами, сидитъ безмолвно до перваго пѣнія пѣтуха. Послѣ перваго крика пѣтуха, подходитъ къ ней особо приглашенный мальчикъ, снимаетъ съ нея покрывало, разрываетъ его на куски и прикрѣпляя ихъ къ липовой палкѣ, говоритъ: „девять мальчиковъ и одну дѣвушку“ *). Этимъ она объявляется хозяйкой и начинается ея служба, т.-е. когда гости сядутъ за свадебный столъ она должна прислуживать.

Большая часть Осетинъ христіане греческаго закона и притомъ христіане весьма древніе, чему не маловажнымъ доказательствомъ служатъ многія церковныя торжества, до которыхъ Осетины страстные охотники; меньшинство—магометане (ихъ считается до 15 тыс.). Какъ тѣ, такъ и другіе къ своимъ вѣрованіямъ примѣшиваютъ и языческіе обряды. У нихъ есть священныя рощи, гдѣ на алтарь приносится въ жертву хлѣбъ, рыба и мясо; есть у нихъ вѣщуны, колдуны, пророки, которые одарены способностью предсказывать будущее, которымъ доступны разныя видѣнія и разговоры съ умершими и святыми. Особеннымъ почетомъ у Осетинъ пользуется покровитель и заступникъ Осетіи, св. пророкъ Илія. Пещера, посвященная этому святому, и состоящая, будто бы, изъ смарагда, считается народной святыней и грабежи здѣсь не допускаются. Одинъ разъ въ годъ

---

*) Намекая этимъ, чтобы молодая подарила семьѣ больше мужчинъ чѣмъ женщинъ.

священникъ входитъ въ эту пещеру для приношенія жертвы и получаетъ, будто бы, на слѣдующій годъ даръ пророчества.

Не лишены интереса и похоронные обряды нехристіанскихъ Осетинъ. Народъ этотъ убѣжденъ, что каждый изъ нихъ въ будущей жизни будетъ жить полнымъ своимъ хозяйствомъ. Покойника одѣваютъ во все новое, кладутъ ему хлѣбъ и вино, потомъ къ могилѣ подводятъ его коня и конецъ узды даютъ умершему въ руки; вмѣстѣ съ конемъ обводятъ кругомъ могилы неутѣшную вдову и, отрѣзавъ у нея косу, бросаютъ покойнику, чтобы тотъ скорѣе могъ узнать свою жену на томъ свѣтѣ.

Абхазцы, или Азра.

145 тыс. душъ.

Абхазцы живутъ на восточномъ берегу Чернаго моря, на протяженіи 130 верстъ, между рѣками Ингуромъ и Бзыбью. Мѣстность, извѣстная подъ именемъ Абхазіи, богата лѣсами, разнаго рода плодами и хлѣбными растеніями; но ни садоводствомъ, ни хлѣбопашествомъ не любятъ заниматься жители и потому оба эти промысла находятся у нихъ въ первобытномъ состояніи. Жаркій климатъ лѣсистаго и болотистаго прибрежья Абхазіи своею сыростью способствуетъ развитію лихорадокъ и горячекъ, и только горные склоны имѣютъ климатъ умѣренный и здоровый. Знаменита Абхазія своимъ медомъ, свинцомъ и желѣзомъ. Сами Абхазцы хорошо приготовляютъ оружіе изъ стали, извѣстной своей добротой и порохъ изъ собственной же селитры. Народъ этотъ, съ дикимъ, непривѣтливымъ выраженіемъ, можно сказать, избалованный дарами природы, представляетъ собою образецъ безпечности, лѣни и неподвижности. Если случится что потечетъ кровля жалкой сакли Абхазца, то онъ скорѣй сгинетъ подъ дождемъ, чѣмъ рѣшится запачкать руки въ глинѣ, чтобы замазать дыру кровли. По его понятію, взяться одною и тою же рукой за кинжалъ и за какую нибудь вещь домашняго хозяйства—преступленіе. Семейная жизнь Абхазца сказывается болѣе всего зимой. Зима въ Абхазіи начинается съ января и продолжается до марта;

впрочемъ зимы въ собственномъ смыслѣ здѣсь нѣтъ; это— осень съ непрестанными дождями и непроходимой грязью, которая страшными потоками бѣжитъ съ горъ, совершенно прекращая всякое сообщеніе. Абхазецъ остается въ безвыходномъ положеніи; закупориваясь на два мѣсяца въ свою саклю, онъ изнываетъ въ тоскѣ. Онъ не знаетъ какъ скоротать эти два томительные мѣсяца, представляющіеся ему двумя годами. Безъ счету смажетъ онъ свой кинжалъ саломъ, разберетъ винтовку отыскивая въ ней крапинку ржавчины, которая дала бы ему дѣла на цѣлый день, безъ счету побьетъ и приголубитъ босыхъ и голыхъ ребятишекъ, посидитъ у очага пылающаго съ утра до вечера, побросаетъ въ огонь сухаго хвороста, навѣститъ своего любимаго коня, побранится съ женой, изливая на нее всю досаду за непогоду. Жена, по его понятію, не болѣе какъ старшее животное въ домѣ. На ней лежитъ самая тяжелая и грязная работа, и мужъ считаетъ за грѣхъ и позоръ облегчить трудъ своей жены, или выразить участіе при ея нездоровьи. Заболѣетъ лошадь—Абхазъ въ тревогѣ, въ горѣ; заболѣетъ жена—онъ безпокоится гораздо менѣе.

Любимое удовольствіе, веселый праздникъ и развлеченіе для горца составляетъ *джигитовка*—ихъ національное игрище. Въ назначенный для джигитовки день собираются на арену изъ ближайшихъ ауловъ молодые люди въ полномъ вооруженіи, щеголяя своими красивыми конями. Арена эта— ближайшее къ аулу поле, по которому тамъ и сямъ разставлены шесты съ надѣтыми на нихъ кабардинкими. Вся задача горца—пронестись вихремъ по аренѣ и сбить на всемъ скаку брошеннымъ вверхъ кинжаломъ или выстрѣломъ изъ пистолета кабардинку. Торжество побѣдителя бываетъ неописанно; весь аулъ поздравляетъ его, называя *джигитомъ* и слава о его ловкости распространяется по дальнимъ ауламъ. При неудачѣ, насмѣшкамъ и остротамъ нѣтъ конца.

Въ жизни горца, какъ и въ жизни каждаго человѣка есть свои радости, печали и неудачи. Бѣда, если несчастіе и горе перельются черезъ край его терпѣнія, тогда онъ проклянетъ себя, его окружающихъ и вообще всѣхъ людей. Жизнь для него дѣлается самой тяжелой, самой несносной, наполненной тьмою отвратительныхъ злодѣйствъ и неистовствъ. Онъ дѣлается *абрекомъ*. Абрекъ, по истинѣ, есть

самый страшный звѣрь горъ, опасный для своихъ и чужихъ. Проливать кровь, чья бы она ни была все равно для абрека. Дитя ли, женщина, или старикъ безсильный, была бы жертва, была бы жизнь, которую онъ могъ бы отнять, съ опасностью потерять свою собственную. Онъ разорвалъ узы дружбы и родства, онъ отказался отъ любви, чести и состраданія— словомъ отъ всѣхъ чувствъ, которыми отличается человѣкъ отъ звѣря.

Развалины церквей и монастырей, сохранившіеся до сихъ поръ въ Абхазіи, доказываютъ, что народъ этотъ нѣкогда исповѣдывалъ христіанскую вѣру, которая была потомъ полузабыта. Въ началѣ прошлаго столѣтія явились изъ Турціи муллы проповѣдывать ученіе Магомета и успѣли отклонить Абхазцевъ отъ христіанства; но муллы не вполнѣ достигли своей цѣли; они не умѣли прочно запечатлѣть въ горцахъ правилъ своей религіи, такъ что вѣра Абхазцевъ представляетъ смѣсь христіанства, язычества и магометанства.

Огнепоклонники.

700 душъ.

Окрестности Баку заслуживаютъ особеннаго вниманія по множеству трещинъ, изъ которыхъ вытекаетъ водородный газъ. Отъ соприкосновенія съ кислородомъ воздуха этотъ газъ воспламеняется и горитъ. Парсы, потомки древнихъ Персовъ, приходятъ сюда на поклоненіе этимъ огнямъ какъ символу всемогущаго существа или даже какъ самому воплощенному божеству. Въ 17 верстахъ отъ Баку лежитъ мѣстечко *Атешъ-га* (огненная земля), главная святыня всѣхъ огнепоклонниковъ. Подобно большинству монастырей, здѣсь выстроена большая стѣна съ четырьмя высокими трубами, чрезъ которыя выходитъ подземный огонь. Въ срединѣ обширнаго двора находится главный храмъ—мѣсто собранія огнепоклонниковъ для отправленія торжественнаго богослуженія. Храмъ этотъ представляетъ собою четыреугольную башню, поддерживаемую четырьмя столбами. Въ срединѣ замыкаемаго ими пространства находится котлообразное углубленіе, въ которомъ съ незапамятныхъ временъ горитъ

газъ, проведенный сюда черезъ трубу. Тотъ же горючій газъ течетъ и на верхъ башни въ четыре резервуара, стоящіе по угламъ. Вокругъ двора расположены 22 кельи, подобныя кельямъ нашихъ монастырей; всѣ онѣ очень малы и кромѣ ковра не имѣютъ никакой утвари. Обитатели этихъ келій черезъ проведенныя трубы могутъ получать свѣтъ и тепло, зажигая газъ. Церемонія богослуженія начинается колокольнымъ звономъ; за тѣмъ слѣдуетъ громкое моленіе вѣрующихъ, сопровождаемое различными жестами и тѣлодвиженіями. По окончаніи служенія, всѣ присутствующіе бросаются на землю и высшее духовное лицо окропляетъ ихъ священной водой.

Кромѣ вещественнаго огня, Парсы обожаютъ небесныя свѣтила и не предпринимаютъ ничего важнаго не посовѣтовавшись напередъ съ звѣздами.

Умершихъ своихъ они не зарываютъ въ землю и не сожигаютъ, подобно индѣйцамъ, а выставляютъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ; оставшіяся кости собираютъ потомъ и сохраняютъ въ сухомъ мѣстѣ.

IX. СИБИРСКІЕ НАРОДЫ.

Самоѣды.

22 тыс. душъ.

Народъ этотъ природою поставленъ въ необходимость жить на безплодныхъ равнинахъ сѣвера, называемыхъ *тундрами*, переносить стужу и всевозможныя лишенія. Начинаясь на крайнемъ сѣверѣ морскимъ гранитомъ, тундра потянулась къ югу огромнымъ болотомъ со всѣми его особенностями. Желтоватые мхи и сѣрые лишаи образуютъ некрасивый коверъ, на которомъ изрѣдка, какъ диковинка, появляются тощія травы и кочки; кочки эти единственныя почти сухія мѣста по тундрѣ и на всемъ этомъ пустын-

номъ пространствѣ право исключительнаго господства принадлежитъ только волку, оленю, да мелкимъ лѣснымъ звѣрямъ; человѣкъ здѣсь временный гость и то по зимамъ, Лѣтомъ, когда отъ жаркихъ солнечныхъ лучей растаетъ тундра на $^3/_4$ арш. въ глубину, она покрывается, кромѣ ягеля, или бѣлаго моха, даже кое-гдѣ зеленью и появляется множество комаровъ и оводовъ; съ наступленіемъ осени все это исчезаетъ, оттаявшій верхній слой тундристыхъ болотъ застываетъ и, въ концѣ января, становится сплошною ледяною массою, покрытою ослѣпительной бѣлизны снѣгомъ. Въ это-то время начинается переселеніе лѣснаго звѣря; огромными вереницами бѣгутъ, подъ предводительствомъ своего королька—горностая, различныя породы мелкихъ лѣсныхъ звѣрей; между ними появляются куница, песецъ, лисица и наступаетъ для хозяина тундры рабочая пора, обезпечивающая его матеріальное благосостояніе. Этотъ хозяинъ — Самоѣдъ. Самоѣды заселяютъ обширныя пространства по ту и по сю сторону уральскаго хребта отъ береговъ Ледовитаго моря до верхнихъ частей Енисея и раздѣляются на Самоѣдовъ мезенскихъ, обдорскихъ, березовскихъ, томскихъ и друг. Общее число ихъ простирается до 22 тыс. душъ *). Самоѣды получили свое названіе отъ господствовавшаго въ старину мнѣнія, будто бы эти дикари пожирали другъ друга, что — несправедливо. Правда только, что они ѣдятъ сырое мясо, и русскіе, видѣвшіе это, назвали ихъ *сыроядью*. Собственно же Самоѣдъ—финское слово и обозначаетъ обитателя болотныхъ странъ.

Въ физіономіи Самоѣдовъ ясно выражаются черты монгольской расы: широкое, съ выдавшимися скулами лицо, толстыя губы, широкій и приплюснутый носъ, узкіе глаза, и черные волосы. Жилище Самоѣдовъ есть ничто иное, какъ конусообразный шатеръ, называемый *чумомъ*; лѣтомъ онъ обшивается берестой, а зимой оленьими шкурами. Вверху чума оставляется отверстіе для дыма. Мѣсто противъ двери—*синикуй* почитается самымъ священнымъ и служитъ хранилищемъ лучшихъ вещей и лакомыхъ съѣстныхъ припасовъ, а также и идоловъ, къ которымъ хозяинъ обращается съ различными просьбами; и чтобы расположить ихъ къ

*) Въ Архангельской губ., живетъ до 5 тыс. душъ.

себѣ, приноситъ имъ жертвы, т. е. мажетъ ихъ кровью и жиромъ. Никакая *иньѣка* (самоѣдка) не смѣетъ переступить черезъ синикуй; это значило бы осквернить святыню. Вторая принадлежность чума — неугасаемый огонь; онъ разводится посрединѣ чума, подъ верхнимъ отверстіемъ, куда выходитъ дымъ. Вокругъ огня, съ сложенными на крестъ ногами сидятъ Самоѣды; здѣсь же грѣются собаки и ползаютъ грязныя, нагія дѣти. Вотъ образецъ всякаго чума. И чумъ богатаго хозяина отъ чума бѣднаго отличается только большимъ объемомъ или большимъ количествомъ оленьихъ шкуръ. Къ свойствамъ климата принаровлена у нихъ и одежда. Мужчины носятъ вмѣсто рубашки *малицу*, сшитую изъ оленьей шкуры; сверху малицы надѣваютъ *савикъ*, который отличается отъ малицы капюшономъ, накидывающимся въ сильную стужу на голову; обувь ихъ состоитъ изъ мѣховыхъ чулокъ, на которые надѣваются кожаные сапоги или мѣховые котики.

Пища Самоѣдовъ состоитъ изъ хлѣба, оленьяго мяса, свѣжей и соленой рыбы, дикихъ птицъ и ягодъ. Оленье мясо предпочитается всякой другой пищѣ; оно употребляется вареным, сушенымъ, жаренымъ и сырымъ; послѣднее съѣдается даже съ бо̀льшимъ удовольствіемъ. Закалыванье оленя и съѣданіе его составляетъ праздникъ въ семьѣ; мужчины съ наслажденіемъ ѣдятъ мясо и пьютъ теплую кровь; только бѣдныя иньки ограничиваются объѣдками; не съѣденное же мясо убираютъ въ синикуй. Къ пищѣ Самоѣдовъ должно отнести и табакъ, который они съ удовольствіемъ жуютъ.

Главное занятіе Самоѣдовъ—оленеводство. Въ тундрѣ нельзя быть безъ оленя. Олень, вѣрный товарищъ Самоѣда, перевозитъ его семью съ одного мѣста на другое, самъ отрываетъ себѣ изъ подъ снѣга бѣлый мохъ, доставляетъ хозяину одежду—своими шкурами, пищу—своимъ мясомъ, веревки—жилами; наконецъ кровь оленя употребляется какъ лѣкарство. Олень побуждаетъ человѣка вести кочевой образъ жизни; онъ остается на одномъ мѣстѣ пока есть кормъ; но какъ только мохъ съѣденъ, олень идетъ далѣе, а вмѣстѣ съ нимъ тащится и Самоѣдъ со всѣмъ своимъ семействомъ и хозяйствомъ. Въ полчаса сооружается чумъ (эта работа

лежитъ постоянно на инькѣ) и жизнь Самоѣда вошла въ обыкновенную колею до новой кочевки.

Инька, по понятію Самоѣдовъ,—нечистое существо; съ ней обращаются небрежно, безчеловѣчно; она не смѣетъ ѣсть съ своимъ мужемъ, не имѣетъ права ходить около огня или около саней при укладкѣ вещей, и Самоѣдъ, убившій свою жену не мало удивится, когда его „за такіе пустяки“ позовутъ на судъ. „Она моя собственность, слѣдовательно и располагать ею могу какъ мнѣ вздумается“, говоритъ онъ. Дочерямъ Самоѣды оказываютъ больше симпатіи и неохотно выдаютъ ихъ замужъ. Число женъ у Самоѣдовъ зависитъ отъ состоянія каждаго, потому что пріобрѣтеніе жены требуетъ значительныхъ издержекъ; цѣна за невѣсту зависитъ отъ молодости и красоты ея; нерѣдко даютъ за невѣсту до 200 оленей, болѣе ста песцовъ, нѣсколько лисицъ, да мѣдный котелъ.

Религіозныя вѣрованія Самоѣдовъ доказываютъ всего болѣе недостатокъ ихъ нравственнаго развитія: главное божество они называютъ Нумомъ, который создалъ вселенную и управляетъ ею; онъ, какъ древній Юпитеръ, ниспосылаетъ громъ, молнію, дождь и снѣгъ. Самоѣды даже поэтически украшаютъ его, называя радугу окраиной его мантіи. Нуму подвластны второстепенные боги: камни, деревья или какіе нибудь предметы, замѣчательные по своей формѣ. Если случится Самоѣду набрести на такой предметъ, то онъ укладываетъ его въ сани и везетъ домой; если же идолъ очень великъ, такъ что не укладывается въ сани, то становится общей народной святыней. На островѣ Вайгачѣ есть утесъ, похожій на человѣческую фигуру; не рука художника сдѣлала его, а капризъ природы. Чудесность его явленія усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что никто не знаетъ откуда онъ взялся. Самоѣды вѣрятъ въ чудотворную силу этого камня и, по образцу его, надѣлали себѣ много большихъ и малыхъ идоловъ; они приносятъ ему въ жертву оленей и молятъ его о содѣйствіи въ промыслахъ. Впрочемъ, въ случаѣ неудачи, они сѣкутъ и бьютъ своихъ боговъ. Въ жизни Самоѣдовъ важную роль играютъ колдуны—*тадибы*, или *шаманы*, которые, пользуясь невѣжествомъ и легковѣріемъ полудикаго народа, обманываютъ его фантастическими выдумками и пріобрѣтаютъ надъ

нимъ огромную власть. Нужно ли спросить о чемъ божка, Самоѣдъ призываетъ тадиба; тадибъ, подъ звуки барабана поетъ пѣснь, въ которой излагается просьба. Звуки барабана, по мнѣнію Самоѣдовъ, выводя боговъ изъ соннаго состоянія, приводятъ тадиба въ состояніе вдохновенія и тогда онъ прорицаетъ волю бога. Шарлатанство всегда оканчивается принесеніемъ въ жертву оленя, съѣдаемаго тутъ же. Самой страшной клятвой, считается клятва на медвѣжьей мордѣ; медвѣдь, по мнѣнію Самоѣда, вовсе не животное, а подъ его пушистой мордой скрывается человѣческій образъ, соединенный съ божественною силою и мудростью; поэтому говорятъ о немъ всегда съ благоговѣніемъ. Шаманство почти всегда наслѣдственно. Но не каждый обладаетъ нужными для него свойствами. Такъ иной, какъ бы ни старался, не можетъ познакомиться ни съ однимъ духомъ; другому напротивъ всѣ духи объявятся сами. Готовящійся въ шаманы ищетъ одиночества, питается только травами, упражняется на барабанѣ и мало по-малу пріобрѣтаетъ способность вдохновляться и прорицать. Между немногими религіозными обрядами Самоѣдовъ, обращаютъ на себя вниманіе погребальные. Если кто нибудь изъ семьи умретъ въ самомъ чумѣ, то, проломавъ стѣну въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, выносятъ его чрезъ это отверстіе въ лѣсъ и опускаютъ въ деревянный срубъ, вмѣстѣ съ оставшейся послѣ него одеждой, ложками, чашками, топоромъ и проч., которые умершій употреблялъ при жизни; всѣ эти вещи должны быть поломаны, въ знакъ того, что на томъ свѣтѣ они употребляются въ другомъ видѣ. Надъ могилой приносятъ въ жертву оленя, съѣдаютъ его и возвращаются въ чумъ, не иначе какъ черезъ огонь, окурившись предварительно оленьимъ жиромъ. Маленькихъ дѣтей вовсе не хоронятъ, а вѣшаютъ на деревьяхъ, въ ящикахъ, въ виду того, что они, какъ существа чистыя, должны быть ближе къ Нуму.

Обреченные судьбою на безпрерывную борьбу съ природой, Самоѣды трудолюбивы, терпѣливы, вѣрны данному слову, но за то со всею страстію предаются спиртнымъ напиткамъ; за вино они охотно отдаютъ предметы, доставшіеся имъ съ величайшимъ трудомъ; эта страсть до такой степени поколебала матеріальное благосостояніе Самоѣдовъ

что нѣкоторые изъ нихъ, владѣвшіе стадами въ тысячу оленей, нанимались въ пастухи къ этимъ же стадамъ и благодарили еще своихъ хозяевъ, за то что не пустили ихъ по міру, а взяли въ кабалу.

Общая черта характера всѣхъ Самоѣдовъ есть какое-то мрачное воззрѣніе на жизнь и ея условія. Эти *„ледяные люди“* безъ сожалѣнія оставляютъ жизнь, которая приноситъ имъ не радости и наслажденія, а лишенія. Они недовѣрчивы и скрытны, упорно держатся за старые обычаи, еще упорнѣй борются противъ всѣхъ нововведеній.

Самоѣды живутъ въ Европѣ и Азіи: число ихъ простирается до 22 тыс. человѣкъ.

Остяки.

25 тыс. душъ.

Остяки, въ числѣ 25000 человѣкъ, живутъ по берегамъ сибирскихъ рѣкъ: Оби, Енисея и ихъ притоковъ. Что такое Обь? вы спрашиваете Остяка: „это наша кормилица, богъ, котораго мы чтимъ болѣе другихъ боговъ,“ отвѣтитъ онъ; и дѣйствительно, Обь для Остяка—то же что пашня для земледѣльца,—что лугъ для скотовода. Лишь только рѣка освободится отъ льда, что бываетъ въ началѣ іюня, потянутся безчисленныя стаи лососей и осетровъ, которые осенью снова возвращаются въ море; между тѣмъ какъ мелкая рыба остается круглый годъ. Лососина и осетръ составляютъ главный предметъ торговли для Остяка; менѣе цѣнную рыбу онъ ѣстъ самъ, или кормитъ ею собакъ. Расположившись на цѣлое лѣто, на берегу любимой рѣки, Остякъ устраиваетъ свое временное жилище, т. е. ставитъ *чумъ*. Поставить чумъ—дѣло получаса: для этой цѣли втыкаютъ въ землю 60 кольевъ, связываютъ ихъ вверху такъ, чтобъ оставалось отверстіе для выхода дыма; потомъ обшиваютъ его берестой. Такъ живетъ онъ до осени. Осенью уже не удобно оставаться Остяку въ воздушной лѣтней юртѣ и онъ подумываетъ какъ бы удалиться въ лѣса, куда влечетъ его охота за пушнымъ звѣремъ и гдѣ найдетъ онъ болѣе защиты отъ леденящаго зимняго вѣтра. На зимовку обык-

новенно Остяки выбираютъ возвышенное, безопасное отъ наводненій мѣсто, близъ какой-нибудь рѣки, гдѣ они удачно добываютъ себѣ изъ-подо льда скудную пищу. Зимнее жилище Остяка—землянка съ глинянымъ очагомъ въ углу; окно замѣняется отверстіемъ въ стѣнѣ или крышѣ, которое на зиму прикрывается у богатыхъ—пузыремъ, у бѣдныхъ—кускомъ льда. Остякъ—невысокаго роста, слабосиленъ, но работящъ, робокъ и простодушенъ; любитъ рыболовство, а зимой охотится за пушными звѣрями. Услужливость и честность составляютъ отличительныя его свойства. Остякъ никогда не покинетъ друга въ нуждѣ, никогда не запретъ дверей просящему убѣжища, но охотно дѣлится съ своимъ ближнимъ всѣмъ, что имѣетъ; богатый считаетъ долгомъ помогать бѣдному. Воровства почти никогда не бываетъ и въ домѣ нѣтъ ни замковъ, ни запоровъ. Нечистоплотность, общая черта всѣхъ рыбачьихъ народовъ, встрѣчается въ одинаковой степени и на берегахъ Норвегіи и на берегахъ Оби. Многія изъ занятій рыбака сами по себѣ уже грязны, а дымъ, съ своей стороны, еще болѣе способствуетъ нечистотѣ тѣсной хижины. Кромѣ Остяковъ, исключительно питающихся и промышляющихъ рыбой, есть и такіе, которые въ то же время занимаются оленеводствомъ. По нижнему теченію Иртыша живутъ обрусѣвшіе Остяки, утратившіе, кромѣ языка, всѣ свои характеристическія особенности; они живутъ осѣдло, занимаются земледѣліемъ, строятъ избы, а на зиму нанимаются въ ямщики. Остяки распадаются на множество родовъ или племенъ; во главѣ каждаго рода стоитъ старшина, обязанный заботиться о сохраненіи порядка и согласія въ родѣ, а равно и—обычаевъ, унаслѣдованныхъ ими отъ предковъ. Остякъ упрямо противится всѣмъ нововведеніямъ; онъ боится, что дитя, научившись читать и писать, не будетъ вести дикаго образа жизни, и потому не любитъ школу и всячески старается не пускать въ нее своихъ дѣтей. Какъ держится Остякъ за обычаи своихъ отцовъ, также точно крѣпко держится онъ и за наслѣдованную имъ религію. Каждый родъ имѣетъ своихъ кумировъ, которые хранятся въ особыхъ юртахъ, называемыхъ *божьи юрты*; эти юрты находятся въ завѣдываніи духовнаго лица—*шамана*, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ. Остяки не любятъ выставлять своихъ идоловъ

на показъ постороннимъ людямъ и устраиваютъ священныя юрты въ мѣстахъ отдаленныхъ, мало посѣщаемыхъ, большею частію въ лѣсахъ. Одни изъ идоловъ, по понятію Остяка, покровительствуютъ стадамъ, другіе—хорошему улову, третьи служатъ хранителями во время путешествій. Остяки, подобно Самоѣдамъ, наряжаютъ идоловъ въ красныя одежды съ разными украшеніями и предназначаютъ имъ во время путешествія особыя сани.

Бракъ у Остяковъ есть чистая покупка женъ; женихъ предлагаетъ отцу невѣсты отъ 10 до 50 рублей, и если послѣдовало согласіе послѣдняго, то совершается бракъ. На женщину смотритъ Остякъ какъ на рабыню въ полномъ смыслѣ этого слова; мало того, онъ считаетъ ее существомъ нечистымъ, которое, чувствуя свое глубокое униженіе, должно покоряться всѣмъ прихотямъ мужа. На обязанности жены лежитъ: приготовить припасы на зиму, прясть нитки, выдѣлывать кожи, шить платья для себя и для семейства.

Главнымъ торговымъ пунктомъ Остяковъ служитъ городъ *Обдорскъ,* куда пріѣзжаютъ они на ярмарку. Ежедневно приходятъ сюда многочисленныя толпы сыновей и дочерей тундры, одѣтыя въ широкія, неуклюжія шубки, подъ которыми скрыты дорогія шкуры звѣрей. Остякъ тайнымъ образомъ продаетъ свой товаръ, потому что боится своего кредитора, русскаго купца, если тотъ поймаетъ его въ сдѣлкѣ съ другимъ купцомъ; лишеніе привезеннаго имущества есть меньшее наказаніе, которое ожидаетъ виновнаго; поэтому Остякъ крадется къ купцу, своему пріятелю, и потихоньку заключаетъ съ нимъ торгъ. Напрасно бы стали искать здѣсь ту веселую привлекательность, какую можно ожидать отъ ярмарки; робость и таинственность характеризуютъ Обдорскую ярмарку; главные предметы торговли ея составляютъ пушной товаръ, оленьи шкуры, перья, оленина, мерзлые осетры, мамонтова кость и т. п. Къ концу февраля дикари исчезаютъ снова въ лѣса и Обдорскъ, до начала будущей зимы, предоставленъ покою и одиночеству.

Тунгусы.

70 тыс. душъ.

Первое извѣстіе о Тунгусахъ русскіе получили отъ енисейскихъ остяковъ. Тунгусы въ числѣ 70000 занимаютъ огромное пространство отъ Енисея до Охотскаго моря и отъ Китайской границы до Ледовитаго океана. Исторія Тунгусовъ чрезвычайно любопытна: часть этого племени— *Манджуры*, 350 лѣтъ тому назадъ, такіе же кочевники, покорили треть всего рода человѣческаго, сдѣлались обладателями громаднѣйшаго государства, имѣютъ богатую литературу и языкъ ихъ сдѣлался придворнымъ языкомъ въ Пекинѣ; между тѣмъ то же племя въ Сибири побѣждено нѣсколькими казацкими удальцами; покоренные и обнищалые Тунгусы и теперь также грубы и невѣжественны, какъ въ то время, когда казаки познакомились съ ними впервые.

По занятіямъ и различнымъ животнымъ, удовлетворяющимъ ихъ нуждамъ, Тунгусы раздѣляются на a) оленныхъ, которые кочуютъ съ своими стадами, состоящими изъ тысячи и болѣе оленей, b) собачьихъ, c) скотоводныхъ, живущихъ въ степяхъ и занимающихся разведеніемъ рогатаго скота, козъ, овецъ и верблюдовъ, d) конскихъ, e) береговыхъ и f) лѣсныхъ. Звѣроловы употребляютъ луки, стрѣлы, рогатины и силки; на звѣриный промыселъ они ходятъ по одиночкѣ и потому не мало погибаетъ ихъ отъ несчастныхъ приключеній.

Обѣднѣвшій Тунгусъ, у котораго стадо истребилось отъ падежа, живетъ рыбакомъ по рѣкамъ, и здѣсь изъ домашнихъ животныхъ остается при немъ только одна собака, служащая для перевозки тяжестей. Только крайняя нужда можетъ заставить Тунгуса бросить свою свободную жизнь въ лѣсахъ, потому что онъ кочевникъ со всею страстію души. Своею ловкостью, беззаботностью и проворствомъ, веселый Тунгусъ отличается отъ мрачнаго самоѣда, непривѣтливаго якута и неуклюжаго остяка и потому называютъ его французомъ тундры. Нравственно онъ впрочемъ гораздо хуже, потому что хитеръ и пронырливъ. Любимымъ

удовольствіемъ Тунгуса считается прыганье черезъ веревочку и игра въ шахматы. Въ одеждѣ Тунгуса нельзя не замѣтить нѣкотораго щегольства: платье его изъ прокопченной замши, обыкновенно изукрашено бусами, полосками сукна и конскими волосами; на головѣ онъ носитъ татарскую ермолку, также унизанную бусами, черезъ плечо перекинута перевязь, на которой виситъ трубка, кисетъ съ табакомъ, огниво, трутъ и кремень. Охотничьи снаряды Тунгуса необыкновенно просты: короткое ружье, очки отъ снѣга, мѣшокъ съ вяленымъ мясомъ, собака и лыжи, имѣющія видъ лодки съ загнутымъ вверхъ носомъ. Съ помощію лыжъ, онъ, какъ стрѣла, носится по ослѣпительно бѣлой поверхности и, кромѣ очковъ, защищаетъ свои глаза отъ отраженія свѣта сплетенною изъ конскихъ волосъ сѣтью.

Относительно пищи и питья Тунгусы не разборчивы; они ѣдятъ и пьютъ что попадется; съ большой охотой употребляютъ они даже содержимое желудка оленя и пьютъ кирпичный чай съ жиромъ и ягодами. Отъ этого нездороваго кушанья Тунгусы, желтые и по природѣ, еще болѣе желтѣютъ.

Весьма немногіе изъ Тунгусовъ обратились въ христіанство; большею же частію они по прежнему чтутъ своихъ шамановъ. Тунгусы не любятъ погребать умершихъ, а кладутъ покойниковъ, обыкновенно одѣтыхъ въ праздничныя платья, въ большіе ящики, которые вѣшаютъ между деревьями. Охотничьи снаряды умершаго зарываются въ землю подъ ящикомъ. При погребеніи нѣтъ никакихъ празднествъ; развѣ случится по близости шаманъ, тогда приглашаютъ его, прирѣзываютъ сѣвернаго оленя, который и поѣдается родственниками покойника. Женщина Тунгуска покупается какъ товаръ отъ 20 до 100 сѣверныхъ оленей, или женихъ долженъ выкупать свою жену продолжительной кабалой. Многоженство не запрещается и многіе имѣютъ по пяти женъ. Сочетаніе половъ совершается въ ранней юности: пятнадцатилѣтніе вдовцы и двѣнадцатилѣтнія вдовы у нихъ не рѣдкость.

Тунгусы вмѣстѣ съ якутами перевозятъ путешественниковъ восточной Сибири по неизмѣримымъ лѣсамъ. Пріѣхавъ на ночлегъ, они немедленно зажигаютъ костеръ, и заваривъ въ желѣзномъ котлѣ чай, водятъ хороводы, прыгаютъ черезъ веревочку, или пускаютъ стрѣлы.

Главнымъ торговымъ пунктомъ для Тунгусовъ служитъ городъ *Охотскъ*. Мѣстность Охотска производитъ унылое впечатлѣніе на путешественника; на десять миль кругомъ не растетъ ни одного дерева и среди бѣдныхъ разбросанныхъ хижинъ протянулось болото, испускающее вредныя испаренія, способствующія развитію болѣзней. Всѣ потребности привозятся только лѣтомъ изъ другихъ городовъ и потому естественно страшно дороги. Мясо является только за столомъ богатыхъ людей, а хлѣбъ считается роскошью. Естественнымъ слѣдствіемъ такой плохой пищи является цынга.

Якуты.

180 тыс. душъ.

Якуты живутъ по Вилюю, Алдану, Ленѣ и Индигиркѣ, въ числѣ 180 т. человѣкъ и составляютъ преобладающее населеніе Якутской области. Якуты представляютъ намъ замѣчательное явленіе въ томъ отношеніи, что этотъ народъ не подчинился вліянію побѣдителей, а самъ *нравственно* подчинилъ ихъ себѣ, передавъ имъ свои нравы и обычаи. Въ Якутскѣ слышна болѣе якутская рѣчь чѣмъ русская, потому что всѣ тамошніе ремесленники—Якуты, всѣ няньки—Якутки, и даже богатый пушной торговецъ не задумается жениться на Якуткѣ. Якуты—небольшаго роста, съ монгольскимъ типомъ лица, смуглы, съ черными блестящими глазами, крѣпкаго здоровья и живутъ до глубокой старости. Обитая въ странѣ съ суровымъ климатомъ, они способны переносить холодъ до невѣроятной степени. Въ свои далекія зимнія поѣздки, Якутъ не возьметъ ни одѣялъ, ни большихъ шубъ, хотя нерѣдко ему приходится ночевать подъ открытымъ небомъ, при 30° морозѣ. Разложивъ костеръ и обратившись лицомъ къ огню, Якутъ ложится спать, прикрывъ спину и плечи снятою съ себя одеждой; полежавъ такимъ образомъ и согрѣвшись почти до поту, онъ затыкаетъ носъ и уши клочками шерсти и закрываетъ лице, оставляя лишь небольшое отверстіе для дыханія; вотъ все, что нужно Якуту, чтобы не замерзнуть во время сна, при

самыхъ сильныхъ морозахъ. Понятно, что къ перенесенію такого холода они привыкаютъ съ младенчества; такъ какъ у Якутовъ есть обычай натирать снѣгомъ по нѣскольку разъ въ день новорожденныхъ дѣтей. Память у Якута необыкновенная: ему достаточно только разъ проѣхать по дорогѣ, чтобы запомнить каждый кустикъ, пригорокъ или ручеекъ. Якутъ разсказываетъ друзьямъ и знакомымъ исторію своей жизни съ такою ясностью и точностью, что кажется, будто всѣ разсказанныя происшествія случились съ нимъ только вчера. Къ физическимъ свойствамъ Якута должно отнести также и необыкновенно острое его зрѣніе.

Якуты—собственно пастушескій народъ; ихъ главное богатство состоитъ въ лошадяхъ и рогатомъ скотѣ. Лѣтомъ пастухи эти живутъ въ легкихъ конусообразныхъ палаткахъ, покрытыхъ березовою корой; въ такихъ палаткахъ кочуютъ Якуты по травяной степи, безпрерывно запасая на зиму сѣно. Скотоводство достается имъ съ бо̀льшимъ трудомъ, чѣмъ другимъ пастушескимъ народамъ, что происходитъ отъ недостатка пастбищъ и близости ихъ къ Сѣверному Ледовитому океану. Съ наступленіемъ зимы, Якуты переходятъ въ теплую юрту, т. е. хижину, построенную изъ тонкихъ бревенъ, обложенную дерномъ, глиною и травой; вмѣсто оконъ вставляется или ледъ, или рыбьи пузыри, или наконецъ промасленная бумага. Вдоль стѣнъ устроены скамьи и постели, а надъ ними висятъ одежда и оружіе. Снаружи, около юрты, находится навѣсъ для коровъ и лошадей, которыя несравненно долѣе остаются молодыми чѣмъ наши; среднимъ числомъ здѣсь лошадь служитъ 30 лѣтъ и до глубокой старости сохраняетъ зубы. Лошадь для Якута то же, что сѣверный олень для лапландца и самоѣда, что верблюдъ для бедуина. На лошади Якутъ возитъ вьюки, ѣздитъ верхомъ, изъ шкуры ея шьетъ одежду и приготовляетъ отличныя кожи; изъ волоса плететъ рыболовныя сѣти; вареная конина составляетъ любимую его пищу, а кобылье молоко (кумысъ)—любимый напитокъ. Якутъ наѣдается на нѣсколько дней; онъ такъ прожорливъ, что можетъ съѣсть, въ теченіи дня, около пуда мяса; по недостатку же его, питается кислымъ молокомъ, дикими растеніями или вяленою рыбой. Способностью къ ремесламъ Якутъ прево-

сходитъ всѣ другіе сибирскіе народы; нѣкоторыя якутскія издѣлія, особенно кинжалы и ножи, могли бы считаться хорошими и на европейскихъ выставкахъ. Эти желѣзныя издѣлія не лопаются даже въ чрезвычайно сильные холода, качество, котораго не имѣютъ самые лучшіе англійскіе топоры. Рукоять якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, а ножны дѣлаются изъ бересты, обтянутой черной кожей. Звѣриная ловля, отыскиваніе мамонтовой кости и струя кабарги доставляютъ Якутамъ немаловажныя выгоды. Но звѣриный промыселъ годъ отъ году бѣднѣетъ; прежде посредственнымъ промышленникомъ считался тотъ, кто въ теченіи осени убьетъ 20 соболей; нынѣ едва ли это возможно на половину для самаго лучшаго охотника. На Якутѣ лежитъ обязанность перевозки товаровъ и лицъ къ востоку отъ Лены. Въ Якутскѣ оканчивается ѣзда на телѣгахъ и саняхъ отсюда далѣе нѣтъ проложенныхъ дорогъ и путешествіе возможно только верхомъ; затѣмъ дальнѣйшій путь совершается въ саняхъ, запряженныхъ оленями или собаками. Для обнищалаго Якута собака остается единственнымъ животнымъ, помогающимъ ему въ его семейномъ быту. Якутъ, преодолѣвая многочисленныя препятствія, затрудняющія ему путь, почти всю дорогу поетъ не переставая. Въ печальномъ монотонномъ напѣвѣ пѣсни выражается его скрытный, мрачный и суевѣрный характеръ. Въ якутскихъ пѣсняхъ воспѣвается красота природы, высокій, роскошный ростъ деревьевъ, журчаніе рѣки, высота горъ. Пѣвцы, по большей части импровизаторы, чтобы ублажить горнаго духа, восхваляютъ пустыню, по которой проходятъ, называютъ ее прекраснѣйшею страной въ мірѣ, а лужи — кристальными озерами. Не мало расточается похвалъ и медвѣдю; ни одинъ Якутъ не позабудетъ поклониться, проходя мимо берлоги медвѣдя. Въ пустынѣ дрожитъ безстрашный Якутъ передъ невидимымъ міромъ лѣсныхъ и горныхъ духовъ. На высотахъ, поросшихъ лиственницами и елями, нерѣдко попадается дерево, увѣшанное длинными конскими волосами; это—жертвы, приносимыя странствующими Якутами съ молитвою о счастливомъ окончаніи пути.

Въ настоящее время многіе суевѣрные обряды уничтожаются или теряютъ свое значеніе. Недавно, подъ руковод-

ствомъ бывшаго тамъ преосвященнаго Діонисія переведено все священное писаніе на якутскій языкъ и съ 1859 г. совершается богослуженіе на родномъ языкѣ Якутовъ.

Якутскъ—главный городъ земли Якутовъ, не болѣе какъ печальное мѣстечко съ 4000 жителей, большею частію находящихся въ первобытной простотѣ; онъ служитъ центромъ внутренней сибирской торговли пушнымъ товаромъ, мамонтовою костью, моржовыми бивнами; всѣ эти произведенія привозятся сюда нерѣдко изъ за многихъ тысячъ верстъ, продаются и вымѣниваются въ теченіи лѣта.

Буряты.

190 тыс. душъ.

Буряты обитаютъ въ числѣ 190 т. человѣкъ кругомъ озера Байкала, т. е. въ Иркутской губ. и Забайкальской области и представляютъ типъ чисто монгольской расы. Они—средняго роста, плечисты, широки и плотны, лицомъ похожи на калмыковъ; мужчины брѣютъ голову, оставляя волоса только на макушкѣ, а женщины заплетаютъ ихъ въ нѣсколько косичекъ: замужнія—въ двѣ, дѣвушки—въ шесть; какъ тѣ такъ и другія зимой одѣваются въ шубы, а лѣтомъ въ халаты, которые покроемъ напоминаютъ татарскіе; шапки надѣваютъ смотря по времени года: лѣтомъ—ватныя, конусообразныя, а зимой—мѣховыя; на поясѣ носятъ мѣшокъ съ табакомъ, китайскую-трубочку, складной ножъ и огниво—эти вѣчныя принадлежности всякаго кочеваго азіята. При этомъ неразлучны и неизмѣнныя степныя особенности: гостепріимство, любопытство, доводимое до крайностей, покупка невѣстъ калымомъ, многоженство, судя по достатку, кротость и всегдашнее спокойствіе на лицѣ, какъ будто не способномъ передавать сердечныхъ движеній. Обитая на плодородныхъ равнинахъ, окруженныхъ безконечными горными хребтами и въ центрѣ многоводныхъ рѣкъ, Буряты сохранили патріархальный обычай кочующихъ племенъ; скотъ ихъ—лошади, коровы, овцы, а иногда и верблюды разсѣяны тамъ и сямъ по степи. Юрты

ихъ, похожія на русскіе овины, стоятъ правильно, одна возлѣ другой и представляютъ видъ деревни; расположеніе юртъ, какъ у богатыхъ такъ и у бѣдныхъ одинаковое: по срединѣ очагъ, надъ очагомъ треножникъ, на которомъ виситъ котелъ, гдѣ варится пища; мебели въ юртѣ нѣтъ, потому что Буряты, по восточному обычаю, любятъ сидѣть на полу, на войлокѣ.

Какъ народъ, ведущій кочевую жизнь, Буряты занимаются двумя отраслями скотоводства: разведеніемъ лошадей и рогатаго скота. Лошадь для Бурятъ—необходимая принадлежность; богатство ихъ измѣряется числомъ табуновъ, впрочемъ сами Буряты не охотно считаютъ скотъ; по ихъ понятіямъ, если считать животныхъ, то неминуемо послѣдуетъ убыль. Несомнѣнно можно сказать, что есть хозяева, у которыхъ насчитываются десятки тысячъ лошадей; но къ сожалѣнію, Буряты мало заботятся о продовольствіи своихъ табуновъ: лошади съ давнихъ поръ привыкли пользоваться подножнымъ кормомъ какъ лѣтомъ такъ и зимой; такое отступленіе отъ европейскаго способа кормленія животныхъ не должно однако насъ удивлять: здѣсь лошади не обременены работами; всѣ тяжести перевозятся на быкахъ, а на долю лошади остается только верховая ѣзда; въ этомъ случаѣ животное удовлетворяетъ требованіямъ какъ нельзя болѣе: бурятская лошадь быстра, горяча и терпѣлива; она не требуетъ за собой никакого ухода. Кромѣ лошадей Буряты разводятъ рогатый скотъ; быки здѣсь тихи и покорны, а коровы имѣютъ значеніе по количеству добываемаго отъ нихъ молока, изъ котораго приготовляются *дарасунъ* и *аракъ*, любимые напитки. Бурятъ пьетъ ихъ съ утра до ночи, вслѣдствіе чего жирѣетъ и краснѣетъ. Третій промыселъ Бурятъ—земледѣліе. Пшеница и рожь у нихъ лучшаго качества, что зависитъ отъ хорошаго и разумнаго ухода за пашнями: поля огорожены, по срединѣ проведены ручьи, предотвращающіе засуху. Звѣроловство и рыболовство, служатъ уже второстепенными промыслами, но все же и они доставляютъ имъ значительныя выгоды. Звѣроловъ, стрѣляя навѣрняка, старается попасть въ голову звѣря, чтобы шкурка сохранилась отъ поврежденія. Такимъ образомъ соболи, горностаи, лисицы и бѣлки сбываются Бурятами въ ближайшемъ городѣ. Рыбные промыслы ихъ

сосредоточиваются преимущественно по Ангарѣ и берегамъ Байкала. Орудіемъ для ловли служатъ невода, простирающіеся иногда въ длину до 500 сажень. Соединясь въ артели, Буряты ловятъ омулей, осетровъ, сиговъ, форелей, стерлядей и т. д.; всю наловленную рыбу они отправляютъ въ Иркутскъ. Кромѣ ремеслъ кузнечнаго и кожевеннаго Буряты занимаются приготовленіемъ грубыхъ шерстяныхъ тканей. Преобладающая религія Бурятъ—буддайская; наиболѣе почитаемая мѣстность есть *шаманскій камень*, на р. Ангарѣ, при выходѣ ея изъ Байкала. Буряты раздѣляются на нѣсколько племенъ, получившихъ свое названіе отъ мѣстъ, гдѣ они поселились и управляются собственными князьями и старшинами по законамъ и обычаямъ своей страны.

Юкагиры.

5 тыс. душъ.

Юкагиры обитаютъ по тундрамъ Сибири, прорѣзаннымъ рѣками Яной, Индигиркой и Колымой. Народъ этотъ составляетъ остатокъ нѣкогда существовавшаго народа, извѣстнаго подъ именемъ *Омоковъ*. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, часть Омоковъ была истреблена оспой, другая же, спасаясь отъ эпидемій, удалилась на острова Ледовитаго океана, противъ устьевъ рѣкъ Яны и Индигирки и на острова Америки. Какая судьба постигла островныхъ Омоковъ неизвѣстно; часть же ихъ, не пожелавшая оставить Сибирь и извѣстная подъ именемъ Юкагировъ, обитаетъ теперь въ самыхъ суровыхъ ея странахъ. Но главное средоточіе ихъ— *Анюй*, притокъ Колымы. Наружный видъ Анюйскихъ Юкагировъ напоминаетъ якутовъ, а нравами и обычаями они похожи на тунгусовъ. Юкагиръ живетъ исключительно оленемъ; чтобы прокормить свою семью и собакъ, онъ долженъ имѣть не менѣе полутораста оленей, за которыми и охотится два раза въ годъ: весною и осенью. По верхнему теченію Колымы, въ обширныхъ ея лѣсахъ, обитаетъ нѣсколько тысячъ дикихъ оленей; весною, гонимые изъ лѣсовъ комарами, оводами и мошками, олени перепра-

вляются на прохладные морскіе берега и на обильную ягелемъ тундру стадами въ двѣсти или триста головъ; осенью оставляютъ они тундру и уходятъ тѣмъ же путемъ въ лѣса, дающіе имъ убѣжище отъ жестокихъ морозовъ. Каждое стадо, подъ предводительствомъ своего вожака, переходитъ рѣку; Юкагиры пользуются этими переправами оленей и нападаютъ на нихъ. Искусный охотникъ въ полчаса пріобрѣтаетъ около сотни головъ; большихъ и сильныхъ оленей стараются только поранить, слабыхъ же убиваютъ; убитыхъ звѣрей опускаютъ въ воду, чтобы не испортились; мясо ихъ вялятъ, коптятъ или замораживаютъ. Но случается, что олени, заслышавъ чуткимъ своимъ носомъ людей, бросаются въ другую сторону и ускользаютъ изъ рукъ охотника. Тогда Юкагиру угрожаетъ страшный голодъ. По природѣ лѣнивый, Юкагиръ, покончивъ охоту на оленей, все остальное время предается полному бездѣйствію; всѣ работы возлагаетъ онъ на жену: она готовитъ ему кушанье, она собираетъ ягоды и растительные коренья, она выдѣлываетъ кожи, составляющія главный и прибыльный предметъ торговли, а Юкагиръ или пиликаетъ на самодѣльной скрипкѣ, или покуриваетъ трубку, или наконецъ странствуетъ по сосѣдямъ.

Такую же полудикую жизнь ведутъ и сосѣди Юкагировъ — Коряки, кочующіе по рѣкѣ Анадыри, текущей въ Великій океанъ; чертами лица они похожи на алеутовъ; по образу жизни дѣлятся на осѣдлыхъ, живущихъ въ низенькихъ хижинахъ и на кочевыхъ, живущихъ въ юртахъ, сложенныхъ изъ жердей и покрытыхъ оленьими шкурами. Осѣдлые высоки ростомъ, кротки нравомъ и довольно зажиточны; кочевые—грубые, бѣдные дикари.

Чукчи.

10 тыс. душъ.

По рѣкѣ Анадыри, текущей въ Великій океанъ живетъ коренное сѣверо-азіятское племя — Чукчи. Они населяютъ самый дальній уголъ Сибири, самый бѣдный по растительности, самый суровый по климату: здѣсь до 20 іюля нѣтъ и признака лѣта, а около 20 августа наступаетъ зима.

Чукчи сдѣлались извѣстными русскимъ болѣе двухъсотъ лѣтъ тому назадъ, когда сибирскіе казаки, отыскивая новыя земли, *провѣдывали* про дикихъ народовъ. Чукчи составляютъ единственный въ Сибири свободный народъ, неподпавшій русскому владычеству; они не знаютъ никакихъ земскихъ повинностей, не платятъ дани, судятся по обрядамъ и обычаямъ своей страны. Вслѣдствіе недовѣрчивости, съ какой Чукчи смотрятъ на своихъ сосѣдей, трудно было русскимъ завязать съ ними торговыя сношенія и устроить мирный мѣновой торгъ на ярмаркѣ въ Островномъ. Главное отличіе Чукчей отъ прочихъ бродячихъ народовъ состоитъ въ ихъ предпріимчивости и склонности къ торговлѣ. Переѣзжая на своихъ кожаныхъ байдарахъ, съ крайней восточной оконечности Азіи чрезъ Беринговъ проливъ, въ Америку, они у тамошнихъ Эскимосовъ вымѣниваютъ моржевые клыки, оленьи кожи и проч. на пушной товаръ. Этотъ товаръ, воротясь домой, они везутъ почти за тысячу верстъ въ главное мѣсто ихъ торговли *Островное.* Эта самая сѣверная и самая восточная въ старомъ свѣтѣ ярмарка вовсе не такъ незначительна, какъ можно было бы ожидать отъ такой пустынной страны. Нерѣдко караванъ, состоящій изъ 300 человѣкъ, употребляетъ на свое путешествіе по 5 или 6 мѣсяцевъ; этотъ караванъ привозитъ чернобурыхъ и черныхъ лисицъ, куницъ, песцовъ, бобровъ, медвѣжьи шкуры, бивни, санныя полозья, сдѣланныя изъ реберъ кита и одежды—изъ шкуръ сѣверныхъ оленей. Главнымъ предметомъ торговли служитъ табакъ. За полпуда табаку Чукча вымѣниваетъ у Эскимосовъ партію мѣховъ, которую и продаетъ потомъ русскимъ уже за два пуда. Кромѣ табаку, русскіе купцы привозятъ на ярмарку мѣдный и желѣзный товаръ, т. е. котлы и ножи для Чукчей, чай, сахаръ и матеріи для русскихъ, живущихъ по теченію Колымы.

Отличительную характеристику Островной ярмарки составляютъ суетливость русскихъ купцовъ и изумительное спокойствіе и хладнокровіе Чукчей. У Чукча нѣтъ вѣсовъ, но обмануть его въ вѣсѣ трудно; онъ на рукѣ слышитъ если даже четверти фунта не достаетъ въ пудѣ. По окончаніи ярмарки, Чукча вновь отправляется въ Америку для торговли. По образу жизни Чукчи раздѣляются на кочевыхъ (оленныхъ) и осѣдлыхъ, которые живутъ на морскомъ

берегу по Анадырской губѣ и Берингову проливу. Осѣдлые Чукчи находятся въ зависимости отъ оленныхъ и живутъ въ небольшихъ деревенькахъ, построенныхъ вдоль берега; хижины ихъ сдѣланы изъ шкуръ, натянутыхъ на жерди.

Главными источниками пропитанія Чукчей служитъ ловля китовъ, моржей и тюленей. Китъ доставляетъ имъ усъ и мясо; китовый усъ служитъ приманкой для волковъ: свернутый въ кольцо и заостренный съ обѣихъ сторонъ, онъ связывается тонкой веревкой и поливается водой, такъ что на кольцѣ образуется ледяная кора; послѣ чего веревка снимается прочь, а все кольцо густо намазывается жиромъ. Волкъ, найдя эту приманку, съ жадностію ее проглатываетъ; растаявшій китовый усъ расправляется и раздираетъ внутренности звѣрю. Но главный и любимый промыселъ Чукчей—на моржа, когда онъ выходитъ на берегъ полежать и почесаться о камни. Загораживая звѣрю путь въ воду, Чукчи убиваютъ его своими дротиками. Какъ безъ оленя обитателю тундры, безъ лошади кочевнику, безъ верблюда степняку, такъ безъ моржа Чукчѣ и жизнь не въ жизнь. Изъ кожи его дѣлаетъ онъ прочные ремни и подошвы, изъ внутренностей—легкую непромокаемую лѣтнюю одежду, а моржевые клыки составляютъ предметъ торговли. Береговые Чукчи вмѣсто оленей ѣздятъ на собакахъ; но описаніе этого способа переѣздки мы представимъ при характеристикѣ Камчадаловъ.

Камчадалы.

4400 душъ.

Камчатка представляетъ собою полуостровъ, вдоль котораго тянется высокій горный хребетъ съ 28 дѣятельными грязными вулканами, извѣстными подъ именемъ *сопокъ*. По горнымъ склонамъ и долинамъ этого полуострова растутъ большіе лѣса, съ дорогими животными въ нихъ обитающими: соболемъ, горностаемъ, песцомъ и др. Во всемъ мірѣ нѣтъ страны, которая была бы богаче Камчатки водяными ключами; они бьютъ въ такомъ большомъ количествѣ, что лѣтомъ трудно пройти или проѣхать по суху, и нужно дѣ-

лать большіе обходы и объѣзды. Полуостровъ этотъ, занимающій выгодное положеніе для торговли съ Америкой и Китаемъ, населенъ народомъ небольшаго роста, съ выдающимися скулами, толстыми губами и черными волосами, съ буровато-чернымъ или желтымъ цвѣтомъ лица, съ маленькими, какъ будто недоразвившимися носами. Народъ этотъ—Камчадалы. Путешественники хвалятъ Камчадаловъ за гостепріимство, добродушіе, веселость и хорошее обращеніе съ женами; вмѣстѣ съ этими качествами, къ нимъ привилось много и дурнаго; такъ, они преданы лѣни, не имѣютъ понятія о стыдѣ, наглы и упрямы когда съ ними обходятся хорошо и низкопоклонны когда имъ грозятъ или приказываютъ. Камчадалы принадлежатъ къ числу народовъ, исключительно питающихся рыбой; и не смотря что рыба считается не особенно здоровой пищей, Камчадалъ переноситъ ее какъ нельзя лучше. Ему неизвѣстны ни лихорадка, ни горячка. Многіе достигаютъ 80-лѣтняго возраста и имѣютъ быструю и легкую походку. Они бѣгаютъ быстрѣе всѣхъ извѣстныхъ народовъ, не задыхаются при сильной усталости; за то часто страдаютъ воспаленіемъ глазъ, чему причиной дымныя хижины и отраженіе солнечнаго свѣта отъ снѣга. Употребленіе растительныхъ веществъ удаляетъ цынгу: Камчадалъ по цѣлымъ часамъ ѣстъ морошку; цѣлыя бочки этихъ ягодъ заготовляются на зиму; въ каждомъ почти кушаньи можно встрѣтить морошку. Любимое средство для опьяненія—*мухоморъ*. Этотъ грибъ, по вкусу отвратительный, ѣдятъ и сушенымъ и сырымъ, запивая его большимъ количествомъ холодной воды. Вмѣстѣ съ опьяняющимъ дѣйствіемъ, которое начинается спустя нѣкоторое время послѣ его употребленія, мухомору приписываютъ также свойство развивать удивительную силу въ организмѣ. Главнымъ источникомъ пропитанія Камчадаловъ служитъ охота и рыбная ловля. Пушнымъ товаромъ уплачиваютъ они подати и на него покупаютъ чужеземные предметы роскоши: муку, чай, табакъ и водку.

Камчатка богата, какъ мы уже замѣтили, пушными звѣрями, мѣха которыхъ почитаются цѣнными; но самымъ дорогимъ животнымъ можно считать собаку, которую во всей Сибири считаютъ за самую долговѣчную и быструю. Камчатская собака похожа на нашу *овчарку* и покрыта длинною

густою красноватою, или изъ желта-бѣлою шерстью. Она исключительно питается рыбой. Съ весны до поздней осени о собакѣ здѣсь вовсе не заботятся; цѣлый день бѣгаетъ она на свободѣ и подкарауливаетъ по рѣкамъ рыбъ, которыхъ мастерски ловитъ. Въ октябрѣ Камчадалы собираютъ своихъ собакъ, привязываютъ ихъ къ столбамъ и заставляютъ голодать чтобы онѣ, потерявъ жиръ, быстрѣе бѣжали и не задыхались. Для ѣзды на собакахъ употребляютъ или санки, или *нарты*. Ѣздокъ или охотникъ ѣздитъ на санкахъ; кто желаетъ покойной ѣзды, тотъ садится въ нарту и защищается отъ вѣтра кибиткой; нарты укрѣпляются на длинныхъ полозьяхъ. Выморивъ собакъ, ѣздокъ запрягаетъ ихъ въ нарту, смотря по клади отъ 9 до 15; семь хорошихъ собакъ везутъ 10, а иногда и 15 пудъ. Съ небольшимъ грузомъ по дурной дорогѣ, собаки дѣлаютъ по 40 верстъ въ день, по хорошей—отъ 80 до 140 верстъ. Впрягаютъ обыкновенно попарно, и впередъ пускаютъ пріученую къ ѣздѣ. Въ самую сильную пургу, когда нельзя открыть глазъ, собаки не сбиваются съ дороги; а когда вѣтеръ начнетъ у нихъ захватывать дыханіе и не представляется возможности продолжать далѣе путь, собаки, ложась рядомъ съ ямщикомъ согрѣваютъ его. Безъ длинной, деревянной кочерги ни одинъ ямщикъ (кóюръ) не пускается въ дорогу; придѣлывая на концѣ крюка побрякушки или колокольчики, ѣздокъ звономъ ихъ даетъ знакъ передовой собакѣ, что онъ не доволенъ ея работой. Этимъ же крюкомъ онъ останавливаетъ ихъ на всемъ бѣгу. Ѣзда на собакахъ — дѣло далеко не легкое и требуетъ большой привычки и крѣпкой снаровки не только на лѣсныхъ дорогахъ, но и на ровной тундрѣ. Нерѣдко случается, что, при видѣ звѣря, собаки оставляютъ намѣченный путь и сворачиваютъ въ сторону, или останавливаются, найдя по пути мертвую птицу, мерзлую рыбу. Въ послѣднемъ случаѣ собаки начинаютъ драку, путаютъ упряжь такъ, что много нужно имѣть терпѣнія и спокойствія, что бы привести все въ порядокъ и начинать снова путь. Послѣ одного перегона, пріученныхъ собакъ замѣняютъ новыми; усталыхъ кормятъ сушеной или вяленой рыбой и оставляютъ всегда на открытомъ воздухѣ.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь черные медвѣди, смирные и миролюбивые какъ нигдѣ. Они водятся въ огром-

номъ количествѣ и питаются исключительно рыбой. Чрезвычайно оригиналенъ способъ, къ которому прибѣгаетъ медвѣдь для ловли рыбы: онъ входитъ въ воду по голову и остается здѣсь неподвиженъ; мелкая рыба, принимая густую шерсть медвѣдя за траву, прячется въ ней и тогда медвѣдь, полагая, что уже довольно набралось рыбы, осторожно выходитъ изъ воды, на берегу онъ отряхается и поѣдаетъ свою добычу.

Алеуты.

50 тыс. душъ.

Съ Американскаго материка выдвигается въ Великій океанъ полуостровъ Аляска, къ которому присоединяется дугообразная цѣпь Алеутскихъ острововъ. Сѣверная сторона этого полуострова принадлежитъ полярной природѣ, южная—умѣренному поясу. Какъ полуостровъ, такъ и примыкающіе къ нему острова населены Алеутами, которые и физическими и нравственными свойствами какъ бы отлиты въ одну форму. Алеуты—самый кроткій народъ на землѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ самый безчувственный народъ въ мірѣ: они никогда не выразятъ сильной радости или неудовольствія, никогда не ссорятся между собой, никогда не крадутъ, терпѣливы и равнодушны къ жизни до изумленія. Алеутъ не любитъ лжи, презираетъ болтовню и довольствуется очень малымъ. Табакъ, водка, ружье и топоръ—вотъ единственные предметы, которые ему хочется имѣть. Если найдется что покурить и выпить, если лежитъ подъ бокомъ топоръ и ружье, Алеутъ считаетъ себя счастливымъ и богатымъ. Въ любимой стихіи, въ морѣ, Алеуты преслѣдуютъ морскихъ животныхъ съ удивительной ловкостью и неустрашимостью. Чтобы убить дорогаго морскаго бобра, имъ нерѣдко приходится совершать далекія путешествія на своихъ непрочныхъ байдарахъ (лодкахъ). Байдару дѣлаетъ Алеутъ изъ тонкихъ жердей, прикрѣпленныхъ къ обручамъ китовымъ усомъ; жерди въ свою очередь обтягиваются толстыми кожами. Управляются онѣ веслами и не только легки но и безопасны при самомъ сильномъ волненіи. Когда буря разыграется, Алеу-

ты сплачиваются нѣсколькими байдарками вмѣстѣ и всегда отстаиваются. Большими обществами выѣзжаютъ Алеуты на охоту за бобрами; первая байдара, замѣтившая звѣря, пускаетъ въ него стрѣлу и поднимаетъ весло; по этому знаку всѣ остальныя становятся кругомъ и когда звѣрь опять покажется, снова бросаютъ въ него стрѣлы. Главное право на добычу имѣетъ тотъ, чья стрѣла причинила смерть бобру; если попало нѣсколько стрѣлъ, то стрѣла ближайшая къ головѣ считается важнѣе прочихъ.

Сѣтями, сплетенными изъ жилъ и погружаемыми въ воду, ловятъ Алеуты мелкихъ тюленей и бьютъ ихъ всегда сонныхъ. Морскіе котики также приходятъ къ Алеутскимъ островамъ въ огромномъ количествѣ. Искусство охотниковъ состоитъ въ томъ, чтобы быстрымъ нападеніемъ на стадо звѣрей какъ можно скорѣе отрѣзать его отъ моря. Взрослыхъ самцовъ и самокъ отгоняютъ прочь и даютъ имъ свободу, а молодыхъ котиковъ гонятъ иногда верстъ на 10 отъ моря и потомъ часть ихъ убивается дубинами. Шкуры убитыхъ растягиваютъ на рамахъ и кладутъ въ сушильни. Иногда разомъ загоняютъ отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ котовъ.

Моржей стерегутъ Алеуты на песчаныхъ отмеляхъ сѣверной стороны Аляски, гдѣ лѣтомъ обыкновенно встрѣчается большое количество молодыхъ моржей. Алеуты снаряжаясь на бой этихъ звѣрей, прощаются другъ съ другомъ, какъ будто идутъ на вѣрную смерть, потому что боятся какъ сильныхъ бивней, такъ и неосторожности товарищей. Вооруженные кольями и тяжелыми топорами, они ползутъ вдоль самой окраины берега и обойдя стадо со стороны моря, внезапно бросаются на звѣрей и гонятъ ихъ какъ можно дальше отъ берега гдѣ и убиваютъ копьями. Убитымъ моржамъ раздробляютъ челюсти и вынимаютъ клыки, составляющіе важный предметъ торговли. Этотъ опасный промыселъ нерѣдко продолжается дней десять. Послѣ описанной бойни первый высокій приливъ сноситъ оставленные трупы въ море и смываетъ всякій слѣдъ кровавой охоты.

Китовый промыселъ производится на тѣхъ же непрочныхъ байдарахъ. Осторожно подплывая къ великану морей, Алеутъ вонзаетъ въ тѣло кита короткое копье и быстро затѣмъ удаляется. Раненый звѣрь скрывается въ глубину; но какъ скоро копье проникло въ мясо, китъ не уйдетъ; дня

черезъ два онъ издохнетъ и будетъ выброшенъ волнами на берегъ. Охотники на китовъ пользуются у Алеутовъ особеннымъ уваженіемъ, какъ потому что этотъ промыселъ опасенъ, такъ и по цѣнности продуктовъ, доставляемыхъ китомъ; продукты эти—жиръ и волокнистыя пластинки, извѣстныя въ торговлѣ подъ именемъ китоваго уса.

XI. НАРОДЫ ТУРКЕСТАНА.

Таджики.

Первобытными жителями Туркестанскаго края были Таджики, или Таты, вышедшіе сюда изъ Ирана во времяна до историческія. Слѣды персидскаго происхожденія замѣтны въ нихъ и до нынѣ — въ очертаніи лица и языкѣ, составляющемъ какъ бы нарѣчіе персидское. Таджиковъ часто называютъ Сартами; между тѣмъ какъ подъ именемъ Сартовъ въ Средней Азіи разумѣются вообще люди живущіе въ городахъ, занимающіеся торговлей какого бы происхожденія они ни были. На вопросъ у туземца кто онъ Сартъ, или Таджикъ, онъ отвѣтитъ вамъ: что онъ и Сартъ (по роду жизни) и Таджикъ (по происхожденію).

Первое впечатлѣніе производимое Таджиками на путешественника не можетъ быть неблагопріятно: повсемѣстное равенство состояній и общественныхъ положеній, всеобщее довольство своей судьбой, торжественное спокойствіе и сознаніе собственнаго достоинства, отсутствіе плача и стенаній, кротость, смиреніе и незлобливость, отсутствіе сильныхъ страстей и пороковъ: убійствъ, грабежей и воровства, рѣдкая честность и добродушіе, — все это невольно возбуждаетъ желаніе ближе ознакомиться съ общественнымъ строемъ обитателей Туркестана. Всмотрѣвшись же въ этотъ строй поближе, тотчасъ обнаружится передъ вами обратная сторона медали: завиднаго для европейца равенства не существуетъ; дѣйствительно, ничто не мѣшаетъ хану или беку

сидѣть съ простымъ смертнымъ на одномъ войлокѣ и ѣсть изъ одной мисы; но ничто не мѣшаетъ первому взять деньги у послѣдняго и даже посадить его на колъ. Судъ производится скорый, гласный, при открытыхъ дверяхъ, но и это обстоятельство нисколько не препятствуетъ судьямъ рѣшать дѣла по произволу, истолковавъ коранъ по своему. Положеніе женщины не менѣе печально: она отверженница общества — парія. Стереть ее съ лица земли ничего не стоитъ. Сколько было примѣровъ въ Ташкентѣ, что женщины, обязанныя закономъ ходить замаскированными, пропадали безъ вѣсти. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить всеобщую бѣдность и полное невѣжество, что бы получить вѣрную картину нетолько описываемаго народа но и всего вообще среднеазіятскаго мусульманскаго міра.

Исламизмъ окаменилъ свои народы, такъ что нетолько развиваться они не могутъ, но даже на оборотъ: чѣмъ дальше, тѣмъ больше погрязаютъ они въ тину невѣжества. Многія мѣры предписанныя кораномъ, сперва были благодѣтельны, но потомъ перейдя въ догматъ, онѣ стали пустою формальностью, не ведущею ни къ чему. Предписывая, напримѣръ, пятикратное омовеніе, Магометъ имѣлъ въ виду соблюденіе чистоты и опрятности, какъ главнѣйшихъ залоговъ человѣческаго здоровья. Мусульмане усердно умываются, но результатъ выходитъ плохой: грязнѣе и нечистоплотнѣе среднеазіятцевъ не сыскать! Арыки, въ которыхъ они моются для проформы, заражаютъ и порождаютъ множество накожныхъ болѣзней, почти неизвѣстныхъ въ Европѣ; хмѣльные напитки запрещены подъ страхомъ смертной казни, и мусульмане принялись за опіумъ и гашишъ, которые губя здоровье, быстро сокрушаютъ жизнь потребителей. Стоитъ зайти въ заведеніе съ опіумомъ, чтобы убѣдиться какъ напивается здѣсь публика до одуренія до безпамятства. Она сидитъ съ мутными, опьянѣлыми, безжизненными глазами, едва передвигая руками или погрузившись въ сладкую дремоту, въ созерцаніе. Возьмите у этихъ любителей все, что они имѣютъ, даже семейство, и дайте только опіума, они не опечалятся. Подъ страхомъ смертной казни запрещено даже заглядывать на женщину, когда она идетъ по улицѣ и для водворенія цѣломудрія женщина со всѣмъ изъята изъ общества и заключена въ гаремъ; но это не мѣшаетъ распро-

страненію самыхъ противузаконныхъ поступковъ. Всѣ дѣйствія людей обусловлены шаріатомъ: пища, одежда, жилище, государственный строй, взиманіе налоговъ, политика, все это разъ опредѣлено и улучшеній въ нихъ недопускается. Во всѣхъ среднеазіятскихъ городахъ, существуетъ особый родъ чиновниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *раисовъ*, или покровителей вѣры. Раисы обязаны наблюдать какъ за точнымъ исполненіемъ всѣхъ правилъ и обрядовъ предписываемыхъ кораномъ, такъ и за сохраненіемъ благочинія и порядка. На базарахъ раисъ разбираетъ жалобы на обмѣръ и обвѣсъ, подвергая виновныхъ наказанію тутъ же, на мѣстѣ. Экзекуція производится плетью, строго опредѣленныхъ шаріатомъ размѣровъ. Всякое нарушеніе закона влечетъ за собой наказаніе плетью отъ 15 до 79 ударовъ. Обязанности раиса иногда исполняетъ другой чиновникъ—*куръ-баши*, дѣятельность котораго начинается послѣ захожденія солнца. Всѣ шатающіяся въ это время по улицамъ ловятся и наказываются какъ бродяги, у которыхъ что нибудь недоброе на умѣ.

Всѣ Таджики живутъ осѣдло и занимаются земледѣліемъ; это самая сильная производительность края и самое распространенное занятіе населенія. Развитію хлѣбопашества сильно способствуютъ горы. Въ степяхъ земли удобной для хлѣбопашества много, но нѣтъ воды для орошенія почвы. Воды отъ источниковъ едва достаетъ для орошенія садовъ, огородовъ и хлопчатобумажныхъ плантацій; горы же мало даютъ воды для степи, всего двѣ или три горныхъ рѣчки. Поэтому большая часть хлѣбопашества производится въ горахъ по долинамъ и на возвышенныхъ плоскостяхъ, гдѣ дожди и роса достаточно увлажаютъ землю и хлѣбъ родится самъ—пятъ или самъ—восемь; когда же бываетъ изобиліе дождей, тогда снимаютъ хлѣбъ и самъ 20. Вообще въ горахъ кипитъ жизнь въ лѣтнее время. И кочевники и осѣдлые уходятъ на лѣто въ горы, гдѣ по долинамъ расположились хлѣбопашцы, по скатамъ горъ и оврагамъ — кочевники съ ихъ стадами; вездѣ видна жизнь, вездѣ люди или скотъ.

Живутъ Таджики въ деревняхъ, главное отличіе которыхъ отъ города заключается въ томъ, что городъ, по мусульманскому закону, долженъ быть обнесенъ одной общей стѣной, имѣтъ цитадель и заключать въ себѣ не менѣе трехъ мече-

тей. Городскія стѣны и дома вездѣ лѣпятся изъ глины, т.-е. изъ матеріала непосредственно находящагося подъ ногами. Дома плоски и приземисты: они состоятъ изъ одного или нѣсколькихъ четыреугольныхъ дворовъ, обнесеныхъ строеніями; жилыя помѣщенія, по большей части одноэтажныя, раздѣляются на двѣ половины: мужскую и женскую, или гаремъ. Мебели нѣтъ; убранство комнатъ составляютъ русскіе сундуки, покрытые иногда коврами; такими же коврами устилаются у богатыхъ и земляные или кирпичные полы. Печей нѣтъ; для согрѣванія же набрасываютъ въ углубленіе, сдѣланное посрединѣ комнаты, горячихъ углей, надъ ними ставятъ табуретъ; послѣдній покрываютъ одѣяломъ, которое своими краями опускается до земли. Туземцы садятся вокругъ жаровни и укрываютъ ноги одѣяломъ. Потолки дѣлаются изъ тонкихъ жердей, положенныхъ на балки, покрытыхъ циновками и камышемъ; все это смазывается затѣмъ глиной. Въ стѣнахъ дѣлается множество нишей, изукрашенныхъ живописью; окна маленькія, рѣшетчатыя, заклѣиваются на зиму масляной или восковой бумагой.

Общій видъ населенныхъ пунктовъ непривлекателенъ. Въ большихъ городахъ глазъ нѣсколько отдыхаетъ на массѣ зелени, которою бываетъ залитъ городъ; но малые города и деревушки походятъ на загоны для скота въ селахъ Европейской Россіи.

Такая же неприглядная и пища Таджика. Общеупотребительнымъ кушаньемъ въ Средней Азіи считается *пилавъ*, приготовляемый изъ рису; онъ подается и въ хижинѣ бѣдняка и въ гаремѣ хана, съ тою только разницей, что ханъ можетъ ѣсть его каждый день простолюдинъ же—рѣдко. Баранина, конина и верблюжина составляютъ праздничныя блюда. Изъ напитковъ Таджики больше всего любятъ зеленый чай, разные настои изъ сухихъ фруктовъ и кобылье молоко, разбавленное водой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Славянская семья 1
Великороссіяне ..... —
Малороссіяне 9
Бѣлоруссы 15
Поляки 19
Черноморскіе казаки 24
Донскіе назаки 28
Уральскіе казаки 31

II. Татарская семья:
Казанскіе татары 36
Крымскіе татары 37
Ногаи 39
Башкиры 41
Мещеряки и Тептери 43
Чуваши 44
Калмыки 48
Киргизы 50
Туркмены 54

III. Молдаване 56
IV. Евреи 60
V. Цыгане 65
VI. Литовская семья 68
VII. Финская семья:
Финны, или Финляндцы 72
Лапландцы 75
Карелы 80
Эстонцы 81
Зыряне 84
Пермяки 87
Вотяки 89
Волулы 92
Черемисы 94
Мордва 98

VIII. Народы Кавказа: *Стр.*
Грузины 100
Армяне 104
Курды 108
Черкесы 109
Чеченцы 112
Лезгины 115
Осетины 117
Абхазцы 120
Огнепоклонники 122
IX. Сибирскіе Народы.
Самоѣды 123
Остяки 128
Тунгусы 131
Якуты 133
Буряты 136
Юкагиры 138
Чукчи 139
Камчадалы 141
Алеуты 144
X. Народы Туркестана:
Таджики 146

ИЗД

КНИЖНАГО [illegible]НА

Николая И[illegible]ча

МАМОНТОВА.

(Москва Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Шевченко Т. Г. Кобзарь (поэмы: *Марьяна, Неофиты, Гайдамаки, Невольникъ, Княжна, Москалева криница и мелкія стихотворенія)*, переводъ Чмырева, съ портретомъ автора. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Бертранъ І. Алгебра. Вып. І: *Предварительныя понятія и алгебраическія вычисленія.* Цѣна 30 к., съ пер. 35 к. Вып. II: *Объ уравненіяхъ первой степени.* Цѣна 35 коп., съ пер. 40 коп. Вып. III: *Объ уравненіяхъ второй степени.* Цѣна 45 к.. съ пер. 50 к. Вып. IV: *О прогрессіяхъ и логариѳмахъ.* Цѣна 25 к., съ пер. 30 к. Вып. V (послѣдній): *Дополненіе началъ Алгебры.* Цѣна 50 коп., съ перес. 55 коп.

Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. Вып. І. *О линіяхъ.* Цѣна 85 к., съ пер. 1 р.

Клаусъ К. Основы зоологіи. Рыбы, голые и чешуйчатые гады. Съ 98 полит. Подъ редакціею профессора Усова. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 р. 75 коп. Т. І, вып. І. *Protozoa. Coelenterata.* Съ 148 политипажами. Подъ редакціею профессора Усова и Петунникова. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.— Т. І, вып. II. *Echinodermata, Vermes.* Съ 235 рис. Подъ редакціею профессора Усова и Петунникова. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Траутшольдъ Г. Основы Геологіи II. Палеонтологіи *(Палеозоологія и Палеофитологія).* Около 300 политипажей. М. 1875 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Коппъ Г. *Былое и современное Химіи.* Общедоступная лекція. Цѣна 30 коп., съ пер. 50 коп.

Брэмъ Хр. Людв. *Комнатныя пѣвчія птицы.* Уходъ, прирученіе и разведеніе. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.

номъ магазинѣ

Ни[illegible]ВАНОВИЧА МАМОНТОВА,

бывшемъ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА ГЛАЗУНОВА

(Москва, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова),

продаются

слѣдующія книги, составленныя **М. С. Мастовскимъ**:

1. **ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ и РУССКОЙ ГЕОГРАФІИ.** Изд. 3-ье, дополненное картой Палестины. М. 1875 г., Цѣна [illegible] к., съ пер. 65 к.

2. **Учебникъ Географіи Россіи.** Изд. 4-ое, съ картой Европ[illegible]ссіи. М. 1875 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

(Учебникъ одобренъ ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Пр. д[illegible] преподаванія въ гимназіяхъ).

3. **УЧЕБНЫЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ** (Европа). М[illegible] г. Цѣна 70 к., съ пер. 85 к.

4. **ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ** (40 характеристикъ). М. 1874 г. Цѣна 1 р., съ пер 1 р. 15 к.

Одобрены: 1 ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для преподаванія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ; 2 одобренъ ученымъ комитетомъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, какъ полезное пособіе для институтовъ и женскихъ гимназій.

5. **УЧЕБНАЯ КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ**, хромолитографированная (полунѣмая) съ объясненіемъ къ ней. Цѣна 65 к., съ пер. 85 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫЙДЕТЪ КЪ НАЧАЛУ УЧЕБНАГО ГОДА

УЧЕБНЫЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ (Азія, Африка, Америка и Австралія).

Дозволено цензурой. Москва, 11 іюня 1875 года.

Типографія А. И. Мамонтова и К°., Леонтьевскій переулокъ, № 5.

LE Je '09

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JAN 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 182 379 2